

ИЗВЕСТИЯ

**ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**№1 (13)
2026**

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№1(13)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2026 г.

ОСНОВАН
в 2023 г.

Учредитель:
Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Издатель:
ВГСПУ.
Научное издательство
ВГСПУ «Перемена»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

ПИ № ФС77-84741
от 17 февраля 2023 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- ЛЕОНТОВИЧ О.А. Феномен «совершенной» речи: функцио-
нальное преимущество или коммуникативный риск?..... 4
- ТИСЛЕНКОВА И.А. «Новая демонстративность» в совре-
менной коммуникации.....11
- ГРАСС Е.П. Защищенность текста как лингвокультурный
феномен.....19
- ТЮТЮНОВА О.Н. Лингвопрагматические механизмы деса-
крализации власти в немецкоязычном медиапростран-
стве (на примере публикаций о Рикарде Ланг)23
- ГРЕБЕНЮК Е.Ф. Сарказм в политическом дискурсе Герма-
нии: контрастные речевые стратегии Гельмута Коля и
Ангелы Меркель.....30
- АВИЛОВА А.А. Коммуникативные тактики обвинения и
насмешки стратегии дискредитации в англоязычном
блоге35
- ПЕРМИНОВ Е.В. Коммуникативная тактика «критика» в
немецких интервью: гендерный аспект40
- БИКУС Д.С. Особенности черного юмора в англоязычных
ток-шоу.....46
- ЧЖАО ШУТИН. Прецедентные феномены в перцептивно-
образной составляющей лингвокультурного типажа
«сваха».....51

Главный редактор

Н.А. Красавский,
д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия

Я.А. Волкова
С.Г. Воркачев
В.В. Дементьев
А.Х. Гольденберг
Д.Ю. Гулинов
Л.В. Жаравина
В.И. Карасик
А.А. Кораблёв
М.Ч. Ларионова
О.А. Леонтович
Г.Б. Мадиева (Казахстан)
В.М. Мокиенко
С.А. Мызников
Н.Н. Панченко
С.В. Перевалова
Л.Н. Савина
В.И. Супрун
Н.Е. Тропкина
А.А. Фокин
Ван Цзиньлин (КНР)
Э.Ф. Шафранская

Научно-редакционный совет

А.М. Коротков
Н.А. Красавский
М.В. Великанов

ХАНОВА А.А. Прецедентные феномены исторических нарративов о Шелковом пути56

ВЯТКИНА Т.Ю. Особенности редактирования и перевода на русский язык официальных писем на испанском языке61

МАТЮШЕНКО Е.Е. Морфологические ошибки в научных текстах эритажных говорящих (на материале русского и словацкого языков)68

ШАКИРЬЯНОВ Л.М. Концепция уровневого устройства языка (на материале антонимов).....73

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

МОСКВИН В.П. Междометие как предмет грамматического анализа82

ХЛЫНОВА О.С. Функциональные нарушения эргонимов с иноязычными элементами в современной русской коммерческой номинации.....94

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СОРОКИНА М.В. Топос детства в творчестве поэтов-шестидесятников99

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

НИКИФОРОВА Е.Б. Слово молодых: новый взгляд на актуальные проблемы лингвистики 104

КУЗНЕЦОВА Е.В. Диалектологи всей России в Санкт-Петербургском отделении Российской академии наук 108

*Перевод на английский язык
А.С. Караваевой.*

Сведения об авторах.....	110
Information about authors.....	112
Состав редакционной коллегии	114
Состав научно-редакционного совета.....	114

Подписано в печать
29.04.2026

Формат 60×84/8.
Бум. офс. Уч.-изд. л. 11,5
Тираж 1000 экз.

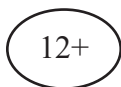
Адрес издателя, редакции:
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27,
ВГСПУ.

Великанову М.В.
☎(8442)60-28-86
E-mail: philolog-izvestia@mail.ru

Отпечатано в типографии
ИП Миллер Андрей Георгиевич
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
Заказ № 29/04/1

Выход в свет
20.05.2026

Цена свободная

© Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет, 2026

О.А. ЛЕОНТОВИЧ
Волгоград

ФЕНОМЕН «СОВЕРШЕННОЙ» РЕЧИ: ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО ИЛИ КОММУНИКАТИВНЫЙ РИСК?

Цель статьи – проанализировать социолингвистические и прагматические аспекты «сверхправильной речи». Показано, что, с одной стороны, она выступает как показатель культуры, способствует ясности коммуникации, поддерживает единство и преемственность культуры. С другой стороны, она может нарушать естественность общения, влиять на самооценку и мотивацию окружающих, приводить к изоляции и конфликтам. Рассмотрены причины нарушения языковых норм. Сделан вывод о том, что ключ к эффективной коммуникации – в равновесии: необходимо уважать нормы, когда они обогащают наше самовыражение, но уметь нарушать их, чтобы дать волю эмоциям и креативности.

Ключевые слова: *языковая норма, сверхправильная речь, пуристы, гиперкоррекция, контекстуальная зависимость, уместность, испанский язык.*

Языковая норма представляет собой сложное и неоднозначное явление. Согласно Российскому гуманитарному энциклопедическому словарю, норма – это «совокупность правил, упорядочивающих употребление языковых средств в речи» [5]. Трудность в определении нормы обусловлена тем, что ее устойчивость относительно, она исторически изменчива, социально и территориально зависима и определяется принципом коммуникативной целесообразности.

Относительность языковой нормы, как и понятия норма в целом, неизменно подчеркивается учеными, занимающимися этой проблемой. Литературная норма представляет собой социально одобряемый вариант языкового употребления, а не единственно возможный способ выражения мысли. Как отмечает Л.П. Крысин, между нормативными установками и реальной речевой практикой существует постоянное согласование, и фактическое употребление может расходиться с предписаниями словарей и грамматик [2]. Из этого следует, что нет авторитетов, которые могут однозначно установить правила языкового употребления. Словари обычно выполняют справочную и рекомендательную, а не прескриптивную функцию.

Нормативность употребления зависит от сферы общения, состава участников и цели коммуникации. По мнению Л.П. Крысина [2] и других лингвистов, оценки «правильно – неправильно» в языке не являются чисто лингвистическими категориями, а отражают социальные установки и ценности речевого сообщества, поскольку норма – это социально одобряемый способ употребления языковых средств, а не единственный возможный вариант. Отбор и закрепление языковых средств происходят в зависимости от коммуникативных потребностей общества [6, с. 9]. Например, согласно наблюдениям О.А. Лаптевой, устная норма, в отличие от жестко кодифицированной письменной речи, допускает сосуществование нескольких вариантов для выражения одного и того

же смысла, что связано с фактором спонтанности и ситуативности. Границы допустимого в устной литературной речи шире, чем в письменной, что и создает эффект «большей вариативности» [3, с. 27].

Цель данной статьи – попытка ответить на вопросы: «Совершенная» речь – благословение или проклятие? Культ грамотности – социальный лифт или социальная ловушка? Может ли идеальное знание языка привести к маргинализации?

Стимулом к рассмотрению этих проблем стала пьеса «La gramática» («Грамматика»), созданная знаменитым испанским режиссером и сценаристом Эрнесто Кабальеро (*Ernesto Caballero*) и с 2024 г. успешно идущая в испанских театрах. Она, а также пьеса Бернарда Шоу «Пигмалион», выступают в качестве основного материала данного исследования.

Сюжет пьесы «La gramática» таков. Главная героиня (в пьесе у нее нет имени) из самых низов общества, говорящая на ненормативном испанском языке, работает уборщицей в Королевской академии испанского языка (*La Real Academia Española*). Однажды во время уборки на нее обрушиваются с полки словари и учебники грамматики. От ударов по голове с ней происходит волшебная трансформация – она начинает говорить на безукоризненном испанском. При этом она сыплет лингвистическими терминами, цитирует классическую прозу и поэзию, например, строки из стихотворения Хуана де ла Круса (Иоанна Крестного), мистика и поэта XVI в.: *Entréme donde no supe y quedéme no sabiendo, toda ciencia tracendiendo* (Вошел туда, где не знал пути, и остался, не ведая ничего, превосходя всякое знание. – Здесь и далее перевод наш. – О. Л.). Героиня совершенно не может выносить ошибки в речи окружающих и все время их исправляет. Она говорит: *La lengua ha de ser precisa. La comprensión lingüística puede abrir horizontes o despistar de la realidad. Las palabras pueden ser engañosas* (Речь должна быть точной. Лингвистическое понимание способно раскрывать горизонты или уводить от реальности. Слова могут быть обманчивы) [10].

Счастлива ли она, пережив такую трансформацию? Нет, напротив, жизнь ее становится невыносимой. Она не может нормально общаться с мужем, детьми, другими уборщицами – коллегами по работе. Она обращается к психотерапевту, умоляя вернуть ее в прежнее состояние, и проходит курс лингвистического депрограммирования (*linguistic unlearning*), чтобы избежать неспособности к социальной адаптации.

Критики называют эту пьесу дистопией и «антипигмалионом», апеллируя к знаменитой пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион», где два блестящих лингвиста – Хиггинс и Пикеринг – встречают девушку-цветочницу Элизу Дулитл, которая говорит на чудовищном кокни. Они заключают пари – Хиггинс обещает, что научит ее правильно говорить и что через три месяца «эта девушка с успехом сойдет за герцогиню на любом посольском приеме» [7]. Хиггинс выигрывает пари – ему удается выдать Элизу за герцогиню и даже принцессу.

Когда миссис Хиггинс в «Пигмалионе» называет затею своего сына игрой, он говорит: «Хороша игра! Да это самая трудная работа, за какую я когда-либо брался... Но если бы вы знали, как это интересно, – взять человека и, научив его говорить иначе, чем он говорил до сих пор, сделать из него совершенно другое, новое существо. Ведь это значит – уничтожить пропасть, которая отделяет класс от класса и душу от души» [7]. Однако исчезает ли эта пропасть на самом деле? Даже после перевоплощения Элиза сталкивается с вопросом: кто она теперь? Она уже не совсем «своя» ни в низшем, ни в аристократическом обществе. Ее новый язык создает дистанцию с прежней средой, но не гарантирует полного принятия в новой.

В пьесе «La gramática» героиня также сталкивается с тем, что ее безупречное знание языка становится препятствием в личной жизни. Она попадает в ловушку собственного перфекционизма: ее поправки раздражают окружающих, а неспособность принять «неправильную» речь других мешает построению близких отношений.

Вышесказанное подводит нас к необходимости сопоставить достоинства и недостатки сверхправильной речи с лингвистических позиций, чтобы ответить на вопрос: является ли она благословением или проклятием?

Плюсы сверхправильной речи

1. Идеальная грамматика и точность формулировок значительно повышают авторитет говорящего в глазах окружающих. В профессиональных и академических кругах соблюдение языковых норм воспринимается как признак высокой культуры, интеллекта и компетентности.

2. «Совершенная» речь способствует ясности и эффективности коммуникации, минимизирует риск недопонимания и двусмысленностей. Точность формулировок помогает избежать конфликтов, связанных с некорректным толкованием информации.

3. Соблюдение языковых стандартов поддерживает единство и преемственность культуры.

Однако в самом словосочетании «сверхправильная речь» нельзя не обратить внимания на приставку «сверх-»: все, что чрезмерно, имеет свои недостатки.

Минусы сверхправильной речи

1. Коммуникативные барьеры: нарушение естественности общения. Чрезмерная фокусировка на правильности речи может мешать естественному течению диалога, подавлять спонтанность и эмоциональную составляющую общения. В неформальных ситуациях, творческих дискуссиях или дружеских беседах строгость формы часто вредит передаче смысла и установлению эмоционального контакта. Это приводит к тому, что общение становится формальным, скованным и менее эффективным.

2. Психологическая и когнитивная нагрузка. Поддержание «совершенной» речи требует дополнительных умственных усилий, что может отвлекать от сути разговора или креативного мышления. Чрезмерное внимание к форме увеличивает когнитивную нагрузку, что особенно заметно в стрессовых коммуникативных ситуациях.

3. Упор на форму, а не на содержание. Иногда из-за стремления к идеальной грамматике теряется смысл разговора. Люди начинают концентрироваться на том, как сказать, а не на том, что сказать.

4. Влияние на самооценку и мотивацию окружающих. Постоянное стремление к идеалу создает напряженность и снижает уверенность в себе у тех, кто не соответствует языковым стандартам. Люди, чьи ошибки регулярно исправляют, могут чувствовать себя неуверенно, испытывать стресс и избегать общения. Как в свое время отмечал Э. Гофман, постоянные поправки нарушают «фасад» собеседника, создавая дискомфорт и угрозу его социальному имиджу [11].

5. Социальные последствия: конфликты и изоляция. Замечания по поводу речи окружающих часто воспринимаются как педантичность, высокомерие или даже форма «лингвистического терроризма» (как об этом говорит героиня пьесы «La gramatica»). Такое поведение может вызывать раздражение, обиду и отчуждение у собеседников, что ведет к ухудшению межличностных отношений. В социальных группах, где ценятся естественность и взаимное уважение, чрезмерная критика речи может иметь неприятные последствия.

Лингвистические пуристы и их влияние

История знает множество примеров лингвистических пуристов, которые ратовали за идеальную правильность языка. Например, французская лингвистическая традиция известна своей строгостью и стремлением к сохранению норм языка, что отражается в работе Французской академии. В англоязычных странах, напротив, наблюдается более гибкий подход, допускается вариативность и учитывается эволюция языка.

Термин *grammar Nazi* обозначает человека, который навязчиво исправляет ошибки в речи или письме других, часто с излишней строгостью, педантичностью и даже агрессией. Такие индивидуумы могут поправлять речь собеседников даже в неформальных

ситуациях (например, в соцсетях, личных сообщениях или разговорах), где это неуместно. Термин «наци» здесь используется как гипербола, подчеркивающая фанатизм и нетерпимость к любым отклонениям от нормы. Причины подобного педантизма – это перфекционизм, чувство превосходства, а порой комплекс неполноценности, когда человек таким образом компенсирует свои сомнения в других областях жизни.

Гиперкоррекция нередко выступает как социальный маркер. У. Лабов, в частности, пишет о *linguistic insecurity* – чувстве тревоги и неуверенности у говорящего, связанном с восприятием собственного варианта речи как уступающего по «правильности» престижному стандарту [12]. Таким образом, гиперкоррекция чаще всего возникает у людей, которые: а) осознают престиж литературной нормы; б) стремятся повысить свой социальный статус через речь; в) не ощущают разницы между разговорной и книжной речью.

Вернемся к пьесе «La gramatica» Э. Кабальеро. В интервью автор высказывает следующую идею: «Одержимость безупречным соблюдением грамматических правил превращается в своего рода патологию, которая делает главную героиню безумной перфекционисткой, запертой в рамках норм и языковой корректности. <...> Язык в данном случае становится тюрьмой для персонажа, обреченного замечать и исправлять каждую ошибку» [8].

Мысль философа Л. Витгенштейна, утверждавшего, что границы языка – это границы нашего мира, отражает универсальную дилемму: конфликт между контролем и свободой. Сегодня мы наблюдаем очевидную поляризацию мнений. С одной стороны, есть те, кто требует крайней жесткости в соблюдении языковых норм, с другой – те, кто выступает за вседозволенность или относится к языку с пренебрежением, граничащим с безразличием.

Две стороны одной медали

Оба произведения – «Пигмалион» и «La gramatica» – подчеркивают, что язык – это не просто инструмент, а социальный контракт. Вопрос в балансе: владение языком – это ресурс, но его ценность зависит от того, как им пользоваться. Важно не только как ты говоришь, но и зачем: чтобы возвыситься над другими или чтобы найти общий язык с собеседником.

В «La gramatica» героиня пытается «разучиться» говорить идеально. В высказываниях Элизы из «Пигмалиона» тоже проскальзывает эта мысль: «Раньше я могла так разговаривать, но теперь – нет. Вчера ночью, когда я бродила по улицам, какая-то девушка заговорила со мной; я хотела ей ответить по-старому, но у меня ничего не вышло. Помните, вы как-то говорили мне, что ребенок, попавший в чужую страну, в несколько недель привыкает к чужому языку, а свой родной забывает? Вот я – такой ребенок в вашей стране. Я забыла свой родной язык и могу теперь говорить только на вашем» [7]. Идеальная речь становится частью личностной идентичности. В определенных ситуациях она выступает как коммуникативная помеха, затрудняющая нахождение общего языка с собеседником.

Причины нарушения языковых норм

Причины нарушения языковых норм многочисленны, и плохое знание языка – лишь одна из них. Рассмотрим их подробнее.

1. Самовыражение и индивидуальность, желание выделиться, утвердить свою идентичность. Современники М.Ю. Лермонтова вспоминали, что когда его упрекали за неправильную форму слова «пламя» в строке: «Из пламя и света рожденное слово», он отвечал: «Мне так поется». Д. Мережковский по этому поводу писал: «...Мне нравилась эта грамматическая ошибка: она приближала ко мне Лермонтова» [4].

2. Желание вписаться в социальную группу. Хорошо известно, что молодежный сленг помогает подчеркивать принадлежность к определенной субкультуре. То же самое наблюдается в отношении диалектов, гендерлектов и т.д. В одном из документаль-

ных фильмов чернокожий американский преподаватель рассказывал о том, что у него в семье всегда говорили на нормативном английском, но ему уже во взрослом возрасте пришлось овладеть афроамериканским вариантом английского языка (Black American), чтобы почувствовать свою принадлежность к негритянской культуре.

3. Социальная динамика и изменения в языке. Уследить за меняющимися языковыми нормами достаточно сложно. Например, то, что вчера считалось политически корректным, сегодня может не являться таковым. Языковое поведение представителей старшего поколения может не вписываться в молодежные коммуникативные нормы и восприниматься как неправильное, старомодное и даже смешное.

4. Протест против социальных структур. Языковые нормы часто ассоциируются с властью, элитой или устоявшимися институтами. Их нарушение может быть формой сопротивления. Например, использование феминитивов (авторка вместо автор или организаторка вместо организатор) считается формой борьбы с патриархатом. Маргинализованные группы создают свой жаргон, чтобы противостоять доминирующей культуре.

5. Эмоциональная выразительность. Ненормативное употребление междометий (вау, блин) или смайликов в письменной речи, умышленное искажение слов для комического эффекта (опупея вместо эпопея или прихватизация вместо приватизация) предназначено для того, чтобы сделать общение более живым, эмоциональным или запоминающимся.

6. Языковая игра и креативность. Язык – это поле для экспериментов, где нарушение правил служит способом игры со словами, механизмом юмористической коммуникации или средством поиска неожиданных ассоциаций, чтобы развлечь, удивить или заинтриговать собеседника. Использование нарушений языковой нормы как художественного или комического приема в лингвистике часто называют «лингвокреативностью» или «игровой девиацией». В таких случаях ошибка перестает быть признаком безграмотности и становится инструментом создания новых смыслов.

Контекстуальная зависимость:

когда уместна и когда вредна «совершенная» речь

«Высокая культура речи – это умение выбрать из сосуществующих вариантов наиболее точный в смысловом отношении, стилистически уместный и правильно оформленный», – писал В.Г. Костомаров [1]. Контекст определяет уместность идеальной речи: в профессиональной среде это благо, в неформальном общении может стать проклятием. Идеальная речь уместна в официальных документах, научных текстах, лекциях, некоторых публичных выступлениях (что зависит от аудитории и цели), деловой переписке и т.д., т.е. преимущественно в институциональном дискурсе. Она неуместна в дружеских беседах, где естественность и эмоциональность важнее правильности.

В пьесе «Пигмалион» Элиза говорит: «...Мне хотелось бы, чтобы профессор Хиггинс называл меня мисс Дулиттл» [7]. Но, несмотря на то, что Хиггинс владеет тончайшими нюансами английского языка, он не утруждает себя светскими приличиями. «Сдохнете – не дождетесь!» – отвечает он, и когда мать делает ему замечание, говорит ей обиженно: «Что ж, по-вашему, я разговариваю не так, как принято в обществе?» – «Нет, милый, отчего же, – отвечает она, – это смотря в каком обществе. На грузовой пристани, например, вероятно, так именно и принято; но на званом обеде в Челси обычно разговаривают иначе» [7].

С точки зрения Д. Кристала, язык – это живой организм, а не набор жестких правил. Педантизм, – утверждает он, – убивает его естественную эволюцию [9]. Ключ к эффективной коммуникации – в равновесии: необходимо уважать нормы, когда они обогащают наше самовыражение, но уметь нарушать их, чтобы дать волю эмоциям и креативности. Норма должна быть путеводителем, а не тюрьмой.

Понимание уместности и неуместности «совершенной», т.е. формально нормативной речи приобретает особое значение в профессиональной деятельности преподавателей иностранных языков и переводчиков. Для представителей этих профессий принципиально важно не только владение языковой нормой как таковой, но и способность осознавать ее функциональные ограничения, а также распознавать коммуникативную роль намеренных или социально мотивированных отклонений от нормы. Поскольку в реальной коммуникации отступления от нормы нередко выполняют значимую прагматическую и социолингвистическую функции, игнорирование этих факторов приводит к упрощенному пониманию языка как набора «правильных» и «неправильных» форм и, как следствие, к искажению коммуникативного смысла.

Особенно наглядно эта проблема проявляется в переводческой практике. Переводчики регулярно сталкиваются с трудностями передачи в переводном тексте фонетических особенностей речи, иностранного акцента, разговорных и просторечных форм, сленга, диалекта или идиолекта персонажа. Адекватный перевод таких элементов требует тонкой нюансировки языковых средств, учета социальных характеристик говорящего, коммуникативной ситуации, жанра текста, а также системных различий между исходным и целевым языками. Формальное следование нормативным моделям целевого языка в подобных случаях нередко приводит к утрате социокультурной информации и обеднению речевого портрета персонажа.

Вследствие различий между языковыми системами переводчикам нередко приходится прибегать к стратегии компенсации. Рассмотрим лишь один пример из «Пигмалиона». Б. Шоу в начале пьесы воспроизводит фонетические, грамматические и лексические особенности речи Элизы, говорящей на кокни: проглатывание звуков и слогов, использование просторечных слов и сленга, выпадение звука [h] в начале слов, а также специфическое произношение гласных звуков:

THE FLOWER GIRL. *Nah then, Freddy: look wh' y' gowin, deah. <...> There's manners f' yer! Te-oo banches o voylets trod into the mad. <...> Ow, eez ye-ooa san, is e? Wal, fewd dan y' de-ooty bawmz a mather should, eed now bettern to spawl a pore gel's flahrzn than ran awy atbaht pyin. Will ye-oo py me f'them?* [13].

Дальнейшее фонетическое дублирование ее речи становится избыточным, на что в комментарии указывает сам автор: *Here, with apologies, this desperate attempt to represent her dialect without a phonetic alphabet must be abandoned as unintelligible outside London.* Будучи опытным драматургом и публицистом, Б. Шоу осознавал, что чрезмерная фонетическая орфография резко снизила бы читабельность текста и отвлекла внимание от содержания реплик из-за необходимости расшифровывать речь Элизы. Поэтому он использует фонетическую запись дозированно, только для первичного эффекта.

Понятно, что воспроизвести акцент кокни в русском переводе невозможно, поэтому переводчик Е. Калашникова использует как показатель неправильной речи лишь лексические особенности:

ЭЛИЗА. *Куда прешь, Фредди! Возьми глаза в руки! <...> А еще образованный! Все фиалочки в грязь затоптал. <...> А, так это ваш сын? Нечего сказать, хорошо вы его воспитали... Разве это дело? Раскидал у бедной девушки все цветы и смылся, как маленький! Теперь вот платите, мамаша!* [7].

Отдельную сложность представляет передача прагматических категорий, не имеющих прямых формальных соответствий в разных языках. Так, переводчики часто испытывают затруднения при определении момента, в котором в диалоге целесообразен переход от форм вежливого обращения к неформальным («вы» → «ты»), поскольку такое решение зависит не от грамматических правил, а от тонкого взаимодействия социальных ролей, статуса, степени близости, динамики общения и культурных норм. Ошибка

в выборе формы обращения может существенно изменить интерпретацию отношений между персонажами и коммуникативную интенцию высказывания.

Таким образом, профессиональная деятельность преподавателей иностранных языков и переводчиков требует не абсолютизации языковой нормы, а глубокого понимания ее вариативности и функциональной обусловленности. Осознание того, что «совершенная» речь не всегда является уместной, а отклонения от нормы могут быть осмысленными и значимыми, позволяет более адекватно интерпретировать и передавать речевое поведение в межкультурной коммуникации. Перечень подобных проблемных зон можно продолжать, что лишь подчеркивает необходимость включения социолингвистического и прагматического анализа речи в систему профессиональной подготовки специалистов языкового профиля.

Список литературы

1. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005.
2. Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). С. 36–46.
3. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976.
4. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов – поэт сверхчеловечества // М.Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова, коммент. Г.Е. Потаповой и Н. Ю. Заварзиной. СПб.: РХГИ, 2002.
5. Норма языковая // Российский гуманитарный энциклопедический словарь. URL: <https://1597.slovaronline.com/5012 норма языковая> (дата обращения: 08.01.2026).
6. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Секреты стилистики. Правила хорошей речи. М.: Айрис-пресс, 2003.
7. Шоу Б. Пигмалион / Пер. Е. Калашниковой (1948) // URL: <https://azbyka.ru/fiction/pigmalion-bernard-shou/> (дата обращения: 11.01.2026).
8. Alba J.A. La gramática, ¿bendición o castigo? // Revista Online, diciembre 1, 2024. URL: <https://revistagodot.com/la-gramatica-bendicion-o-castigo/> (дата обращения: 08.01.2026).
9. Crystal D. The Fight for English: How Language Pundits Ate, Shot, and Left. Oxford University Press, 2007.
10. Ernesto Caballero estrena en el Romea ‘La gramática’, una irónica distopía léxica // El Periodico, 02/12/ 2025. URL: <https://www.elperiodico.com/es/ocio-y-cultura/20250212/ernesto-caballero-estrena-romea-gramatica-114221884> (дата обращения: 08.01.2026).
11. Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Pantheon Books, 1967.
12. Labov W. Hypercorrection by the Lower Middle Class as a factor in linguistic change // W. Labov, Sociolinguistic Patterns. University of Pennsylvania Press, 1972. P. 122–142.
13. Shaw G.B. Pygmalion. The Project Gutenberg eBook. Release date March 1, 2003 // URL: <https://www.gutenberg.org/files/3825/3825-h/3825-h.htm> (дата обращения: 11.01.2026).

* * *

1. Kostomarov V.G. Nash yazyk v dejstvii: Ocherki sovremennoj russkoj stilistiki. M.: Gardariki, 2005.
2. Krysin L.P. Yazykovaya norma i rechevaya praktika // Otechestvennye zapiski. 2005. № 2 (23). S. 36–46.
3. Lapteva O.A. Russkij razgovornyj sintaksis. M.: Nauka, 1976.
4. Merezhevskij D.S. M.Yu. Lermontov – poet sverhchelovechestva // M.Yu. Lermontov: pro et contra / Sost. V.M. Markovich, G.E. Potapova, komment. G.E. Potapovoj i N. Yu. Zavarzinoj. SPb.: RHGI, 2002.
5. Norma yazykovaya // Rossijskij gumanitarnyj enciklopedicheskij slovar. URL: <https://1597.slovaronline.com/5012 norma yazykovaya> (дата обрaщения: 08.01.2026).
6. Rozental' D.E., Golub I.B. Sekrety stilistiki. Pravila horoshej rechi. M.: Ajris-press, 2003.
7. Shou B. Pigmalion / Per. E. Kalashnikovoj (1948) // URL: <https://azbyka.ru/fiction/pigmalion-bernard-shou/> (дата обрaщения: 11.01.2026).

*The phenomenon of “perfect” speech:
functional advantage or communicative risk?*

The purpose of the article is to analyze the sociolinguistic and pragmatic aspects of “perfect” speech.

It is shown that, on the one hand, it serves as the indicator of culture, provides the brightness of communication and supports the unity and succession of culture. On the other hand, it can violate the authenticity of communication, influence the self-concept and motivation of the others and bring to isolation and conflicts. The reasons for violation of language norms are considered. It is concluded that the key of efficient communication consists in balance: the necessity to respect the norms when they enrich our self-expression but is able to violate them to give vent to emotions and creativity.

Keywords: *language norm, perfect speech, purists, hypercorrection, contextual dependence, aptness, Spanish.*

(Статья поступила в редакцию 14.01.2026).

И.А. ТИСЛЕНКОВА
Волгоград

«НОВАЯ ДЕМОНСТРАТИВНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Цель исследования – раскрыть суть феномена «новой демонстративности» в современной коммуникации, выявить ее функции. Научная новизна статьи состоит в том, что впервые «новая демонстративность» получает лингвопрагматическое описание.

В результате исследования выявляется единица выражения «новой демонстративности» – лингвистический геиштальт и устанавливаются ее самоидентифицирующая и регулятивная функции.

Ключевые слова: *демонстративная тональность, коммуникативный демонстратив, языковая личность, демонстративная коммуникация.*

Актуальность исследования обусловлена стремительным изменением коммуникативных практик в цифровую эпоху, когда демонстративность становится системообразующим элементом повседневного взаимодействия: социальные сети и мессенджеры переопределяют способы самопрезентации, смещая акцент на визуальные и перформативные стратегии, а языковые и неязыковые средства демонстративности активно используются для привлечения внимания и конструирования идентичности [4]. Рост значимости демонстративности в разных сферах взаимодействия обуслови-

вает практическую востребованность её лингвистического осмысления, а междисциплинарный характер феномена создаёт необходимость в комплексном исследовании её функций и форм реализации.

Цель исследования состоит в определении сущности феномена «новой демонстративности» в современной коммуникации.

Задачи исследования включают: 1) описание социокультурных факторов, стимулирующих распространение демонстративности в современном дискурсе; 2) определение ключевых признаков «новой демонстративности»; 3) выявление и описание средств актуализации «новой демонстративности», ее функций в эпоху метамодернизма.

Для решения задач и достижения цели используются следующие методы: теоретический анализ научной литературы, общенаучные методы, дискурсивный анализ текста (выявляет лингвистические средства актуализации демонстративной тональности) и психолингвистический анализ речи (предусматривает установление взаимосвязи между мотивами коммуниканта и демонстративными единицами их языкового выражения в речи).

Материалом для анализа послужили 51 интервью из документального телесериала «Моя странная зависимость» 2010–2015 гг. общей длительностью 1530 минут [9], а также фрагменты прямой речи из публицистических статей периодической печати за 2010, 2015 и 2025 гг., содержащие проявления коммуникативной демонстративности.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что полученные выводы позволяют дополнить систематизацию языковых и неязыковых средств демонстративности, уточнить терминологию и типологию коммуникативных демонстративов, что может быть использовано в курсах по психолингвистике, семиотике, дискурс-анализу и теории коммуникации. Осознание механизмов демонстративности позволяет человеку критичнее относиться к собственным и чужим коммуникативным стратегиям, различать подлинную самореализацию и показное поведение, выстраивать более искреннее взаимодействие.

Демонстративность как коммуникативная тональность, эмоционально-стилевая форма общения, характеризующаяся установками на самопрезентацию, неискренность с тенденцией к преувеличению своих качеств, акцентированностью доминирующей эмоции, выражаемая посредством семиотической полимодальности, – неотъемлемая составляющая речевого взаимодействия, пронизывает любые его формы, и каждый из нас, участвуя в интеракции с другими людьми, есть «человек демонстрирующий» [14]. В каждую культурную эпоху в процессе общения коммуникант предъявлял себя окружающим через знаки и семиотические комплексы, отражающие его социально-демографические характеристики. Коммуникативные маркеры идентичности существенно трансформировались от эпохи к эпохе. Однако никогда прежде не наблюдалась такая свобода в выборе средств демонстративной тональности для самопрезентации как в настоящее время.

В современную эпоху метамодернизма (конец XX – начало XXI вв.) формируются новые критерии автопрезентации в связи с необходимостью согласовывать аутентичное самовыражение со стратегическим конструированием публичного образа, а также потребностью личности закрепиться в условиях фрагментарных идентичностей и перманентной борьбы за зрительский интерес в онлайн- и офлайн-пространствах [2; 7].

Феномен «новой искренности» возник в начале 2000-х гг. как реакция на всеобщий цинизм постмодернизма и выразился в стремлении вернуть открытую, честную и эмоционально насыщенную речь в искусство, культуру и коммуникацию [10]. «Новая этика» сфокусировала внимание на уважении к личным границам, опыту других и сформировала новые модели взаимодействия (например, толерантность). Коммуникативная демонстративность стала инструментом реализации этих двух культурных концепций

[5]. «Новая демонстративность» появилась как манипулятивная форма преувеличенно акцентированного удовлетворения своих психологических потребностей и выражения концепции внутреннего мира говорящих.

В метамодерне замысел (концепция, миф, нарратив) получает практически онтологический статус в связи с тем, что искусство и культура смещают свой фокус с объекта к концепту (перформансы, инсталляции, цифровые арт-объекты), бренды продают не товары, а образы (оригинальность, аутентичность), социальные движения строятся вокруг идей (права меньшинств), организующих жизнь, а не просто её сопровождающих [7]. Это происходит потому, что технологии позволяют отделять информацию от носителя (тело ↔ данные, сознание ↔ облако). Глобализация и медиа создают пространство для виртуальных сообществ, в которых мысль важнее, чем пространственная или биологическая данность [8]. Кризис метанарративов предыдущей эпохи подталкивает коммуникантов искать смыслы вне материальных структур. Экологический и экзистенциальный вызовы заставляют человека переосмыслить свое место в мире и стать участником сложных систем, где идея определяет самовыражение [12].

Создание и внедрение в жизнь искусственного интеллекта показало человеку его несовершенство по сравнению синтетическими организмами. В культурном пространстве люди стали фантазировать об интеграции технологий с человеческим телом, с целью расширения возможностей человека для решения задач социального и технологического характера [13]. Данные идеи обсуждаются в культовых художественных фильмах «Аватар» и «Суррогаты» (2009), в серии фильмов вселенной Marvel о героях со сверхспособностями (2008–2025) – Железном человеке, Халке, Воителе, Ракете, Вижне, Человеке-пауке, Небуле. Технологические компании Neuralink, Synchron, Forest Neurotech and Butterfly Network и другие делают попытки практического воплощения этих стремлений.

В эпоху метамодернизма значительная часть жизни переносится в нематериальные сферы: общение – в мессенджеры и соцсети (текст, эмодзи, аватары вместо телесного присутствия), работа – в облачные среды, потребление – в цифровые товары (музыка, книги). Создаются виртуальные миры (метавселенные). Тело перестаёт быть единственным «носителем» личности: идентичность всё чаще конструируется через цифровые следы и образы. Человеку метамодернизма важны не столько биологические параметры тела, сколько его репрезентация в медиа (образ, стиль, «личный бренд»). Духовные и экзистенциальные вопросы выходят теперь на первый план [1]. Ценность приобретает не обладание вещью, а её нарратив (история бренда, история успеха). Тело является проектом: пластическая хирургия, фитнес, диеты, биохакинг – попытки трансформировать биологию по своему желанию с помощью технологий. Протезирование и киборгизация, нейроинтерфейсы размывают границу между телом и машиной, а в цифровом пространстве тело заменяется аватаром, который может не иметь аналогов в реальности. Таким образом, телесность в настоящее время является гибкой формой, подчинённой мысли, которую человек презентует в общении посредством коммуникативной демонстративности [11].

В коммуникации метамодернизма преобладает демонстративная тональность, выраженная лингвистическим гештальтом – социосемиотическим комплексом, состоящим из образа, мысли, чувства, моторной и речевой деятельности человека, а также фрейма, схемы и сценария в одной единице речевого общения, предъявление которой позволяет одновременно воспринимать всю содержащуюся в ней информацию [6, с. 60–62]. В настоящее время человек, глядя на мощь ИИ, испытывает неудовлетворенность собой, вследствие чего отрицает в себе человеческое: телесное и социальное, реализуя это посредством манипулятивной отрицательной коммуникативной демонстративности. Ин-

дивид, представляя себя окружающим, все чаще отказывается от своего пола, возраста, биологического вида, культурной принадлежности. Например:

(1) – *Я обычная провинциальная девчонка. И я не могу жить без того, чтобы идентифицировать себя с бытовой техникой (стоит у стены, выполняя круговые движения руками, изображая работу стиральной машины, издает звук работающего аппарата, озвучивает этапы стирки). Это то, что я обожаю делать всю свою жизнь. Три часа в день я живу жизнью стиральной машины [9].*

В примере (1) 17-летняя девушка репрезентует себя сверстникам через демонстративную тональность, выраженную лингвистическим гештальтом «стиральная машина» – целостной лингвосемиотической конструкцией – образом неодушевленного предмета, состоящим из фрейма «стирка белья» с целью показать свою оригинальность и вызвать к себе интерес. Речевая деятельность этого коммуниканта строится на демонстративной просодике (издает звук работающего аппарата), моторная деятельность связана с имитацией вращения барабана (стоит у стены, выполняя круговые движения руками, изображая работу стиральной машины). В лексико-семантическом поле представленного высказывания содержатся фразы-клише озвучивания процессов работы устройства (озвучивает этапы стирки). Сценарий состоит из выполнения последовательности действий цикла стирки:

(2) – *(47-летний коммуникант в образе шестилетней девочки Стефани одет в платье с рюшами, белые колготки, на голове – в длинных волосах – ободок, в ушах – серьги). Я не хочу быть взрослым, я хочу быть маленькой девочкой и получить то, что я не получил в своем юном возрасте <...> Мы играем, рисуем, отлично проводим время. Я собираюсь быть самим собой. Я повернулся вспять, в детство, я не хочу быть взрослым прямо сейчас. Мои приемные мама и папа помогают мне. Им абсолютно комфортно со мной [18; 15].*

(3) – *(25-летний коммуникант сидит в детской кроватке в комбинезоне с погремушкой) Меня зовут Райли. Мне 25 лет и я веду жизнь взрослого младенца. Я ношу одежду для малышек практически все время. Как только я прихожу домой, я сразу переодеваюсь в самый милый для меня детский комбинезон, и это помогает мне смыть с себя стресс большого мира. Мне нравятся мои хвостики (показывает на прическу) и моя бутылочка. Это так приятно и так верно для меня.*

Райли превратила свою спальню в детскую комнату с колыбелью, в которой она спит ночью. Райли проводит 12 часов в день в образе малыша. Она тратит в месяц 400 долларов на детские вещи, памперсы и аксессуары [9].

В примерах (2) и (3) говорящие осуществляют самопрезентацию с помощью манипулятивной отрицательной коммуникативной демонстративности, актуализируемой лингвистическим гештальтом «ребенок», чтобы апеллировать к архетипической роли «защитника» у адресата. Сознательное сочетание детской непосредственности с когнитивной зрелостью создаёт запоминающийся образ, который воспринимается как искренний и нестандартный. Лингвистический гештальт «ребёнок» в манипулятивной самопрезентации – это стратегический инструмент, позволяющий говорящему контролировать эмоциональный фон диалога и сознательно конструировать имидж, который провоцирует у собеседника необходимые модели поведения. Элементами гештальт-конструкций этих высказываний являются: 1) образ (6-летняя девочка; младенец в соответствующей одежде); 2) фрейм «жизнь и деятельность малолетнего ребенка» (моторная и речевая деятельность, связанная с проведением времени со своими опекунами за играми и раскрашиванием (проводит 12 часов в день в образе малыша, носит памперс, принимает пищу из бутылочки, играет в игрушки); 3) сценарий (режимные моменты жизни ребенка).

В США женщина, считающая себя черепахой, стала консультантом по психическому здоровью:

(4) – Джей Ди Холт, новый член комиссии штата по вопросам психического здоровья, вызывает удивление, называя себя черепахой. Она использует местоимения «они», «их» и слово «черепаха», что стало предметом обсуждения на недавнем заседании [17].

HorsegirlL описывает себя как «наполовину лошадь, наполовину человека»:

(5) – (девушка в парике, имитирующем лошадиную гриву, гриме лошади и костюме, включающем аксессуары – подковы, седло, упряжь): Я просто девчонка из амбара. <...> На самом деле я уже давно знаменита, но в основном в животном мире. <...> Хорошо быть девушкой-лошадкой. Тебе нравится природа, животные и лошади, и ты любишь бывать в конюшнях. И это потрясающе! Это нормально! [16].

Звезда охотно рассказывает легенду о своем «животном» происхождении. HorsegirlL, мол, недавно отдыхала в Эквадоре, где паслась на сочных пастбищах. Также ее выходы в прямой эфир сопровождаются звуками, характерными для этих непарнокопытных [21].

Рис. 1. Немецкая певица и диджей С. Сталлион

В примерах (4) и (5) описана концептуальная самоидентификация и ее демонстративная самоподача. Через образы животных публичные личности проговаривают собственное восприятие себя, которое не укладывается в традиционные категории, что делает их уникальными. Коммуникативная демонстративность помогает им ут-

вердить свой уникальный опыт бытия, интегрируя его в профессиональную деятельность и повседневную жизнь (женщины не просто носят костюмы животных, а воспроизводят их повадки), чтобы добиться признания от коллег и общества, уважения выбора личного жизненного пути.

(6) – *(37-летний мужчина с лицом куклы Кена и в кукольном костюме): Сейчас я хочу стать профессионалом в сфере пластической хирургии и стать дизайнером тела. Я всегда хотел отличаться своим стилем, дизайном и красотой. Я просто выбрал необычный путь. В реальности я уже делал 245 косметических процедур. Для меня моя известность очень важна, я хочу вдохновлять других моим примером. Надо понимать, кто ты есть, гордиться этим и никогда не жалеть об этом.*

Джастин потратил около 200 тысяч долларов на пластические операции, чтобы изменить не только лицо, но и мышечный рельеф по всему телу [20].

В самопрезентационной речи (6) манипулятивная отрицательная коммуникативная демонстративность, используемая говорящим, формирует имидж «живой куклы». Кукольный вид и стиль жизни анимационного героя служит маской, защищающей от тревоги и страха быть осуждённым за обычную внешность. С помощью лингвистического гештальта коммуникант становится куклой – объектом всеобщего восхищения, а тщательная проработка облика даёт ему ощущение власти над собственной внешностью и жизнью. Такой эффектный образ привлекает внимание в соцсетях, образуя общество поклонников и укрепляя самооценку.

(7) – *(20-летняя девушка с синим ирокезом на голове в костюме альт, танцует перед камерой, показывая характерные жесты данной субкультуры; лицо покрыто тирсингом):*

Я взрослая, замужняя, работающая девушка. Боже, столько внимания на улице я не получала никогда, когда гуляла с ирокезом. Я не замечала, как жестко манипулирую. Потом заметила и начала делать это осознанно. Лами лун лан. 20 годиков [22].

В эпоху метамодернизма многие люди выражают себя через субкультуры, которые продолжают развиваться, сочетая традиционные направления с новыми цифровыми и эстетическими трендами. Наблюдается их большое разнообразие: кей-поп-фанаты, альт-субкультура, дед инсайд, аниме, отаку, фурри, дрейн, геймеры, готы, панки, хипстеры, редан, гули, ванильки, e-girls, e-boys, квадроберы [19]. Их последователи идентифицируют себя посредством предлагаемых ими коммуникативных демонстративов: демонстративных образов, демонстративных предметов и демонстративных действий. В рамках субкультуры индивидам легко экспериментировать с идентичностью, пробовать новые роли, не боясь полного осуждения. Это даёт человеку ощущение уникальности и независимости. В субкультурном сообществе легче быть собой: правила и ожидания просты, а отклонения от нормы поощряются. Субкультурная идентичность помогает обозначить свою позицию («я не такой, как все») и создать альтернативную систему ценностей [3].

Описанный паттерн самопрезентации, передаваемый единицей смешанного типа демонстративной тональности (лингвистическим гештальтом), в современной коммуникации составляет коммуникативную практику «новой демонстративности» и используется коммуникантами всех возрастных групп и разного социального положения. Вместе с тем необходимо отметить, что гештальт-структуры имеют ритуализированную, шаблонную природу. Их массовое использование в качестве ведущего механизма самоподдачи свидетельствует о растерянности и неуверенности в себе современного человека. Личность периода метамодернизма не может ответить на экзистенциальные вопросы: «Какой я на самом деле?», «В чем моя уникальность?», что говорит о глобальном кризисе идентичности в обществе. Коммуникативные стереотипы помогают ей найти опору, структурировать свою повседневность для ощущения предсказуемости, служат средством саморегуляции.

Список литературы

1. Афанасьева А.П. Ключевые характеристики человека метамодерна // *Философско-культурологические исследования*. Луганск. 2017. URL: <https://fki.lgaki.info/2023/11/30/ключевые-характеристики-человека-ме/> (дата обращения: 08.12.2025).
2. Вавилова Ж.Е. Конструирование идентичности в условиях виртуализации общества: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2019.
3. Иванов А.В., Козлов В.Е. Конструирование радикальной субкультурной идентичности в культурно сложном обществе // *Казанский педагогический журнал*. 2020. № 5 (142). С. 253–256.
4. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2021. № 1. С. 14–31.
5. Кротовская Н.Г., Кулагина-Ярцева В.С. «Новая этика», истоки и современность (Обзор) // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2022. Т. 11. № 2А. С. 241–259.
6. Лакофф Д. Когнитивное моделирование // *Язык и интеллект*. М.: Прогресс, 1996. С. 143–184.
7. Маляров С. Метамодернизм: новая философия современной эпохи // URL: <https://malyaroff.com/tpost/e4p9n7fme1-metamodernizm-novaya-filosofiya-sovremen> (дата обращения: 08.12.2025).
8. Мотульский Р.С. Механизм формирования и распространения нооинформации. 2025 // *Научные и технические библиотеки*. 2000. № 10. С. 4–15.
9. *Моя странная зависимость*. Документальный телесериал. Реж. Джозеф Р. Фицджералд. 20 West Productions, Violet Media. 2010–2015. // URL: <https://www.primevideo.com/servicerestricted> (дата обращения: 08.12.2025).
10. Оводова С.Н. Новая искренность в современном публичном дискурсе: личное и публичное в репрезентации культурных травм // *Публичное/частное в современной цивилизации: материалы XXII российской научно-практической конференции (с международным участием)*, Екатеринбург, 16–17 апреля 2020 года. Екатеринбург, 2020. С. 79–82.
11. Предовская М.М., Тебякина Е.Е. Метамодернизм и метареализм: переосмысление антропологической реальности // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2024. № 3 (44). С. 59–64.
12. Сотников Я.С. Смена социокультурных парадигм от постмодерна к метамодерну: магистерская диссертация по направлению подготовки: 030100-Философия. Томск, 2023 // URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:18945> (дата обращения: 08.12.2025).
13. Тимофеев А.В. Сущность и проблемы искусственного интеллекта в контексте современных научных и философских представлений // *Современные философские исследования*. 2020. № 2. С. 127–133.
14. Тисленкова И.А. Самопрезентация как ведущий признак коммуникативной демонстративности // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2023. Т. 42. № 3. С. 576–584.
15. ctv.by 15.12.2015 // URL: <https://ctv.by/news/obshestvo/ne-hochu-byt-vzroslym-pryamo-sejchas-52-letnij-kanadec-brosil-zhenu-i-7-h-detej-chtoby-stat-6-letnej-devochkoj> (дата обращения: 08.12.2025).
16. dzen.ru 09.03.2025 // URL: https://dzen.ru/a/Z811Bl_TVwfTljCh (дата обращения: 08.12.2025).
17. [gazeta.ru](https://www.gazeta.ru) 13.03.2025 // URL: https://www.gazeta.ru/style/news/2025/03/13/25300292.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 08.12.2025).
18. [kp.ru](https://www.kp.ru) 14.12.2015 // URL: <https://www.kp.ru/daily/26470.5/3340470/> (дата обращения: 08.12.2025).
19. [Mok.ru](https://m.ok.ru) // URL: <https://m.ok.ru/group/58303642992778/topic/157714065363082> (дата обращения: 08.12.2025).
20. [News.am](https://style.news.am) 04.06.2025 // URL: <https://style.news.am/rus/news/22684/newsam-style-exclusive-skandalnaya-zhivaya-kukla-ken--dzhastin-dzhedlika-o-svoikh-plasticheskikh-operaciyakh.html> (дата обращения: 08.12.2025).
21. [starhit.ru](https://www.starhit.ru) 06.03.25 // URL: <https://www.starhit.ru/video/bolezni-urodstvo-ili-khaip-pochemu-nemetskaya-pevica-horsegiirl-skrывaet-lico-pod-maskoi-loshadi-6248340/> (дата обращения: 08.12.2025).
22. TikTok Ламия @lunalamilan 07.11.2024 // URL: <https://www.tiktok.com/tag/lamia> (дата обращения: 08.12.2025).

1. Afanas'eva A.P. Klyuchevye karakteristiki cheloveka metamoderna // Filosofskokul'turologicheskije issledovaniya // Lugansk. 2017. URL: <https://fki.lgaki.info/2023/11/30/klyuchevye-harakteristiki-cheloveka-me/> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
2. Vavilova Zh.E. Konstruirovaniye identichnosti v usloviyah virtualizacii obshchestva: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2019.
3. Ivanov A.V., Kozlov V.E. Konstruirovaniye radikal'noj subkul'turnoj identichnosti v kul'turno slozhnom obshchestve // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. 2020. № 5 (142). S. 253–256.
4. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Tendencii razvitiya sovremennogo diskursa // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2021. № 1. S. 14–31.
5. Krotovskaya N.G., Kulagina-YArceva V.S. «Novaya etika», istoki i sovremennost' (Obzor) // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2022. T. 11. № 2A. S. 241–259.
6. Lakoff D. Kognitivnoye modelirovaniye // YAzyk i intellekt. M.: Progress, 1996. S. 43–184.
7. Malyarov S. Metamodernizm: novaya filosofiya sovremennoj epohi. 2025 // URL: <https://malyaroff.com/tpost/e4p9n7fme1-metamodernizm-novaya-filosofiyasovremen> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
8. Motul'skij R.S. Mekhanizm formirovaniya i rasprostraneniya nooinformacii // Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki. 2000. № 10. S. 4–15.
9. Moya strannaya zavisimost'. Dokumental'nyj teleserial. Rezh. Dzhozef R. Ficdzherald. 20 West Productions, Violet Media. 2010-2015. // URL: <https://www.primevideo.com/servicerestricted> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
10. Ovodova S.N. Novaya iskrennost' v sovremenном publichnom diskurse: lichnoe i publichnoe v reprezentacii kul'turnyh travm // Publichnoe/chastnoe v sovremennoj civilizacii: vaterialy XXII rossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem), Ekaterinburg, 16–17 aprelya 2020 goda. Ekaterinburg, 2020. S. 79–82.
11. Predovskaya M.M., Tebyakina E.E. Metamodernizm i metarealizm: pereosmyslenie antropologicheskoy real'nosti // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. 2024. № 3 (44). S. 59–64.
12. Sotnikov Ya.S. Smena sociokul'turnyh paradigim ot postmoderna k metamodernu: masterskaya dissertaciya po napravleniyu podgotovki: 030100-Filosofiya. Tomsk. 2023 // URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:18945> (data obrashcheniya: 08.12.2025).
13. Timofeev A.V. Sushchnost' i problemy iskusstvennogo intellekta v kontekste sovremennyh nauchnyh i filosofskih predstavlenij // Sovremennye filosofskie issledovaniya. 2020. № 2. S. 127–133.
14. Tislenkova I.A. Samoprezentaciya kak vedushchij priznak kommunikativnoj demonstrativnosti // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. 2023. T. 42. № 3. S. 576–584.

“New demonstrativeness” in modern communication

The purpose of the article is to describe the essence of the phenomenon “new demonstrativeness” in modern communication, its functions are revealed. The academic novelty consists in the fact that “new demonstrativeness” firstly acquires the linguopragmatic description. As the result of the study the unit of expressing “new demonstrativeness” – the linguistic gestalt is identified, its self-identifying and regulative functions are found out.

Keywords: *demonstrative tonality, communicative demonstrativeness, linguistic identity, demonstrative communication.*

(Статья поступила в редакцию 29.12.2025).

Е.П. ГРАСС
Волгоград

ЗАЩИЩЕННОСТЬ ТЕКСТА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Рассматривается понятие защищенности текста. Описаны основные виды защищенности текста и их взаимосвязь со степенью интенции адресанта. Анализируются примеры из разных типов дискурса, выявляется интенциональный компонент и степень его влияния на стратегию общения между адресантом и адресатом.

Ключевые слова: *обиходный дискурс, художественный дискурс, религиозный дискурс, понимание, защита информации, пословица, басня, притча.*

В фокусе нашего внимания – вопрос понимания текста, извлечение определенной информации, смысла из текста и определение такого понятия, как защищенность текста. Текст рассматривается как основная коммуникативная единица общения, обладающая смыслом и предназначенная для передачи информации, идей, эмоций и знаний [2, с. 7]. Он может быть устным и письменным и служит средством общения между людьми, позволяя им обмениваться мыслями, выражать чувства и делиться опытом. При использовании знаковой системы информация кодируется одним коммуникантом и декодируется вторым коммуникантом, при осмыслении результата второй коммуникант имеет свои представления обсуждаемого явления [1, с. 27].

В результате два участника коммуникативного акта сталкиваются с кодом. И.В. Арнольд отмечает, что «кодом называется не просто набор символов, а структурированная система, которая позволяет эффективно передавать информацию с минимальными потерями и искажениями» [1, с. 25]. Также И.В. Арнольд отмечает, что «текст может восприниматься индивидуально и грани его понимания очень широки: каждый текст имеет разные уровни восприятия и понимания» [2, с. 155]. В данном случае понимание определенного сообщения, определенной информации зависит от сформированности ментальной модели каждого индивида. В различных коммуникативных ситуациях соотношение формы и содержания не всегда однозначно и понятно для адресата. Коммуникация, возникающая между адресантом и адресатом, создает вид деятельности, где понимание не всегда является главной целью. Адресант часто намеренно или неосознанно кодирует сведения, используя их в повседневной жизни для защиты информации и манипуляции. В таких случаях сообщение становится защищенным, требующим декодирования. Такое явление можно встретить в разных типах дискурса. В этом случае под защитой информации понимается совокупность лингвистических мероприятий и действий, направленных на обеспечение ее конфиденциальности и целостности. Коммуникативные цели (скрыть некий смысл или сведения), преследуемые адресантом, могут быть разными. Защита информации может быть осознанной и неосознанной или прямой и скрытой.

Под осознанной (прямой) защитой информации понимается намеренное кодирование определенных сведений, смысла в разных коммуникативных ситуациях и разных типах дискурса. Примером прямой защитой информации может служить коммуникативная ситуация, часто происходящая между родителями (адресанты) и маленькими детьми (адресаты). Если родители хотят скрыть некую информацию от маленького ребенка, они её кодируют, например: «Ты купил к-о-н-ф-е-т-ы?» – спрашивает мама папу в присутствии ребенка, произнося слово по буквам с целью создания непонимания ребенком смысла.

В фильмах для непонимания информации третьей стороной часто используются пароли, например:

«На Дерибасовской хорошая погода, или на Брайтон-Бич опять идут дожди» [На Дерибасовской хорошая погода, или на Брайтон-Бич опять идут дожди, реж. Леонид Гайдай, 1992]; *«Отто просил передать, что вчера вечером он ждал вашего звонка»* [Семнадцать мгновений весны, реж. Татьяна Лиознова, 1973]; *«Чёрт побори!»* [Бриллиантовая рука, реж. Леонид Гайдай, 1969]; *«Вам билетёр нужен? – Был нужен, да уже взяли. – Может, и я на что сгожусь? – Может, и сгодишься»* [Новые приключения неуловимых, реж. Эдмонд Кеосаян, 1968].

По мнению В.И. Карасика, «... использование специфических кодов, намеков и паролей превращает сообщение в головоломку для посторонних, оставляя его прозрачным для адресата» [3, с. 23]. В этом случае целью адресанта является намеренное скрытие определенных сведений, информации или смысла.

Под неосознанной (скрытой) защитой информации понимается не намеренное кодирование сведений, смысла с помощью стилистических и художественных приемов. В данном случае целью адресанта является передача информации, хотя смысл сказанного не всегда понятен для адресата. Рассмотрим примеры в разных типах дискурса.

В обиходном дискурсе для передачи скрытого смысла часто используются пословицы, например, для поучения: *Без труда не вытащить и рыбки из пруда; На труды праведные не наживешь палаты каменные; Семь раз отмерь – один отрежь; Труд человека кормит, а лень портит, Без беды друга не узнаешь; Терпение и труд все перетрут; Книги не говорят, а правду сказывают* [12] и т.д. Также паремии в некоторых коммуникативных ситуациях используются как оправдательный элемент речи, например: *С трудом вытащив её (колоду) из-под кучи и взвалив на плечо, он перестал чувствовать её тяжесть (своя ноша не тянет) и украдкой вдоль затененных стен притащил её к себе в Сивцев* (Б. Пастернак. Доктор Живаго [6, с. 27]. В этом примере пословица используется для комментария данной ситуации – герой с тяжелой ношей подбадривает себя, проговаривая известную истину самому себе, тем самым оправдывая свои поступки. Используя пословицы и поговорки в различных коммуникативных ситуациях, адресант ненамеренно кодирует определенный смысл, т.к. все паремии построены на аллегории.

В художественном дискурсе басни используются для назидания или с целью развлечения. Если в разговоре кто-то использует басню, то цели адресанта таковы: 1) поделиться историей, которая иллюстрирует известное событие, легко поддающееся обобщающему истолкованию; 2) высказать нравоучение, которое идет следом за рассказом. Например: *Лисица и Терновник. Лисица карабкалась через забор. Забор был высоким и, чтоб не упасть, она ухватилась за терновник. Колючки терновника искололи ей всю шкуру, стало больно, и начала она его попрекать, ведь она к нему обратилась как будто за помощью, а от него ей стало ещё хуже. Но терновник возразил: «Ошиблась ты, голубушка, вздумав за меня уцепиться: я ведь сам привык за всех цепляться». Так и среди людей лишь неразумные просят помощи у тех, кому от природы свойственнее приносить вред* [3, с. 12].

Используя басни для передачи определенного смысла, адресант рискует не всегда быть понятым. Если в коммуникативном акте отсутствует толкование той или иной басни, то интерпретация для адресата будет затруднительной и является индивидуальным восприятием его ментальной модели.

Интерпретация не может быть построена только на анализе лексико-грамматических единиц. Как отмечает Г.И. Рузавин, «для восприятия и декодирования коммуникативного кода нужно знать и оценивать цели коммуникации и намерения адресанта или адресата, а это напрямую связано с личностными качествами коммуникантов» [11, с. 163].

В религиозном дискурсе примером сложного для понимания текста является притча. Притчи сложны для описания и толкования. Это можно объяснить двуплановостью притчи и тем фактором, что второй, скрытый план, является главной коммуникативной целью адресанта. Притчи построены на аллегории, а в ней всегда есть сюжетная оболочка, первичный уровень восприятия. Вторичный уровень притчи – иносказательный, от которого всегда можно оттолкнуться только в конкретной языковой ситуации и контексте. Кроме того, иносказательное содержание требует комментариев от адресанта» [6, с. 70].

Используя притчу в определенных коммуникативных ситуациях и не комментируя ее, адресант ненамеренно кодирует смысл. Учитывая, что притчам свойственна многозначная интерпретация, адресат может понять притчу с разных сторон. Рассмотрим притчу о блудном сыне:

У некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! Дай мне следующую часть имения. И отец разделил им имение.

По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение своё, живя распутно. Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже не достоин называться сыном твоим, прими меня в число наемников твоих.

Встал и пошел к отцу своему. И когда он был ещё далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже не достоин называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропал и нашелся. И начали веселиться.

Старший же сын его был на поле; и, возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: что это такое? Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым. Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козлёнка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими, а когда этот сын твой, расточивший имение своё с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка. Он же сказал ему: сын мой! Ты всегда со мною, и всё мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропал и нашелся (Лк. 15:11-32) [10].

Эта притча многогранна по своему содержанию, в ней мы можем выделить три уровня восприятия для адресата:

- 1) житейский уровень восприятия текста (некоторые могут воспринять эту историю как одну из тысяч, происходящих в жизни: горе отца, скитания сына, возвращение его в родительский дом);
- 2) философский уровень осознания данного повествования, выделяющий стандартные нормы бытия: любовь, жизнь, вера;
- 3) религиозная основа восприятия данной притчи. Эту притчу можно интерпретировать как отказ от Бога и дальнейшее возвращение к нему.

В Толковой Библии [13, с. 223] показаны разные толкования этого текста: с одной стороны, высказываются предположения, что старший сын иудей, а младший язычник, тем самым подчеркиваются их отношения и поступки; с другой стороны, поступки братьев олицетворяются как поведение праведников и грешников. В результате основным моментом содержания этой притчи являются любовь и милосердие, вечные категории бытия.

Таким образом, в разных типах дискурса можно встретить прямую и скрытую форму проявления защищенности текста. Понимание текста зависит от многих факторов, но главная ответственность за понимание и восприятие информации лежит на адресанте и коммуникативных целях, которые он преследует. Осознанная форма защищенности текста основывается на разных формах кодирования информации. Неосознанная форма защищенности текста основывается на разных стилистических приемах, одним из которых является аллегория. Интерпретация текстов, основанных на аллeгории, может быть сложной и многогранной. Понимание и восприятие информации становится сложной и в данном случае необходимы комментарии адресанта.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23–31.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. М.: Просвещение, 1990.
3. Гаспаров М.Л. Басни Эзопа. М.: Наука, 1968.
4. Гайдай Л. Бриллиантовая рука (1969) // VK Видео. 12 января, 2021. URL: https://vkvideo.ru/playlist/-20286388_115/video-0286388_456239942?linked=1 (дата обращения: 01.02.2026).
5. Гайдай Л. На Дерибасовской хорошая погода, или на Брайтон-Бич опять идут дожди (1992) // VK Видео. 18 ноября, 2024. URL: https://vkvideo.ru/video-227428882_456239024 (дата обращения: 01.02.2026).
6. Грасс Е.П. Аллегорический смысл в обиходном, художественном и религиозном типах дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.
7. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010.
8. Кеосаян Э. Новые приключения неуловимых (1968) // VK Видео. 9 декабря, 2025. URL: https://vkvideo.ru/video-234512488_456244051 (дата обращения: 30.01.2026).
9. Лиознова Т. Семнадцать мгновений весны (1973) // VK Видео. 30 августа, 2023. URL: https://vkvideo.ru/video-221815655_456239235 (дата обращения: 30.01.2026).
10. Притча о блудном сыне // Православие.ру. 18 февраля, 2006. URL: <https://pravoslavie.ru/2108.html> (дата обращения: 03.02.2026).
11. Рузавин Г.И. Проблема понимания и герменевтика // Герменевтика: история и современность. М.: Мысль, 1985. С. 162–178.
12. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Индрик, 1999.
13. Толковая Библия А.П. Лопухина. В 3 т. Стокгольм, 1988.

* * *

1. Arnol'd I.V. Znachenie sil'noj pozicii dlya interpretacii teksta // Inostrannye yazyki v shkole. 1978. № 4. S. 23–31.
2. Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka: Stilistika dekodirovaniya. M.: Prosveshchenie, 1990.
3. Gasparov M.L. Basni Ezopa. M.: Nauka, 1968.
4. Gajdaj L. Brilliantovaya ruka (1969) // VK Video. 12 yanvarya, 2021. URL: https://vkvideo.ru/playlist/-20286388_115/video-0286388_456239942?linked=1 (data obrashcheniya: 01.02.2026).
5. Gajdaj L. Na Deribasovskoj horoshaya pogoda, ili na Brajton-Bich opyat' idut dozhdi (1992) // VK Video. 18 noyabrya, 2024. URL: https://vkvideo.ru/video-227428882_456239024 (data obrashcheniya: 01.02.2026).
6. Grass E.P. Allegoricheskij smysl v obihodnom, hudozhestvennom i religioznom tipah diskursa: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2012.
7. Karasik V.I. Yazykovaya kristallizaciya smysla. Volgograd: Paradigma, 2010.
8. Keosayan E. Novye priklyucheniya neulovimyh (1968) // VK Video. 9 dekabrya, 2025. URL: https://vkvideo.ru/video-234512488_456244051 (data obrashcheniya: 30.01.2026).
9. Lioznova T. Semnadcat' mgnovenij vesny (1973) // VK Video. 30 avgusta, 2023. URL: https://vkvideo.ru/video-221815655_456239235 (data obrashcheniya: 30.01.2026).
10. Pritcha o bludnom syne // Pravoslavie.ru. 18 fevralya, 2006. URL: <https://pravoslavie.ru/2108.html> (data obrashcheniya: 03.02.2026).

11. Ruzavin G.I. Problema ponimaniya i germeneytika // *Germeneytika: istoriya i sovremennost'*. M.: Mysl', 1985. S. 162–178.
12. Snegirev I.M. *Russkie narodnye posloviy i pritchi*. M.: Indrik, 1999.
13. *Tolkovaya Bibliya* A.P. Lopuhina. V 3 t. Stokgol'm, 1988.

Text security as a linguocultural phenomenon

The concept of text security is considered. The basic kinds of text security and their interrelation with the degree of addressant's intention are described. The examples of different types of discourse are analyzed. The intentional component and the degree of its influence on the communication strategy between addressant and addressee are identified.

Keywords: *everyday discourse, artistic discourse, religious discourse, comprehension, information security, proverb, fable, paroemia.*

(Статья поступила в редакцию 02.02.2026).

О.Н. ТЮТЮНОВА
Волгоград

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ (на примере публикаций о Рикарде Ланг)

Анализируются статьи немецкоязычных периодических изданий, посвященные современному политику ФРГ Рикарде Ланг и онлайн-комментарии к ним, называются основные лингвопрагматические механизмы, направленные на снижение сакрального статуса молодого политического деятеля: иронизирование, дискредитация и делегитимизация. Систематизируются языковые средства выражения названных механизмов, даются комментарии страноведческого характера к приведенным примерам.

Ключевые слова: *лингвопрагматика, дискурс, политический дискурс, медиапространство, десакрализация власти.*

За последнее десятилетие политический ландшафт немецкоязычных стран претерпевает значительные изменения и характеризуется глубокой трансформацией дискурсивных практик. До недавнего времени сакрализация власти, традиционно находящая свое выражение в подчеркнутой дистанции и этикетности политической коммуникации, уступает место десакрализации. В условиях социально-экономической турбулентности последних лет в немецкоязычном медиапространстве всё чаще прослеживается тенденция к использованию разного рода языковых средств, направленных на разруше-

ние ореола исключительности институтов и субъектов власти. Лингвистический анализ данных языковых явлений представляет собой интересный исследовательский материал и обращает внимание ученых на изменение не только языковых норм, но и глубинных когнитивных установок в социуме по отношению к современным политическим деятелям.

Объектом настоящего исследования являются лингвопрагматические механизмы, направленные на десакрализацию представителей политической элиты в немецкоязычном медиапространстве.

Предметом исследования выступают языковые способы выражения механизмов десакрализации власти в немецкоязычных интернет-ресурсах.

Материалом исследования послужили статьи немецкоязычных периодических изданий, посвященные немецкому политику Рикарде Ланг, занимавшей пост сопредседателя партии «Союз 90 / Зеленые» до осени 2024 г., и онлайн-комментарии к ним.

Цель работы заключается в систематизации и описании механизмов и языкового инструментария, с помощью которых в немецкоязычном медиапространстве реализуется критическое снижение образа современного политического деятеля. Для достижения данной цели использовались методы теоретического анализа и обобщения научной литературы, сплошной выборки, интроспекции и интерпретации.

Исследователи политического дискурса отмечают, что он традиционно тяготеет к сакрализации, т.е. институты власти и их представители наделяются признаками исключительности, неоспоримого авторитета и дистанцируются от обыденного пространства. Лингвистическими маркерами сакрализации могут выступать этикетные формулы, абстрактная лексика высокого регистра, используются пассивные конструкции, подчеркивающие объективность и формальность озвучиваемых заявлений и принимаемых решений [1; 8; 10].

Десакрализация представляет собой обратный процесс. Под десакрализацией понимается намеренное речевое действие, которое направлено на преобразование существующей когнитивной модели «власть – авторитет» в модель «власть – объект критики/насмешки» [8].

Анализ отобранного нами языкового материала подтверждает утверждение исследователей о том, что десакрализация власти не является случайным стилистическим приемом, а представляет собой осознанную лингвопрагматическую стратегию, направленную на намеренное сокращение коммуникативной дистанции между субъектом власти и гражданским обществом. Данная лингвопрагматическая стратегия снижения статуса власти, лишения её ореола непогрешимости и перевода из сферы «высших смыслов» в сферу повседневного обсуждения, критики и иронии базируется на определенных механизмах, иллюкативных актах, к которым относятся, например, дискредитация, иронизирование и делегитимизация [10].

Говоря о прагматических целях десакрализации власти в современном немецкоязычном медиапространстве, заметим, что реализующие ее вербальные механизмы, с одной стороны, обращают внимание читателей на острые социально-политические вопросы, способствуя формированию активной гражданской позиции, критического мышления и политической культуры. С другой стороны, осуществляется переход политической дискуссии из сферы высокого пафоса в сферу прагматического анализа или бытового осуждения.

В данном контексте важно указать на усиление мультимодального характера десакрализации [4]. Лингвистические средства (заголовки, лиды) вступают в симбиоз с визуальными аттракторами – ироничными фотоколлажами, мемами и короткими видеоформатами. Визуальный ряд зачастую выступает первичным импульсом десакрализации власти, подготавливая почву для текста, в котором используются разные лингвистические приемы и допустимо нарушение стилистической нормы [4; 9].

Обратимся к анализу языковых примеров из немецкоязычного медиапространства. Нами отобраны языковые иллюстрации, в которых фигура экс-сопредседателя партии «Союз 90 / Зеленые» Рикарды Ланг становится объектом лингвопрагматической десакрализации. Проанализировав тексты статей и онлайн-комментарии к ним, мы выявили ключевые механизмы десакрализации ее политического образа, краткое описание которых предлагаем ниже.

1. Во-первых, отметим, что в немецкоязычном медиапространстве материалы, критикующие политика Рикарду Ланг, часто сопровождаются специфическим подбором фотографий – с экспрессивной мимикой, в неудачных ракурсах или в моменты употребления пищи. Вместо изображения лидера читатель видит молодую женщину в нелепой ситуации. Такой визуальный ряд разрушает статусную иерархию, иногда политикам приходится оправдываться перед гражданами. Например, в сентябре 2024 г. фотография, на которой изображена госпожа Ланг, пьющая пиво из бутылки, стала вирусным мемом и сенсацией. Фотография была сделана на предвыборном мероприятии в федеральной земле Саксония. Сама Ланг опубликовала данное изображение в своей социальной сети как реакцию на спорную предвыборную кампанию партии ХДС [13]. Несмотря на то, что данный пост набрал миллионы просмотров и был широко признан удачным примером самоиронии, весной 2025 г. Рикарде Ланг пришлось объясниться после очередной фотографии с бутылкой пива, которая привлекла внимание общественности. Сообщалось, что после обсуждения механизма сокращения государственного долга, она получила ящик пива от партии ХДС в подарок.

2. Выявлены и случаи десакрализации через усиление бытового контекста и изображение политика некомпетентным и непрофессиональным человеком. Одним из самых ярких примеров десакрализации является акцент на том, что госпожа Ланг во время работы в партии не имела законченного высшего образования и профессионального опыта. Прагматический эффект данного механизма десакрализации заключается в том, что представитель власти лишается сакрального статуса «компетентности». Лидер представляется не как подготовленный стратег, а как обыватель, случайно оказавшийся у руля государства. В контексте принятия решений государственного масштаба политические оппоненты называли Рикарду Ланг *Studienabbrecherin* (недоучившаяся студентка).

Осенью 2025 г. многочисленные немецкие СМИ сообщили, что Ланг успешно завершила обучение на юридическом факультете, получив степень бакалавра права. Сама Рикарда Ланг использовала объявление об окончании учебы, чтобы подколоть политических критиков, призвав их придумать новые шутки, поскольку образ студента, бросившего учебу, больше не актуален. Однако невозможно утверждать, что освещение темы в немецком медиапространстве сместилось от резкой критики затянувшегося, первоначально прерванного обучения в сторону поздравлений с поздним, но успешным завершением обучения. В немецкоязычных источниках находим следующие языковые примеры реализации данного механизма десакрализации:

“Dann hat sie den Bildungsstatus „Abiturientin“ nunmehr verlassen ... “; “Sollte man das Studium nicht vor einer politischen Laufbahn in der Tasche haben?”; “Warum wird ein Studium hervorgehoben, das eigentlich nichts ist, Baerbock konnte auch Trampolin springen”; “Jedenfalls kann die jetzt eine Kartoffel von Pommes unterscheiden, hoffe ich wenigstens!”; “Ricarda Lang hat nach satten 13 Jahren den Bachelor in der Tasche – normalerweise würde man bei so einer Studiendauer eher vom „ewigen Studentenleben“ sprechen”; “Aber Eines zeigt sich hier doch: man kann kognitive Fähigkeiten nicht essen”; “Und ihren Bachelor als Abschluss des Jura-Studiums zu bezeichnen ist eine schallende Ohrfeige für all die, die wirklich ihr Jura-Studium abgeschlossen haben” [17].

3. Интересны примеры «соматической десакрализации». Обсуждение внешнего вида политика и недостатков физической кондиции предельно приземляет образ политического деятеля. Сакральная фигура власти должна быть эстетически безупречной, а

акцент на аномальной физиологии превращает политика в объект бытовой насмешки, полностью лишая его ореола торжественности.

Рикарда Ланг чаще других политиков ФРГ становилась объектом лингвистических нападок из-за лишнего веса. Одним из наиболее частых критических замечаний в СМИ и онлайн-комментариях было предполагаемое отсутствие дисциплины и режима, касающихся вопросов питания и пищевых привычек. Критики ставили под сомнение любые высказывания Ланг о здоровье, здоровом образе жизни, используя метафоры, связанные с «тяжеловесностью» не в политическом, а в буквальном смысле (*ein politisches Schwerkgewicht*).

Критика внешнего вида не перестает служить инструментом подрыва политических взглядов и аргументов Рикарды Ланг даже после заметной потери веса. В начале 2026 г. в СМИ разгорелась новая дискуссия о методах похудения Ланг. Политика сначала обвиняли в том, что она поддалась общественным идеалам худобы, кардинально сбросив вес. Далее, чтобы дискредитировать ее личный успех, выражалось сомнение в том, что диеты и физические упражнения могут быть причиной столь потрясающего преобразования, поэтому активно обсуждалось использование скандально известных инъекций для похудения. Приведем несколько примеров:

“... *playboy, titelblatt hat sie sich verdient*”; “*Damit kann sie eine neue „Karriere“ starten, uns fehlen noch Fitness-Influencer*”; “*Man hat den Eindruck, dass fast alle unsere Politiker auf dem Ego-Trip sind. Frau Lang und alle anderen sollen rank und schlank 100 Jahre alt werden - aber was tut ihre Abnehmerei zur Sache in der Politik? Sie hat nichts geleistet, außer uns ihr schräges Gesellschaftsmodell aufdrücken zu wollen. Warum von den Medien diese Aufmerksamkeit?*” [14]; “*Das wäre dann das erste Mal, dass sie gearbeitet hat, zumindest nach ihrer Definition von Arbeit*”; “*Es lag nicht an des Körpers Fülle sondern an des Kopfes Leere*”; “*Dann hat sie wenigstens mal gearbeitet, im Bundestag hat sie ja nur geschlafen*” [16]; “*Ehrlich??? Abnehmspritze vom Steuerzahler finanziert wohl schon eher*”; “*Abnehmspritze sei Dank*”; “*Topmodel Ricarda an die Spitze für die Erneuerung des Schlaraffenlandes*” [11].

4. В медиапространстве часто фиксируются и тиражируются речевые ошибки, непродуманные ответы или нелепые заявления политических деятелей. В данном случае мы можем говорить о механизме «когнитивного снижения» или иронизации риторики [3; 6; 7]. Когда выступления представителей власти, их обещания и отчет о проделанной работе не рассматриваются всерьез, власть перестает восприниматься как авторитетная сила, ей навязывается роль наивного ребенка, который не понимает сложности реального мира. Высказывания Р. Ланг об экономике или энергетике часто подвергаются критике, сопровождающейся словосочетанием *Ricardas Welt* (*мир Рикарды*), что отсылает к детской наивности. Рикарду Ланг критикуют за оторванность от реальности и наличие исключительно идеологически мотивированного мировоззрения. По мнению оппонентов, политические требования Ланг и её восприятие экономической ситуации противоречат неопровержимым фактам. Часто приводится пример с её неверным расчётом средней пенсии в телевизионной программе Маркуса Ланца.

С начала 2026 г. Рикарда Ланг работает в комитете по петициям в Бундестаге и намерена инициировать принятие новых законов. В немецкоязычном медийном пространстве продолжают критически и иронично подчеркивать, что Ланг конструирует свою собственную реальность, в которой ее работа не приносит пользы ни экономике, ни социальной сплоченности:

“*Wenn Fr. Lang meint, sie verstehe am besten, was die Bürger wollen und brauchen, dann „Gute Nacht“. Sie personifiziert die Inkompetenz und Arroganz der Grünen*”; “*Wie vielen Bürgern wird in diesem Ausschuss im Jahr geholfen? Oder anders gefragt, rechtfertigt diese Zahl an hochbezahlten Mitgliedern, die eigentlich nichts produktives leisten, diesen Aufwand?*”; “*Zitat: Hier kann jeder in Deutschland einen Blick in den Bundestag werfen, seine Ideen einbringen, Reformen vorschlagen – und so womöglich ganz neue Gesetze anstoßen, die das Leben der Menschen besser machen*“, sagte

die Grünen-Politikerin den Funke-Zeitungen weiter. "Ich meine sie hat nicht den Sinn und Zweck des Petitionsausschusses verstanden und ist somit eine Fehlbesetzung!"; "Was für ein sinnfreies Geschwafel. Wie kann sich jemand, der so redet, mit einem normalen Staatsbürger überhaupt unterhalten als Petitionsausschussmitglied?"; "Frau Lang reiht sich in die Reihe der inkompetenten Grünenpolitiker wie Frau Baerbock nahtlos ein, die auf Kosten des Steuerzahlers durchgefüttert werden"; "Diese realitätsferne Dame hat schon genug Unheil in Deutschland angerichtet und gehört für ihre durchweg katastrophale Arbeit zur Rechenschaft gezogen!" [18].

5. Отметим, что наиболее эффективно разоблачение и осуждение политической элиты реализуется через выявление контраста или прагматического несоответствия. Речь идет о десакрализации через делегитимизацию, о постановке под сомнение законности или морального права на принятие решений, в случае если политический лидер не придерживается принципов и правил, которые сам отстаивает перед электоратом. Публикации о том, как Рикарда Ланг заказывает фастфуд, участвует в дебатах о запрете на использование терминов, традиционно ассоциирующихся с мясом, или пользуется неэкологичными видами транспорта, вызывают активное обсуждение и эмоциональную реакцию читателей, т.к. такое поведение политика противоречит пропагандируемой ею «зеленой» повестке:

"Ich bin grundsätzlich gegen alles was Frau Lang für richtig hält und bin damit überall gut angekommen"; "Egal worum es geht, wenn Frau Lang etwas als dumm bezeichnet, ist das definitiv so! Sie ist da quasi Expertein" [15]; "Ricarda Langs Strategie ist offensichtlich. Durch gelegentliche mediale polemische Nadelstiche im Gedächtnis bleiben, um dann neu durchzustarten, wenn die Grünen nach der nächsten Wahl komplett am Boden sind und sich neu aufstellen müssen. Was sollen diese Unwahrheiten?" [12].

Подведем итоги.

Лингвопрагматические механизмы десакрализации власти представляют собой не только привлекательный материал для междисциплинарных исследований, но и являются индикатором многогранности, сложности и многосвязности современного политического дискурса. Проведенный лингвопрагматический анализ механизмов десакрализации власти в немецкоязычном медиапространстве позволяет назвать основные способы речевого воздействия, направленные на деконструкцию традиционного образа властных иерархий. Отобранные нами языковые примеры критики политического деятеля ФРГ Рикарды Ланг показывают, что в современной цифровой медиасреде лингвистический переход от конструктивной критики к целенаправленной десакрализации власти осуществляется прежде всего через механизмы иронизирования, дискредитации и делегитимизации. Проанализированные лингвистические средства снижения статуса политика (ирония, метафоры, оценочная лексика и дисфемизмы, окказиональные слова и риторические вопросы) эффективно разрушают авторитет государственного деятеля. Особую роль в медиапространстве играет визуальное сопровождение текста о представителе власти, т.к. подобранные фотографии или видеоконтент являются не менее мощным способом выражения критики и высмеивания политика.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
2. Копнина Г.А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов // Политическая лингвистика. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-taktiki-i-priemy-diskreditatsii-pravoslaviya-v-sovremennoy-informatsionno-psihologicheskoy-voyne-na-materiale-internet> (дата обращения: 19.01.2026).
3. Лассан Э.Р. Изображение речи власти как средство ее десакрализации // Политическая лингвистика. 2005. № 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazhenie-rechi-vlasti-kak-sredstvo-ee-desakralizatsii> (дата обращения: 19.01.2026).

4. Ларина Т.С., Принципалова О.В. Интернет-мем как средство создания имиджа федерального канцлера // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2025. № 1 (126). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-kak-sredstvo-sozdaniya-imidzha-federalnogo-kantslera> (дата обращения: 19.01.2026).
5. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
6. Ткаченко О.А. Речевые неудачи политика как фактор формирования негативного имиджа (на материале выступлений Аннелены Бербок) // Политическая лингвистика. 2023. № 5 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-neudachi-politika-kak-faktor-formirovaniya-negativnogo-imidzha-na-materiale-vystupeniy-annaleny-berbok> (дата обращения: 17.01.2026).
7. Тютюнова О.Н. Языковая реализация коммуникативной тактики выражения отрицательного отношения к политическому деятелю (на примере немецкоязычных интернет-комментариев об Аннелене Бербок) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 1 (48). URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011712869/?ysclid=mkmi4kkbky278241488 (дата обращения: 20.01.2026).
8. Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот: Монография. М.: Флинта, 2020.
9. Шарманова О.С. Метафорический образ парламентских выборов в Германии в политических интернет-мемах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskiy-obraz-parlamentskih-vyborov-v-germanii-v-politicheskikh-internet-memah> (дата обращения: 19.01.2026).
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
11. 40 Kilo runter durch Abnehmspritze? Ricarda Lang bezieht Stellung // GALA.de. 2026. URL: <https://www.gala.de/beauty-fashion/beauty/40-kilo-runter-durch-abnehmspritze--ricarda-lang-bezieht-stellung-24515416.html> (дата обращения: 20.01.2026).
12. Christoph Cöln. Ricarda Lang: Wer ist denn dumm genug, das nicht zu verstehen? // t-online. 2025. URL: <https://www.msn.com/de-de/finanzen/top-stories/ricarda-lang-wer-ist-denn-dumm-genug-das-nicht-zu-verstehen/ar-AA1Op41b> (дата обращения: 20.01.2026).
13. Falk Bernhardt. Ricarda Lang und Freiburger Bier: Was ein Bild so besonders macht // Freie Presse. 2024. URL: <https://www.freipresse.de/mittelsachsen/freiberg/ricarda-lang-und-freiburger-bier-was-ein-bild-so-besonders-macht-artikel13514906> (дата обращения: 20.01.2026).
14. „Geplant und hart erarbeitet“: Ricarda Lang erklärt starken Gewichtsverlust // n-tv. 2025. URL: <https://www.msn.com/de-de/gesundheit/other/geplant-und-hart-erarbeitet-ricarda-lang-erklaert-starken-gewichtsverlust/ar-AA1xF5a1> (дата обращения: 20.01.2026).
15. Nico Marsänger. Ricarda Lang kontert gegen Markus Söder: Gibt Bratwurst im Bordbistro! // FOCUS online. 2025. URL: <https://www.msn.com/de-de/nachrichten/other/ricarda-lang-kontert-gegen-markus-soder-gibt-bratwurst-bordbistro/ar-AA1Mi9Fu> (дата обращения: 20.01.2026).
16. Ricarda Lang: Das ist ihr Fitnessgeheimnis nach 40-Kilo-Abnahme // GALA.de. 2026. URL: <https://www.msn.com/de-de/nachrichten/other/ricarda-lang-ich-will-ehrlich-sein-so-hat-sie-40-kilogramm-abgenommen/ar-AA1PfAjT> (дата обращения: 20.01.2026).
17. Ricarda Lang hat ihren Bachelorabschluss – 13 Jahre nach Studienbeginn // STERN. 2025. URL: <https://www.stern.de/lifestyle/leute/ricarda-lang-hat-ihren-universitaetsabschluss-nach-13-jahren-36072206.html#:~:text=Ricarda%20Lang%20ist%20Humor%2DBeauftragte%20der%20Gr%C3%BCnler%22> (дата обращения: 20.01.2026).
18. Simon Schröder. Ricarda Lang hat neuen Posten: „Gegenstück zur Glaskuppel“ // Merkur. 2026. URL: <https://www.msn.com/de-de/politik/beh%C3%B6rde/ricarda-lang-hat-neuen-posten-gegenst%C3%BCck-zur-glaskuppel/ar-AA1TNHqp> (дата обращения: 20.01.2026).

* * *

1. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002.
2. Koptina G.A. Rechevye taktiki i priemy diskreditacii pravoslaviya v sovremennoj informacii-onno-psihologicheskoy vojne (na materiale internet-tekstov // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-taktiki-i-priemy-diskreditatsii-pravoslaviya-v-sovremennoy-informatsionno-psihologicheskoy-voynе-na-materiale-internet> (data obrashcheniya: 19.01.2026).

3. Lassan E.R. Izobrazhenie rechi vlasti kak sredstvo ee desakralizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2005. № 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazhenie-rechi-vlasti-kak-sredstvo-ee-desakralizatsii> (data obrashcheniya: 19.01.2026).

4. Larina T.S., Principalova O.V. Internet-mem kak sredstvo sozdaniya imidzha federal'nogo kanclera // Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva. 2025. № 1 (126). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-kak-sredstvo-sozdaniya-imidzha-federalnogo-kantslera> (data obrashcheniya: 19.01.2026).

5. Serl' Dzh. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 17. M.: Progress, 1986. S. 170–194.

6. Tkachenko O.A. Rechevye neudachi politika kak faktor formirovaniya negativnogo imidzha (na materiale vystupleniy Annaleny Berbok) // Politicheskaya lingvistika. 2023. № 5 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-neudachi-politika-kak-faktor-formirovaniya-negativnogo-imidzha-na-materiale-vystupleniy-annaleny-berbok> (data obrashcheniya: 17.01.2026).

7. Tyutyunova O.N. Yazykovaya realizatsiya kommunikativnoy taktiki vyrazheniya otricatel'nogo otnosheniya k politicheskomu deyatelyu (na primere nemeckoyazychnykh internet-kommentariy ob Annalene Berbok) // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2023. № 1 (48). URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011712869/?ysclid=mkmi4kkbky278241488 (data obrashcheniya: 20.01.2026).

8. Chudinov A.P., Budaev E.V., Solopova O.A. Politicheskaya metaforologiya: diskursivnyy povorot: Monografiya. M.: Flinta, 2020.

9. Sharmanova O.S. Metaforicheskij obraz parlamentskih vyborov v Germanii v politicheskikh internet-memah // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2025. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskij-obraz-parlamentskih-vyborov-v-germanii-v-politicheskikh-internet-memah> (data obrashcheniya: 19.01.2026).

10. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2000.

The linguopragmatic mechanisms of desacralization of power in German media space (based on the publications of Ricarda Lang)

The articles of German periodicals, devoted to the modern politician of the Federal Republic of Germany – Ricarda Lang and the online commentaries to them, are analyzed. The fundamental linguopragmatic mechanisms, directed to the decrease of the sacral status of a young political person: sarcastic comments, discrediting and delegitimization are specified. The linguistic means of expressing the named mechanisms are systemized. There are given the commentaries of the regional studies nature to the given examples.

Keywords: *linguopragmatics, discourse, political discourse, media space, desacralization of power.*

(Статья поступила в редакцию 28.01.2026).

САРКАЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ: КОНТРАСТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ГЕЛЬМУТА КОЛЯ И АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ

Анализируются особенности использования сарказма в публичных высказываниях Гельмута Коля и Ангелы Меркель. Выявлены и описаны речевые стратегии, используемые данными политиками рубежа XX–XXI вв.

Ключевые слова: сарказм, речевая стратегия, лингвистические приемы, аргументация, риторика.

Изучению сарказма в разных жанрах речи посвящены научные труды многих исследователей [1; 2; 4]. В самом общем виде сарказм понимается как язвительная насмешка, злая ирония [3]. В лингвистике он рассматривается как подвид иронии, в частности, как саркастическая ирония [4, с. 390], как «особо едкая и язвительная ирония» [1, с. 100]. При этом сарказм как агрессивная, высшая форма иронии, направленная на уничтожение объекта речи, традиционно считается эффективным инструментом в арсенале политика. Согласно М.В. Мусийчук, сарказм служит консолидации сторонников, дискредитации оппонентов, прояснению позиции и эмоциональному воздействию на аудиторию [2]. Однако конкретная реализация этой стратегии зависит от гендерных, культурных и исторических контекстов. Так, политический язык Гельмута Коля (канцлер Германии в 1982–1998 гг.) и Ангелы Меркель (канцлер Германии в 2005–2021 гг.) формировался в разные исторические периоды: эпоху холодной войны и объединения Германии и эпоху глобализации, цифровизации и множественных кризисов.

Данное исследование ставит целью проанализировать саркастические высказывания политиков, а также выявить лежащие в их основе речевые стратегии, их лингвистическое воплощение.

Обратимся вначале к рассмотрению особенностей использования сарказма в политической риторике А. Меркель. Материалом для анализа послужили стенограммы речей А. Меркель в Бундестаге, а также сообщения СМИ, фиксирующие её острые реплики. Отбирались высказывания, которые в публичном дискурсе или журналистских комментариях были оценены как саркастические.

Политик использовала в своих выступлениях стратегию дискредитации оппонента через его обесценивание для демонстрации несостоятельности позиции или аргумента оппонента, не вступая в прямую грубую полемику. Ею применялась тактика иронического преуменьшения: критикуемая позиция описывалась «мягкой» лексикой как мало-значимая и тривиальная: *Ich erahne aus ihrer Frage, dass Sie kein besonderer Freund des Impfens sein könnten* (ответ депутату о вакцинах) [5]. Отрицающая вакцинацию позиция маркируется эвфемистичным выражением *kein besonderer Freund* (не особый друг). Это преуменьшение создает контраст между вежливой формой и очевидным для всех смыслом, что выставляет оппонента в глазах аудитории маргиналом.

Тактика разоблачения скрытых мотивов использовалась политиком в следующем высказывании: *Manchmal hat die Opposition ja vielleicht Interesse, das Innenleben einer Regierung zu erleben* [5]. Внешне нейтральное утверждение скрывает намёк на то, что оппозиция, критикуя, сама не готова к реальной правительственной работе. Модальная частица *ja* придает высказыванию оттенок очевидности, усиливая саркастический эф-

факт. Преуменьшение *vielleicht Interesse* (может быть интерес) маскирует прямую критику под мягкое предположение. Прагматическая функция данного высказывания заключается в том, чтобы ответить на упрек, не вступая в прямую конфронтацию, и одновременно подчеркнуть разницу между критикой и ответственностью.

Стратегия самопрезентации была реализована А. Меркель с целью укрепить свой образ как здравомыслящего, ответственного и терпеливого политика на фоне эмоциональных или нерациональных других. Политик применила тактику контраста через гиперболическую номинацию: создание яркого термина для обозначения позиции или поведения оппонентов, на фоне которого собственная позиция выглядит умеренной и разумной.

Во время видеоконференции в апреле 2020 г. А. Меркель резко осудила активные дискуссии о послаблениях антикоронавирусных мер, назвав их *Öffnungsdiskussionsorgien* (дискуссии-оргии) [6]. Данная стратегия реализуется через противопоставление. Собственная сдержанная линия А. Меркель не нуждается в прямом описании. Вместо этого она создает саркастический образ оппонентов как людей, теряющих контроль над ситуацией, увлеченных эмоциями, что автоматически позиционирует ее как ответственного и терпеливого политика. Неологизм-композит *Öffnungsdiskussionen* (дискуссии о послаблениях) и слово *Orgien* (оргии) создают грубовато-гиперболический образ, высмеивающий неумеренность и эмоциональность дебатов. Гиперболическая метафора *Orgien* резко усиливает негативную оценку, придавая высказыванию саркастическую окраску.

Тактика саркастического согласия, а именно формальное согласие с оппонентом, наглядно представлена в следующем примере. В своей правительственной декларации о Brexit 24 марта 2019 г. А. Меркель, говоря о возможной непродолжительной отсрочке, заметила: *Über eine kurze Verlängerung kann man dann sicher positiv reden* [7]. Стратегия канцлера состоит в том, чтобы показать собственную конструктивность, одновременно давая понять, что это крайне малая и незначительная уступка в ситуации, где оппонент (британская сторона) не выполнил основную работу. Слово *sicher* в данном контексте звучит как скептическая уступка, а не как уверенность, а фраза *positiv reden* в ситуации, когда переговоры зашли в тупик, звучит как намек на отсутствие реального прогресса. Так А. Меркель продемонстрировала сдержанный оптимизм, одновременно указав на ответственность перед европейцами британской стороны.

Стратегия снижения напряженности и управления конфликтом преследует цель перевести прямой конфликт в плоскость косвенной, приемлемой критики, избегая эскалации. Для достижения эффекта канцлер применяла тактику использования модальных (экспрессивных) частиц. Они смягчают категоричность, формально сохраняя вежливость, но не отменяют критического посыла: *Manchmal hat die Opposition ja vielleicht Interesse...* (экспрессивная частица *ja*, лексема *vielleicht*) [7].

Прямой упрек (*Вы мешаете работе*) звучал бы вызывающе, агрессивно. Сарказм, эксплицируемый в грамматических средствах смягчения, позволяет критиковать с формальным сохранением политического этикета и соблюдением контроля над тоном дискуссии.

Стратегия групповой мобилизации и создания коалиции «своих» была реализована А. Меркель через саркастическое обозначение «других» для сплочения единомышленников, разделяющих с говорящим общие ценности или негативное отношение к объекту насмешки.

Тактика саркастического неологизма заключается в создании емкого, яркого термина, который мгновенно становится понятным «своим» и маркирует общее недовольство. Показательным примером служит лексема *Öffnungsdiskussionsorgien*. Этот термин служил сигналом для сторонников жесткого курса правительства во время пандемии. Услышав его, они понимали: 1) А. Меркель разделяет их раздражение; 2) она готова пу-

блично осудить «оргию»; 3) они составляют коалицию «разумных» против «безответственных спорщиков». Сарказм здесь служит инструментом групповой идентификации.

Анализ речей А. Меркель показывает, что сарказм для нее – это системный инструмент реализации речевых стратегий. Он редко бывает спонтанной колкостью, а является расчетливым элементом ее политического стиля, инструментом тонкой политической полемики. Через стратегии дискредитации, самопрезентации, управления конфликтом она использует сарказм для ведения полемики, оставаясь в рамках рационального, сдержанного амплуа. Лингвистические приемы (преуменьшение, гиперболические неологизмы, саркастическое противопоставление, использование модальных частиц и глаголов) являются средствами решения этих более широких коммуникативных задач, позволяя ей спланировать сторонников, критиковать оппонентов, снимать напряженность в парламентских дебатах и выражать скрытое несогласие, оставаясь в рамках формально вежливого дискурса, минимально нарушая нормы публичного политического дискурса. Сарказм в ее исполнении служит не столько для уничтожения, сколько для стратегического позиционирования и укрепления собственной аргументации.

Обратимся к рассмотрению политической риторики Г. Коля, который был одной из самых противоречивых и влиятельных политических фигур Германии второй половины XX в. Стиль Г. Коля был осознанной стратегией, позволявшей ему выстраивать доверительные отношения с избирателем и создавать образ честного, прямолинейного политика. Использование сарказма, в особенности в ответах на критику или в полемике, было важным элементом его имиджа, инструментом, который позволял ему наносить точные удары по оппонентам, не выходя за рамки приличий.

Г. Коль в своих выступлениях использовал стратегию создания бинарных оппозиций и консолидацию «мы-группы» с целью четко разделить аудиторию на «своих» и «чужих», укрепляя лояльность первой группы.

Г. Коль применял сарказм для демонстративного дистанцирования от позиций оппонентов, представляя их как абсурдные и чуждые интересам народа. Яркий пример – его слова о бывшем президенте Бундестага В. Тирзе. Г. Коль заявил: *Es ist doch dem Volkshochschulhirn von Thierse entsprungen, dass das auf den Straßen entschieden wurde*. Он также называл Тирзе *dieses Subjekt* (этот субъект) [8]. Термин *Volkshochschulhirn* – это классический пример саркастической инвективы, призванной унижить интеллект оппонента, противопоставив его «мудрости улиц», как следует из приведенной цитаты. Эта стратегия работает на создание образа оппонента как несерьезного и недалекого человека, консолидируя вокруг себя тех, кто якобы обладает истинным знанием.

С целью уклониться от содержательного ответа на неудобную критику, политик переводил обсуждение с фактов и аргументов на личность или мотивы критика, тем самым менял саму тему дискуссии, используя стратегию контроля повестки дня и рефрейминг критики. Она строилась на саркастическом переформулировании критики в более слабую или даже нелепую версию, которую легко было опровергнуть. В качестве примера представляется возможным привести его ответ на критику: *Lassen Sie links und rechts die Leute krakeelen, die Karawane der Union zieht weiter* [9]. Очевидно, что сарказм здесь заключен в слове *krakeelen* (кричать, шуметь), звучащем как некое снисхождение. Его употребление обесценивает критику, представляя ее не как конструктивную, а как бессмысленный шум. Эта фраза позволяет полностью проигнорировать содержание претензий, преобразовав ситуацию в повествование о спокойном, уверенном движении вперед вопреки суете.

Укрепить образ надежного, прямолинейного и эмоционально близкого к избирателям политика, противопоставив себя «изошренным» интеллектуалам или «суетливым» оппонентам, помогала политике стратегия самопрезентации и укрепления имиджа.

Сарказм направляется на создание контраста между простотой и искренностью Г. Коля и фальшью его противников. Это способ демонстрации эмоционального интел-

лекта и силы, а не просто остроумия. Так, например, экс-канцлер, будучи в центре скандала о незадекларированных пожертвованиях, заявил: *Wer in eine Partei geht, um Geld zu verdienen, ist entweder ein Dummkopf, weil der die Grundrechenarten nicht kennt, oder ein Schurke* [10]. Это высказывание можно интерпретировать как образец самоиронии и одновременно попытку показа морального превосходства. Произнося это высказывание в разгар финансового скандала, политик использовал сарказм для самопрезентации в роли хранителя подлинных партийных ценностей, косвенно отрицая корыстные мотивы своих собственных действий и создавая дистанцию между собой и «негодьями» (*Schurke*).

Анализ известных цитат Г. Коля позволяет выделить еще одну стратегию, а именно дозированную агрессию и поддержание статуса. Цель этой коммуникативной стратегии – демонстрация силы и доминирования в политическом поле.

Известно, что политик использовал крайне резкие, уничижительные реплики, которые, будучи обнародованными, служили демонстрацией его бескомпромиссности и власти. Примеры такой стратегии мы находим в его высказываниях:

– об А. Меркель: *Die Merkel hat keine Ahnung* [10] и *Frau Merkel konnte ja nicht richtig mit Messer und Gabel essen* [11];

– о В. Тирзе: *Das ist der schlimmste Präsident seit Hermann Göring* [12].

Анализ высказываний Г. Коля позволяет заключить, что его сарказм не был чисто эмоциональной чертой характера. Он применялся как системный элемент речевой стратегии, подчиненный ключевым политическим задачам. Политик эффективно управлял публичной дискуссией, укреплял свой имидж и регулировал иерархию в политическом поле. Таким образом, сарказм экс-канцлера оказывался сложным инструментом символической власти, позволявшим через языковые средства утверждать собственную легитимность и дискредитировать любого оппонента.

Обобщая вышеизложенное, заметим, что в риторическом арсенале обоих экс-канцлеров имеет место сарказм, но служит он кардинально разным целям и функционирует в соответствии с их уникальными коммуникативными стратегиями. Обобщим полученные выводы в Таблице 1.

Таблица 1

	Г. Коля	А. Меркель
Основная стратегия	Наступательная, конфронтационная. Инструмент борьбы и самоутверждения.	Оборонительная, сдержанная. Инструмент контроля.
Контекст	Частные беседы, парламентская полемика, публичные выступления в агитационном стиле.	Публичные заявления, пресс-конференции, официальные речи в парламенте, где требуется максимальная осторожность.
Эффект	Создание эмоционального резонанса, поляризация аудитории, укрепление образа сильного лидера «из народа».	Создание ощущения стабильности, предсказуемости и незыблемости позиции; перевод конфликта в управляемое русло.

Очевидно, что, несмотря на общую прагматическую функцию сарказма как инструмента политического влияния, форма и цели саркастических высказываний обоих политиков радикально различны.

Список литературы

1. Боров Ю.Б. Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М.: Искусство, 1970.
2. Мусийчук М.В. Коммуникативный механизм юмора как средство эффективного воздействия политического лидера // Мир науки. Интернет-журнал. 2015. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/10PSMN315.pdf> (дата обращения: 08.01.2026).
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка онлайн // URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 06.01.2026).
4. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
5. Merkel begegnet kritischem Bundestag mit Humor. n-tv, 16.12.2020 // URL: <https://www.n-tv.de/politik/Merkel-begegnet-kritischem-Bundestag-mit-Humor-article22240295.html> (дата обращения: 08.01.2026).
6. Merkel kritisiert «Öffnungsdiskussionsorgien». Tagesschau, 20.04.2020 // URL: <https://www.tagesschau.de/inland/merkel-lockdown-101.html> (дата обращения: 06.01.2026).
7. Merkel knüpft Brexit-Aufschub an Bedingungen. Tagesschau, 24.03.2019 // URL: <https://www.tagesschau.de/inland/bundestag-regierungserklaerung-merkel-101.html> (дата обращения: 06.01.2026).
8. <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/helmut-kohl-spd-politiker-thierse-kritisiert-altkanzler-a-995620.html> (дата обращения: 09.01.2026).
9. <https://www.welt.de/politik/deutschland/article165632182/Beruehmte-Zitate-von-Helmut-Kohl-Entscheidend-ist-was-hinten-rauskommt.html> (дата обращения: 08.01.2026).
10. <https://www.morgenpost.de/politik/inland/article132955017/Helmut-Kohl-rechnet-ab-Die-Merkel-hat-keine-Ahnung.html> (дата обращения: 07.01.2026).
11. <https://www.morgenpost.de/politik/inland/article132955017/Helmut-Kohl-rechnet-ab-Die-Merkel-hat-keine-Ahnung.html> (дата обращения: 06.01.2026).
12. <https://www.derstandard.at/story/1058547/kohl-legt-in-debatte-um-goering-thierse-vergleich-nach> (дата обращения: 06.01.2026).

* * *

1. Borev Yu.B. Komicheskoe, ili o tom, kak smekh kaznit nesovershenstvo mira, ochishchaet i obnovlyaet cheloveka i utverzhdает radost' bytiya. M.: Iskusstvo, 1970.
2. Musijchuk M.V. Kommunikativnyj mekhanizim yumora kak sredstvo effektivnogo vozdejstviya politicheskogo lidera // Mir nauki. Internet-zhurnal. 2015. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/10PSMN315.pdf> (data obrashcheniya: 08.01.2026).
3. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka onlajn // URL: <https://slovarozhegova.ru/> (data obrashcheniya: 06.01.2026).
4. Potebnyia A.A. Iz zapisok po teorii slovesnosti. Har'kov, 1905.

Sarcasm in the political discourse of Germany: contrastive speech strategies by Helmut Kohl and Angela Merkel

The specific features of using sarcasm in the public utterances of Helmut Kohl and Angela Merkel are analyzed. The speech strategies, used by these politicians of the XX-XXIst centuries, are identified and described.

Keywords: *sarcasm, speech strategy, linguistic techniques, argumentation, rhetoric.*

(Статья поступила в редакцию 13.01.2026).

А.А. АВИЛОВА
Волгоград

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ОБВИНЕНИЯ И НАСМЕШКИ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ БЛОГЕ

Рассматривается интернет-коммуникация и ее место в современном социуме. Характеризуется блог как жанр интернет-пространства. Описана стратегия дискредитации и актуализирующие ее тактики обвинения и насмешки. Установлено, что при реализации этих тактик блогерами часто используются эпитеты и метафоры, сленгизмы и жаргонизмы, повышающие прагматический эффект речевых высказываний.

Ключевые слова: блог, блогер, стратегия дискредитации, тактика обвинения, тактика насмешки, метафора, эпитет, ирония.

В эпоху прогрессирующего развития Интернета сложилась виртуальная коммуникативная система как альтернатива реальному общению между людьми. Но это не значит, что один вид коммуникации вытесняет другой. Напротив, общение в очном режиме и общение в режиме онлайн являются взаимодополняющими и обладают определенными целями и характеристиками [2, с. 370–389; 3; 5].

Современное общество уже не может представить свою жизнь без феноменальных возможностей Интернета, поэтому готово подстраиваться под правила поведения и общие установки интернет-пространства. Отметим, что на просторах глобальной сети имеет место использование разнообразных речевых жанров, реализующих коммуникативные интенции пользователя. Значительный интерес к их исследованию вызывает блог как один из жанров интернета, представляющий собой веб-сайт с датированными записями текстового и мультимедийного характера и возможностью их комментирования [1, с. 125–131]. При этом блог двадцатилетней давности и современный блог – это совершенно разные интернет-площадки, что обусловлено в первую очередь интенсивным развитием технологий. Современный блог – сложный феномен, обладающий большим функционалом. В нашей статье предлагается анализ блога как личного сетевого дневника, где фокус внимания находится непосредственно в тексте поста и комментариях к нему.

При анализе текстов блога основное исследовательское внимание сосредоточивается на речевом поведении блогера, пользователя Интернета, повествующего о важных для него и/или для общества в целом событиях [7, с. 3–20].

Блогер, используя пространство блога как площадку для выражения своих мыслей, настроения, оценочных суждений, исходит из определенных стратегий, из плана действий, в основе которых лежит мотив. Авторы постов часто рассказывают о событиях из собственной жизни или о событиях, напрямую их не касающихся, рекламируют определенный товар или услугу, выражают слова одобрения по поводу поступков других людей, например, медийных персон. Но далеко не всегда блогер, как показывает материал, позитивно настроен по отношению к коммуникантам и комментированию событий.

В ходе анализа блог-платформы «LiveJournal», а именно: постов и комментариев к ним авторов из США, Канады и Великобритании, было установлено, что англоязычные блогеры нередко прибегают к стратегии дискредитации как к способу выразить недоверие или сомнение, основанное на негативных фактах против кого-либо или чего-либо.

Стратегия дискредитации стала распространенным инструментом в блогах, посвященных политике, бизнесу, общественным дискуссиям и даже личным противостояни-

ям. Ее ключевая цель – сформировать отрицательный имидж оппонента, принизить его личностные и профессиональные достоинства, в целом очернить.

Широкое применение стратегии дискредитации часто связано с несколькими факторами, характерными для современных медиа:

1. В перенасыщенном информацией коммуникативном пространстве провокационные и конфликтные сообщения часто оказываются привлекательными для широкой аудитории за счет использования лайков и репостов, что и стимулирует создание таких сообщений.

2. Дискредитация часто заменяет собой сложный анализ, предлагая упрощенные объяснения, которые вызывают наибольший интерес у читателей. Чем проще и понятнее написан пост, тем больше вероятность того, что его захотят прочитать и/или дочитать до конца.

3. Дискредитация оппонента в блоге позволяет автору косвенно утвердить собственную правоту и моральное превосходство без необходимости глубокого анализа, что позволяет блогеру повысить авторитет в глазах читателей.

Стратегия дискредитации имеет при этом определенные этические ограничения. Важно, чтобы виртуальная полемика не переходила в открытую травлю и не нарушала личные границы участников. Поэтому дискредитация должна строиться на принципах доказательности, уместности и адаптивности – готовности корректировать подход в зависимости от реакции сообщества и изменения контекста. Среди множества тактик, используемых в рамках этой стратегии, часто встречаются тактика обвинения и тактика насмешки.

Цель статьи: выявить применительно к коммуникативным тактикам обвинения и насмешки наиболее часто используемые стилистические фигуры и тропы и определить их функции в постах англоязычных блогеров.

Анализируя тактику обвинения, мы опираемся на определение Толкового словаря русского языка: обвинение – это признание, объявление кого-либо виновным; вменение кому-либо какой-либо вины [4].

В ходе анализа англоязычного блога установлено, что тактика обвинения часто выражена негативно-оценочными эпитетами как эффективным средством обвинения человека в каких-либо его действиях. При этом основным объектом, попадающим под удар обвинения блогера, является политический деятель в силу специфики его профессиональных обязанностей и недовольства граждан их исполнением. Так, частотными эпитетами с целью прямого обвинения в эксплицитной форме служат следующие: *corrupt politicians* (коррупционированные политики), *stupid politicians* (глупые политики), *The current administration is incompetent, destructive and exceedingly odd*. (Нынешняя администрация некомпетентна, деструктивна и чрезвычайно странна. – *Здесь и далее перевод наш – А. А.*)

Стоит заметить, что функциями эпитетов в данном случае выступают не только дискредитация и унижение оппонента, но и манипуляция общественным мнением, поскольку автор блога не просто сообщает какую-либо информацию о чужих поступках, действиях и высказываниях, а косвенным образом предлагает или даже навязывает их интерпретацию аудитории.

Эпитеты, реализующие тактику обвинения, используются не только в политических текстах, но и в постах на другие темы. Так, например, блогер *howardy*, не соглашаясь с принципом переработки пластика в США, пишет следующее: <...> *This practice has seriously harmed the local environment and is extremely irresponsible* (Эта практика нанесла серьезный ущерб местной окружающей среде и является **крайне безответственной**) [8]. Важно отметить, что весь текст автора носит обвинительный характер, о чем говорит убедительная форма повествования с использованием статистики и конкретных примеров.

Помимо эпитетов как экспрессивных языковых ресурсов тактика обвинения реализуется метафорами, нередко входящими в состав фразеологических сочетаний. Дан-

ный факт объясняется тем, что авторы постов, придерживаясь этических правил и избегая грубости, выражают обвинение косвенно, но при этом достаточно эмоционально, образно. Так, например, блогер *reuterentertain* прибегает к использованию фразеологизма *to cook the books* ('подделывать документы, фальсифицировать счета', рус. букв. «готовить, варить книги»), чтобы уличить правительство во лжи: *What happens when governments cook the books. After President Trump fired the head of the Bureau of Labor Statistics, economists and statisticians across the board were horrified* (Что происходит, когда правительства подделывают финансовые документы. После того как президент Трамп уволил главу Бюро статистики труда, экономисты и статистики по всему миру пришли в ужас) [12].

Использование метафоры как языкового средства с целью обвинения в блоге объясняется выполняемой ею функцией создания целостного и яркого образа, что позволяет блогеру акцентировать внимание читателя на негативном имидже объекта обвинения в экспрессивной форме.

В результате анализа стилистических фигур и тропов, используемых при реализации тактики обвинения, было установлено, что эпитеты и метафоры как стилистические средства применяются наиболее часто. Их удельный вес составляет 33% и 30% соответственно. Значительно реже употребляются такие стилистические фигуры, как сравнение, гипербола и олицетворение.

Чтобы придать своим оценочным высказываниям убедительность и максимальную для понимания доступность, блогеры нередко применяют сленговые и жаргонные слова и словосочетания при осуществлении обвинительного коммуникативного замысла. Блогер *tamatimieux*, делясь с аудиторией своими переживаниями, делает акцент на проблемах в межличностных отношениях: *His mom even accused me of being passive aggressive, but I reminded him about the time he said it to me, before Vivian was born, and it made me feel good* (Его мама даже обвинила меня в пассивной агрессивности, но я напомнила ему о том случае, когда он сказал мне это еще до рождения Вивиан, и мне стало легче) [9]. В данном случае словосочетание *passive aggressive*, изначально возникшее как психологический термин, используется как жаргонное словосочетание с целью высказать обвинение. Поскольку это словосочетание активно используется интернет-пользователями, особенно в молодежной среде, можно предположить, что этот обозначающий поведение человека жаргонизм имплицитно выражает негативные чувства и агрессивные намерения адресанта.

Обвинение осуществляется в форме диалога. Инициатива блогера, начатая в посте, находит продолжение в комментариях: подписчики либо усиливают ее, либо разворачивают критику против самого автора. Эта модель работает и с другими тактиками, наглядно показывая, что стратегия автора и реакция аудитории представляют собой единый коммуникативный поток, подчиненный общей цели и поэтому имеющий схожие языковые проявления.

Далее рассмотрим тактику насмешки, реализующую стратегию дискредитации в англоязычном блоге. Под насмешкой понимается, согласно Толковому словарю русского языка, обидная шутка по поводу кого- или чего-либо; издевка [4].

При изучении тактики насмешки обнаружено, что блогеры в постах часто используют метафору как эффективное средство воздействия на аудиторию. Так, автор *sireesanwar*, рассказывая о своих впечатлениях от сериала о полицейских, фокусирует внимание на поведении героини, вызывающей у него раздражение: *I don't like Gabi. She's kind of a bull in a China shop and she's constantly threatening people* (Мне не нравится Габи. Она как слон в посудной лавке и постоянно угрожает людям) [13]. Фразеологизм *a bull in a China shop* (рус. эквивалент *как слон в посудной лавке*) убедительно показывает, что автор поста относится к героине сериала не просто с неприязнью, но и с насмешкой, даже с издевкой.

Употребление блогером метафоры при реализации тактики насмешки направлено на обесценивание объекта насмешки через какое-либо нелестное сравнение, обидную шутку.

Высокой степенью эмоционального воздействия, свойственной тактике вербальной насмешки, обусловлено использование оценочных эпитетов в постах блогеров. Функция эпитетов – оказать негативное психологическое воздействие на адресата, сфокусировав внимание на его недостатках. Яркой иллюстрацией этого тезиса служат развернутые определения, построенные на сравнении, которые часто встречаются в блогах. Так, автор *mugelyse*, применяя самоиронию и указывая на собственную слабость, использует по отношению к себе эпитет *queen of procrastination* (королева прокрастинации) [11], что обусловлено неспособностью блогера справиться с учебными заданиями, требуемыми для получения зачёта.

Тактику насмешки можно проследить и в постах с употреблением гиперболы. Данная стилистическая фигура является эффективным инструментом для демонстрации иронии в преувеличенной, а потому и наиболее эффективной форме. Так, блогер *mimitchigotchi*, цитируя своего молодого человека, пишет следующее: *I don't have situational awareness and I've got the attention span of a goldfish* (Я не разбираюсь в ситуации, а внимания у меня не больше, чем у золотой рыбки) [10].

Использование таких стилистических средств, как метафора, эпитет и гипербола, при реализации тактики насмешки позволяет автору постов избежать грубости, формально в целом соблюсти нормы этикета, но при этом имплицитно высмеять другого человека, принизить его значимость в глазах общественности.

В ходе анализа стилистических фигур было выявлено их следующее процентное соотношение: метафора (30%), эпитеты (28%), гипербола (20%), другие тропы (22%).

Анализ языковых особенностей применительно к тактике насмешки у англоязычных блогеров показывает, что авторы часто используют её не только по отношению к другим, но и направляют на себя. Такой приём самоиронии дает возможность блогеру с юмором обыграть собственную оплошность или неловкость, что позволяет ему оставаться «на одной волне» с аудиторией и избежать образа зануды. Ярким примером служит пост автора *abratus*, который с иронией пишет о своей лени: *I'm not lazy; I'm just on energy-saving mode until my Python code compiles* (Я не ленив; я просто в режиме энергосбережения, пока мой код на Python компилируется) [6]. В этом случае насмешка направлена на самого себя. Она представляет собой остроумную шутку, а не оскорбление и строится на самоиронии.

Анализируя стратегию дискредитации в англоязычном блоге, мы пришли к выводу, что она может выражаться не только вербальными средствами, но и невербально, т.е. при помощи картинок или смайликов. Так, для англоязычных блогеров характерно использование отрицательных смайликов, обладающих дискредитирующей функцией: «недовольное лицо», «злое лицо», «большой палец вниз» и др. В этом случае невербальный способ дискредитировать личность читателей является самым простым и общедоступным, понятным для всех носителей данной культуры. Применение смайликов позволяет автору сэкономить свои лингвистические ресурсы, с одной стороны, а с другой – остаться при этом читаемым блогером.

Нередко блогеры используют и картинки-демотиваторы как способ дискредитировать оппонента, поскольку изображение может также содержать злую шутку или оскорбление в косвенной форме. Под этой картинкой может содержаться дополнительный комментарий, реализующий тактику обвинения или тактику насмешки. Примечательно, что и в комментариях под таким постом тоже можно обнаружить смайлики или ответные картинки с дискредитирующим содержанием.

Широкое распространение эпитетов и метафор как стилистических ресурсов в блоге обусловлено специфическими чертами блогосферы. Назовем их.

1. Визуализация и доступность. Читателю трудно воспринимать сложным образом сформулированные идеи, а метафора и эпитет выражают коммуникативные интен-

ции блогера образно, наглядно, экспрессивно, что облегчает процесс понимания широкой аудиторией.

2. Ограниченность формата. Поскольку пост имеет довольно ограниченный объем и не может растягиваться в повествовании как книга, автор стремится донести мысль быстро и эффектно. Метафора и эпитет используются как действенное средство на сознание партнера по коммуникации. Образы, выражаемые этими стилистическими ресурсами, воздействуют на эмоциональное состояние получателей информации, превосходят перлокутивным эффектом привычные стандартные формулировки.

3. Литературная и культурная традиция. В силу того, что блоги – это новая форма публицистики, использование образных средств – это способ продолжить традицию художественной литературы или традиционной журналистики, где метафора и эпитет всегда были главными инструментами воздействия на читателя. При этом не стоит недооценивать значение и других стилистических средств выразительности в блоге, т.к. многие из них играют не последнюю роль в формировании и реализации той или иной стратегии в блогосфере.

Таким образом, рассмотрев тактику обвинения и тактику насмешки, реализующие стратегию дискредитации, мы видим, что обе тактики в англоязычной блогерской сфере представляет собой эффективный механизм воздействия на читательскую аудиторию. Эти тактики способны вызывать эмоциональный отклик у широкой читательской аудитории.

Список литературы

1. Баженова Е.А., Иванова И.А. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. 2012. № 4. С. 125–131.
2. Горошко Е.И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи: Сб. науч. ст. 2005. Вып. № 5. С. 370–389.
3. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: Монография. Волгоград: Перемена, 2009.
4. Толковый словарь русского языка онлайн // URL: <https://sinonim.org/t> (дата обращения: 25.09.2025).
5. Щипицына Л.Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2011.
6. Abratus: блог // LiveJournal. URL: <https://abratus.livejournal.com/436510.html> (дата обращения: 25.09.2025).
7. Herring S.C., Scheidt L.A., Kouper I., Wright E.A. Longitudinal Content Analysis of Weblogs: 2003–2004 // Blogging, Citizenship and the Future of Media. London: Routledge, 2012. P. 3–20.
8. Howardy: блог // LiveJournal. URL: <https://howardy.livejournal.com/981.html> (дата обращения: 25.09.2025).
9. Mamamimieux: блог // LiveJournal. URL: <https://mamamimieux.livejournal.com/22710.html> (дата обращения: 25.09.2025).
10. Mimitichigotchi: блог // LiveJournal. URL: <https://mimitichigotchi.livejournal.com/2084.html> (дата обращения: 25.09.2025).
11. Mugelyse: блог // LiveJournal. URL: <https://mugelyse.livejournal.com/20272.html> (дата обращения: 25.09.2025).
12. Reuterentertain: блог // LiveJournal. URL: <https://reuterentertain.livejournal.com/148564811.html?es=1> (дата обращения: 25.09.2025).
13. Sireeswar: блог // LiveJournal. URL: <https://sireeswar.livejournal.com/1117814.html> (дата обращения: 25.09.2025).
14. X_eleven: блог // LiveJournal. URL: <https://xeleven.livejournal.com/437410.html?es=1> (дата обращения: 25.09.2025).

* * *

1. Bazhenova E.A., Ivanova I.A. Blog kak internet-zhanr // Vestnik Permskogo universiteta. 2012. № 4. S. 125–131.

2. Goroshko E.I. Teoreticheskij analiz internet-zhanrov: k opisaniyu problemnoj oblasti // Zhanry rechi: Sb. nauchn. st. 2005. Vyp. № 5. S. 370–389.

3. Lutovinova O.V. Lingvokul'turologicheskie harakteristiki virtual'nogo diskursa: Monografiya. Volgograd: Peremena, 2009.

4. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka onlajn // URL: <https://sinonim.org/t> (data obrashcheniya: 25.09.2025).

5. Shchipicyna L. Yu. Kompleksnaya lingvisticheskaya harakteristika komp'yuterno-oposredovannoj kommunikacii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Voronezh, 2011.

***The communicative tactics of accusation and mockery
of discrediting strategy in English blog***

Internet communication and its place in modern society are considered. Blog as the genre of Internet space is characterized. Discrediting strategy and its updating accusation and mockery tactics are described. It is stated that epithets, metaphors, slangisms and jargonisms, increasing the pragmatic effect of speech acts are often used while implementing these tactics by bloggers.

Keywords: *blog, blogger, discrediting strategy, accusation tactics, mockery tactics, metaphor, epithet, irony.*

(Статья поступила в редакцию 12.01.2026).

Е.В. ПЕРМИНОВ
Волгоград

**КОММУНИКАТИВНАЯ ТАКТИКА «КРИТИКА» В НЕМЕЦКИХ ИНТЕРВЬЮ:
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

Представлены результаты исследования коммуникативной тактики «критика» на материале современных немецкоязычных интервью. Выявлены основные виды критики, а также языковые средства ее экспликации. Установлен максимально высокий индекс частотности использования деструктивной критики в коммуникативной модели «мужчина (интервьюер) – мужчина (интервьюируемый)».

Ключевые слова: *гендер, интервью, коммуникативная тактика, критика, высказывание, стилистический прием.*

В отечественной лингвистике к безусловно актуальным относятся исследования, проводимые в области таких направлений, как коммуникативная лингвистика [2; 4; 8; 9] и лингвогендерология [3, с. 109–147; 6, с. 35–41; 7]. Значительный интерес вызывают и работы, авторы которых изучают коммуникативные стратегии и тактики, используемые в разных жанрах [1, с. 43–48; 2; 5, с. 123–133; 8]. К числу коммуникативных тактик,

занимающих определенный сегмент в современной коммуникации, относится и тактика критики.

Известно, что критика является средством осуществления воздействия на мыслительные процессы адресата, равно как и на его эмоциональное состояние. Критические замечания могут вносить корректировку в поведение человека, создавать у него новые поведенческие установки.

Актуальность исследования коммуникативной тактики критики с точки зрения гендерного аспекта обосновывается необходимостью изучения взаимосвязи между социальными стереотипами и эмоциональными реакциями личности, что важно для пополнения исследовательской базы таких научных дисциплин, как социальная психология и гендерная лингвистика.

Цель статьи – определение и описание различий в женской и мужской речи при реализации коммуникативной тактики критики в текстах интервью немецкоязычных СМИ. Задачи исследования: 1) установить степень распространенности тактики критики в коммуникативном поведении участников немецкоязычных интервью; 2) выявить средства реализации данной коммуникативной тактики интервьюируемыми мужчинами и женщинами.

Исследовательские методы и приемы – интерпретация, контекстуальный анализ, сплошная выборка, прием количественного подсчета, компонентный анализ, дискурс-анализ, нарративный анализ.

Объект нашего исследования – речевой жанр «интервью» публицистического функционального стиля. Материалом исследования послужили тексты интервью, опубликованные в немецкоязычных периодических изданиях и на интернет-сайтах Германии: «MYP Magazine», «abi», «Berliner Zeitung», «Rheinische Post».

В ходе исследования были проанализированы 40 немецкоязычных текстов интервью. Анализ проводился с учетом следующих 4 коммуникативных моделей: 1) «мужчина (интервьюер) – мужчина (интервьюируемый)», 2) «женщина (интервьюер) – женщина (интервьюируемая)», 3) «мужчина (интервьюер) – женщина (интервьюируемая)», 4) «женщина (интервьюер) – мужчина (интервьюируемый)».

В проанализированных текстах интервью выявлено 182 случая реализации тактики критики (10,12% от общего количества выявленных коммуникативных тактик).

Коммуникативная тактика критики имеет место как в речи интервьюируемых, так и в высказываниях интервьюеров. Отметим, что вопросы интервьюеров могут содержать смежные компоненты, относящиеся к критикующей и провокативной коммуникативным тактикам.

Сфокусируем внимание на вопросе журналиста, адресованном актеру Патрику Шварценеггеру: *Ist es eigentlich schräg, einen Nachnamen zu tragen, den jeder kennt?* (Действительно ли странно носить фамилию, которую все знают? – Здесь и далее перевод наш – Е. П.) [11]. С одной стороны, в данной реплике-стимуле содержатся компоненты деструктивной критики, поскольку, апеллируя к известной фамилии интервьюируемого, журналист преуменьшает значение самостоятельной ценности личности участника интервью, выражает намек на недооценивание его профессиональной компетенции, а также демонстрирует зависимость от социального статуса родителей. С другой стороны, здесь реализуется и провокативная коммуникативная тактика, направленная на вызов эмоциональной реакции у интервьюируемого. В этом же интервью имеет место и реализация конструктивной критики. К примеру, Патрик Шварценеггер скептически относится к идее быстрого успеха в медиаиндустрии, которая излагается интервьюером: *Nichts im Leben füllt dir in den Schoß, sondern du musst immer hart arbeiten. Das ist die wichtigste Lektion, die ich von meinem Vater lernen kann. Man wird nicht über Nacht zum besten Schauspieler der Welt. Das klappt nur, wenn man sich anstrengt und immer dazulernt* (Ничто в жизни не падает

с неба, но ты всегда должен усердно работать. Это самый важный урок, который я могу усвоить у своего отца. Не стать **лучшим актером мира за ночь**. Это получится только в том случае, если прилагать усилия и всегда учиться. – Здесь и далее выделено нами – Е. П.) [11]. Указанное высказывание обусловлено наличием диагностического компонента (т.е. выявления недостатков и фиксации ошибок), который проявляется в форме непринятия инертности и следования иллюзорным перспективам. К примеру, в предикативной части первого предложения наблюдается реализация диагностического компонента конструктивной критики, связанного с необходимостью отказа от пассивной позиции: *Nichts im Leben fällt dir in den Schoß* <...> (Ничто в жизни не падает с неба) [11]. Посредством прямого отрицания, реализованного частицей *nicht* (не), входящего в контекст, образованный путем использования гиперболизированного словосочетания *der beste Schauspieler der Welt* (лучший актер мира) и темпорального выражения *über Nacht* (за ночь), иллюстрирующего короткий промежуток времени, интервьюируемый актер не только оспаривает стремление к получению сиюминутного признания, но и показывает свою жизненную позицию, основанную на важности трудолюбия, реализуя диагностический компонент конструктивной критики. Нормативный компонент конструктивной критики наблюдается в позиции интервьюируемого, связанной с предложением определенного плана действий для достижения карьерного роста. Патрик Шварценеггер указывает на возможность внедрения в жизненный цикл таких улучшений, как постоянный труд и стремление становиться лучше с каждым днем: *immer hart arbeiten* (всегда усердно работать), *sich anstrengen* (прилагать усилия), *immer dazulernen* (всегда учиться). *Анализируемое высказывание также опирается и на легитимизирующий компонент конструктивной критики. Участник интервью акцентирует внимание аудитории на позиции своего отца, сумевшего добиться высоких результатов в кинематографе: Das ist die wichtigste Lektion, die ich von meinem Vater lernen kann* (Это самый важный урок, который я могу усвоить у своего отца) [11]. Использование суперлатива и употребление в приведенном предложении субъективной эпистемической модальности, сопряженные с мнением авторитетного человека, придают высказыванию весомость и способствуют усилению обоснованности аргументов участника интервью. Таким образом, интервьюируемый критикует распространенную в медийной сфере идею мгновенного успеха, отрицает ее. Конструктивный компонент в данном высказывании направлен на побуждение аудитории к саморазвитию и упорному труду для достижения результатов в карьере.

Проанализируем далее интервью с немецкой актрисой Леной Меккель (коммуникативная модель «женщина (интервьюер) – женщина (интервьюируемая)»). Интервьюируемая конструктивно критикует давление постоянного поиска к саморазвитию, трансформировавшегося в навязчивую идею для представителей современного общества: *Eine Entwicklung, die wir vielleicht nicht unbedingt aufhalten können, aber definitiv lernen sollten damit umzugehen und einen eigenen gesunden Weg zu finden, wie wir trotz des Bedürfnisses ständig an uns zu arbeiten und weiter aufzublühen den Fokus nicht verlieren glücklich zu sein* (Развитие, которое мы, возможно, не обязательно сможем остановить, но определенно должны научиться справляться с этим и найти свой собственный здоровый путь постоянно работать над собой и продолжать расцветать, несмотря на необходимость не терять фокус, чтобы быть счастливым) [13]. Диагностический компонент конструктивной критики в данном высказывании реализуется в следующей форме: *ständig an uns zu arbeiten und weiter aufzublühen* (постоянно работать над собой и продолжать расцветать). В указанном отрывке интервью актриса поднимает проблему перманентного личностного роста, перешедшего из элемента индивидуального существования в продвигаемую обществом тенденцию его современного развития. Кроме того, Лена Меккель подчеркивает негативный эффект этого культурного явления,

акцентируя внимание аудитории на необходимости сохранять сосредоточение на позитивных эмоциях: *den Fokus nicht verlieren glücklich zu sein* (не терять фокус, чтобы быть счастливым). Таким образом, участница интервью фокусирует читательское внимание на проблеме императивного характера самосовершенствования и саморазвития, уставленного социумом и способного трансформироваться в такие психологические проблемы, как эмоциональное выгорание и потеря психологического равновесия. Нормативный компонент конструктивной критики в анализируемом высказывании связан с рядом улучшений, предлагаемых актрисой: необходимостью приспособления к социальным трендам – *lernen damit umgehen* (научиться справляться с этим); важностью выбора индивидуальной модели поведения – *einen eigenen gesunden Weg finden* (найти свой собственный здоровый путь). Отметим, что мотивационный компонент указанного проявления конструктивной критики коррелирует со значимостью поиска гармонии и баланса в жизни.

Анализ материала выявил, что коммуникативное поведение женщин при общении друг с другом характеризуется преобладанием конструктивной критики над деструктивной (соотношение 65 к 26). В маскулинной коммуникативной модели («мужчина (интервьюер) – мужчина (интервьюируемый)», напротив, доминирует деструктивная критика над конструктивной (соотношение 56 к 35). Таким образом, женская речь более мягкая и терпимая к объекту критики, в то время как речь мужская оказалась более резкой.

Критика, как известно, может быть выражена прямо и косвенно. Прямая критика может быть продемонстрирована на примере отрывка из интервью с немецким писателем Райнхардом Йирглем, в котором интервьюируемый открыто высказывает свою негативную позицию по отношению к издательской системе, существовавшей в прошлом веке: *Die Plätze <...> waren längst verteilt* (Места <...> были давно распределены) [12]. В данном предложении содержится негативная оценка и недовольство интервьюируемого, связанное с невозможностью начала литературной карьеры для молодого автора. Участник интервью использует словосочетание *die verteilten Plätze* (распределенные места), содержащее критику в адрес книгоизданий, к которым открыт доступ далеко не всем. Наречие *längst* (давно) отражает темпоральные характеристики критикуемого объекта и подчеркивает системную политику действий лиц, входящих в издательскую отрасль. Таким образом, интервьюируемый жестко критикует существовавшую издательскую систему в Германии.

Косвенная критика имеет место в интервью с рэп-исполнителем Fatoni, который, ссылаясь на суждения одного из своих фанатов, показывает противоречие в своем творчестве: *Neulich hat mir ein jüngerer Künstler gesagt, der früher oder vielleicht auch heute noch Fatoni-Fan ist: „Ich fühle deine Texte so hart. Du bist zwar mega cringe, aber halt auch mega cool“* (На днях один молодой исполнитель, бывший или, возможно, остающийся поклонником Фатони, сказал мне: «Я так сильно прочувствую твои тексты. Ты, конечно, мега кринж, но и все-таки оставайся мега крутым») [14]. В данном высказывании используется антитеза: словосочетания *mega cringe* (мега кринж) и *mega cool* (мега крутой), состоящие из сленговых заимствований, имеют противоположное значение. Их использование показывает признание интервьюируемым своих преимуществ и недостатков в музыкальной карьере, а также ироничное отношение к ним.

Приведем пример с косвенной критикой. Пример взят из интервью с немецкой актрисой Леной Меккель. Отвечая на вопрос интервьюера о зависимости представителей творческих профессий от субъективного мнения продюсеров и режиссеров, интервьюируемая произносит следующее: *<...> solange ich mir selbst nicht den Vorwurf machen kann, zu wenig für diesen Beruf zu brennen <...>* (<...> пока я не могу сделать себе упрек в том, что слишком мало воспламенен этой профессией <...>) [13]. Крити-

тика, как можно видеть, дана в имплицитной форме, что, однако, не затрудняет адекватное понимание читателем мысли актрисы. Приведенный фрагмент текста показывает желание актрисы дистанцироваться от однозначных оценок и прямой критики продюсеров и режиссеров. Иными словами, участница интервью посредством отрицания придает высказыванию не критический, а оправдательный оттенок, возлагая на себя ответственность за результаты творческой деятельности: «... *selbst nicht den Vorwurf machen* (не делать себе упрек в том), *zu wenig für diesen Beruf brennen* (слишком мало гореть этой профессией). Однако читатель понимает, что даже стопроцентная отдача актеру своему делу не гарантирует успеха в его творчестве и часто зависит от субъективных сторонних решений.

Как показывает анализ, маскулинная коммуникативная модель («мужчина (интервьюер) – мужчина (интервьюируемый)») характеризуется наивысшей степенью распространенности прямой критики (37 случаев реализации). В коммуникативной модели «женщина (интервьюер) – женщина (интервьюируемая)» статистические показатели, абсолютно противоположны: 8 случаев реализации прямой и 28 – косвенной. Таким образом, речевое поведение мужчин характеризуется в отличие от фемининного поведения прямолинейностью, очевидностью критических замечаний.

В ходе исследования были выявлены основные лингвистические средства реализации коммуникативной тактики критики. К ним относятся оценочные лексические единицы, а также такие стилистические приемы, как сарказм и ирония. Ирония и сарказм выполняют ряд сходных функций, основной из которых является выражение негативной оценки путем использования лексем, наделенных положительной языковой коннотацией. Главным различием между этими двумя стилистическими приемами является объект оценки: ирония не является лично ориентированной в отличие от сарказма и направлена на критику ситуации или обстоятельств.

Результаты исследования показали, что наличие данных наиболее «мягких» способов выражения критики в коммуникативном поведении участников проанализированных интервью является гендерно обусловленным. Мужчины склонны к использованию сарказма, т.е. к проявлению критики, направленной на ту или иную личность – 7,68% от общего индекса частотности критикующей тактики коммуникации. Женщины, напротив, стремятся к выражению критикующей коммуникативной тактики посредством иронии – 8,54%. Статистические данные могут свидетельствовать о том, что «мужское» коммуникативное поведение является более ориентированным на критику личности, в то время как «женская» коммуникация нацелена на критику действий.

Таким образом, делая вывод о существовании различий в процессе реализации критикующей коммуникативной тактики, можно утверждать, что критика, проявляющаяся в речи мужчин, является более резкой, чем критика, использующаяся женщинами. Мужчины склонны к однозначным суждениям по отношению к другим индивидам, закрепляющим за ними отрицательную оценку. Женщины в свою очередь пытаются избежать «острых граней», способных задеть чувства других личностей.

Список литературы

1. Авилова А.А. Коммуникативные тактики англоязычного блогера и способы их выражения // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. № 2 (06). 2024. С. 43–48.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008.
3. Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 109–147.

4. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия. М.: Рипол Классик, 2002.
5. Красавский Н.А. Коммуникативная стратегия дискредитации России в немецких СМИ при освещении событий на Украине (март–май 2022 года) // Казанский лингвистический журнал. 2023. Т. 6 (№ 1). С. 123–133.
6. Красавский Н.А., Перминов Е.В. Коммуникативные тактики в речевом жанре «репортаж»: гендерный аспект // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. № 2 (10). 2025. С. 35–41.
7. Нefeldова Л.А. Гендерно инклюзивная фразеология современного немецкого языка: симметрия фразеологизмов в свете гендера. М.: МПГУ, 2023.
8. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005.
9. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры. 2001.
10. Chris Tall: „Wir sollten viel mehr über uns selbst lachen“ // abi. 29.01.2025. URL: <https://abi.de/orientieren/vorbilder/chris-tall> (дата обращения: 22.08.2025).
11. Interview mit Patrick Schwarzenegger: “Mein Glas ist immer voll” // Berliner Zeitung. 26.03.2018. URL: <https://www.berliner-zeitung.de/politik-gesellschaft/interview-mit-patrick-schwarzenegger-mein-glas-ist-immer-voll-li.74847> (дата обращения: 19.11.2023).
12. Interview mit Reinhard Jirgl: “Vom Schreiben kann ich nicht leben” // Rheinische Post. 26.08.2010. URL: https://rp-online.de/kultur/kunst/vom-schreiben-kann-ich-nicht-leben_aid-12586825 (дата обращения: 29.09.2024).
13. Interview mit Schauspielerin Lena Meckel // stories and faces. 04.11.2021. URL: <https://storiesandfaces.com/2021/11/04/interview-mit-schauspielerin-lena-meckel/> (дата обращения: 22.08.2025).
14. Interview – Fatoni »Im Rap kann Wut als Antrieb sehr hilfreich sein« // MYP Magazine. 12.10.2023. URL: <https://www.myp-magazine.com/interview/fatoni-im-rap-kann-wut-als-antrieb-sehr-hilfreich-sein/> (дата обращения: 22.08.2025).
15. abi: // URL: <https://abi.de/> (дата обращения: 22.08.2025).
16. Berliner Zeitung: // URL: <https://www.berliner-zeitung.de/> (дата обращения: 22.08.2025).
17. MYP Magazine: // URL: <https://www.myp-magazine.com/> (дата обращения: 22.08.2025).
18. Rheinische Post: // URL: <https://rp-online.de/> (дата обращения: 22.08.2025).
19. stories and faces: // URL: <https://storiesandfaces.com/> (дата обращения: 27.11.2024).

* * *

1. Avilova A.A. Kommunikativnye taktiki angloyazychnogo blogera i sposoby ih vyrazheniya // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. № 2 (06). 2024. S. 43–48.
2. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. 5-e izd. M.: LKI, 2008.
3. Kirilina A.V. Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tret'ego tysyacheletiya // Voprosy psiholingvistiki. 2021. № 3 (49). S. 109–147.
4. Klyuev E.V. Rehevaya kommunikaciya. Uspeshnost' rehevogo vzaimodejstviya. M.: Rипol Klassik, 2002.
5. Krasavskij N.A. Kommunikativnaya strategiya diskreditacii Rossii v nemeckih SMI pri osveshchenii sobytij na Ukraine (mart–maj 2022 goda) // Kazanskij lingvisticheskij zhurnal. 2023. T. 6 (№ 1). S. 123–133.
6. Krasavskij N.A., Perminov E.V. Kommunikativnye taktiki v rehevom zhanre «reportazh»: gendernyj aspekt // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. № 2 (10). 2025. S. 35–41.
7. Nefeldova L.A. Genderno inklyuzivnaya frazeologiya sovremennogo nemeckogo yazyka: simmetriya frazeologizmov v svete gendera. M.: MPGU, 2023.
8. Parshina O.N. Strategii i taktiki rehevogo povedeniya sovremennoj politicheskoy elity Rossii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Saratov, 2005.
9. Yanko T.E. Kommunikativnye strategii russkoj rechi. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. 2001.

*The communicative tactics “criticism” in the German interview:
gender-based aspect*

The results of study of communicative tactics “criticism” at the material of modern German interviews are presented. The basic kinds of criticism and the linguistic means of its explication are revealed. The highest index of frequency of use of destructive criticism in the communicative model of “man (interviewer) – man (interviewee)” is identified.

Keywords: *gender, interview, communicative tactics, criticism, utterance, stylistic device.*

(Статья поступила в редакцию 18.02.2026).

Д.С. БИКУС
Волгоград

ОСОБЕННОСТИ ЧЕРНОГО ЮМОРА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТОК-ШОУ

Анализируются особенности черного юмора в видеовербальных текстах сатирических англоязычных ток-шоу. Принцип кооперации Г. Грайса рассматривается с акцентом на механизмы нарушения максим количества, качества, релевантности и способа выражения и их роль в порождении комического эффекта. Установлено, что сознательное нарушение максим системно маркирует «игровой режим» интерпретации и активизирует имплицатуры. Уточнены прагматические механизмы юмора в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *принцип кооперации, Г. Грайс, максима, ток-шоу, черный юмор.*

Цель предпринятого исследования – спроецировать постулаты Г. Грайса, их соблюдение/несоблюдение применительно к англоязычным ток-шоу, в которых реализуется коммуникативная интенция создания комического эффекта.

Согласно концепции Г. Грайса, речевое общение эффективно при условии совместных интеракциональных действий коммуникантов. Достичь успеха в общении позволяет наличие у коммуницирующих единого целеполагания. Целевая установка может быть задана заранее (например, согласование времени заседания, решение конкретных задач и т.п.), либо складываться по мере развертывания коммуникации. Принцип коо-

перации, согласно концепции Г. Грайса, сводится к четырем максимам: количества, качества, отношения и способа выражения [2].

Следует подчеркнуть, что анализ коммуникативных максим должен проводиться с учётом социокультурного контекста. Это обусловлено тем, что они детерминированы условиями и традициями общения, специфичными для каждого отдельного социума [5]. В качестве примера можно рассмотреть максимум количества. В ряде культур односложные реплики или краткие высказывания считаются нормой, тогда как в иных культурных контекстах такие формы ответа интерпретируются как невежливость или отсутствие готовности к взаимодействию.

Г. Грайс определял постулат количества как определенный объем информации, передаваемый в общении одним коммуникантом другому. Сообщение, по Г. Грайсу, должно быть информативным в той степени, в какой необходимо решение цели коммуникации. Оно не должно содержать избыточной информации [2]. В стандартной коммуникативной ситуации собеседники интуитивно стремятся к информационному балансу, который гарантирует эффективность их взаимодействия. Иными словами, соблюдение постулата количества – это передача коммуникативно востребованных сведений. Их дефицит, равно как и избыток, препятствуют эффективному общению. Именно намеренное или случайное нарушение этого принципа, выраженное в недостатке либо в переизбытке информации, является одним из механизмов создания комического эффекта в ситуационных комедиях.

Постулат качества в интерпретации Г.Р. Власян заключается в соблюдении общего принципа истинности высказывания, который реализуется через две максимы: во-первых, не сообщать информацию, которую говорящий считает ложной, и, во-вторых, не делать заявлений, не имея для них достаточных оснований. Таким образом, данный принцип устанавливает критерии для проверки достоверности (верифицируемости) коммуникативного акта. При этом комический эффект в диалогической речи нередко достигается за счет намеренного отступления от норм качества посредством риторических стратегий гиперболы, метафоры и иронии [1].

Максима релевантности предписывает согласование высказывания с текущим коммуникативным контекстом. При намеренном отступлении от этой максимы прагматический уровень взаимодействия сохраняет общий контекстуальный фундамент, что позволяет адресату восстановить имплицитные намерения говорящего [1].

Максима способа выражения регламентирует не содержание, а формально-структурную организацию речевого акта. Он имплементируется в виде ряда постулатов, согласно которым надлежит избегать нечеткости и двусмысленности в общении, стремиться к краткости изложения, быть последовательным и логически излагать сообщение. В юмористическом дискурсе целенаправленное отступление от данных положений является продуктивным приемом создания комического, реализуемым через различные языковые средства (например, эвфемизмы, двусмысленность и т.д.). Максима способа выражения коррелирует с максимальной количеством – следует передавать ровно столько информации, сколько нужно для ясного понимания, избегая избыточности, а также с максимальной релевантности, предписывающей участникам коммуникации не отклоняться от темы.

В центре нашего исследования – юмористический тип коммуникации, который опирается на сознательное нарушение принципов общения, сформулированных Г. Грайсом, а также шутки, относящиеся к черному юмору.

Черный юмор – это особый подвид комического, в котором сознательно нарушаются привычные правила вежливой и рациональной коммуникации. Согласно тезаурусу Роже, лексема *black* (черный) входит в семантический ряд с такими словами, как *печальный, похоронный, злоециный, пагубный и смертельный*. Юмор же как феномен коррели-

рует с такими явлениями, как веселье, шутка и комизм [6]. Из этого следует, что черный юмор по своей природе существует на пересечении смешного и страшного, а порой и отталкивающего. Смещение акцента в сторону одного из полюсов разрушает этот неустойчивый баланс. Там, где кооперативный принцип Г. Грайса предписывает быть уместными, правдивыми, ясными и умеренными, черный юмор провоцирует: он нарочно нарушает ожидания аудитории, играет на несоответствиях, преувеличениях и неожиданной смене регистров. Именно в этом столкновении с «запретным» и «неподобающим» рождается эффект – смех, который одновременно освобождает и смущает, дистанцирует от боли и заставляет на нее взглянуть прямо.

Что касается тематики черного юмора, то здесь уместно упомянуть монографию М.А. Кулинич, в которой тематическая область шуток и анекдотов классифицируется в кросс-культурном аспекте. Типология включает: статусную оценку пола; секс; пьянство; полицию; военнослужащих; общественную жизнь; курение и безуспешные попытки справиться с этой вредной привычкой. Своеобразный набор тем черного юмора, по мысли М.А. Кулинич, – это «мощный телескоп, через который просматриваются ценности общества» [3, с. 122]. Мы предлагаем расширить тематическое поле черного юмора, добавив следующие доминанты:

- 1) смерть (ритуалы, эвфемизмы, медицинский дискурс);
- 2) болезни/физическая неполноценность/психическое здоровье;
- 3) насилие/катастрофы/несчастные случаи;
- 4) социальные табу/маргинальные группы/расизм;
- 5) профессиональный цинизм (военные, полиция и т.п.);
- 6) экзистенциальная безысходность/нигилизм.

Данную разновидность юмористической коммуникации проиллюстрируем на материале фрагментов новостного сатирического сегмента ток-шоу.

Рассмотрим пример шутки из шоу «Saturday Night live». Шутка строится на намеренном нарушении максимы качества и релевантности и дополняется эффектной манерой подачи материала ведущим Колином Джостом:

Colin Jost: Warner Brothers is producing a new movie in which Superman is black. And a black Superman actually makes a lot of sense when you remember that Superman was abandoned by his parents as a baby. In this version black Superman's cryptonite is an honest day's work [7].

Говорящий заявляет: «В новой версии Чёрный Супермен, а его криптонит – честный рабочий день». Формально это псевдофакт о вымышленном мире; буквально он ложен и не обоснован и опирается на этнический стереотип. Комический эффект для аудитории, разделяющей код, возникает через распознавание намеренного нарушения правды. В данном фрагменте комизм возникает за счёт демонстративного пренебрежения максимой качества: говорящий высказывает заведомо недостоверное утверждение, тем самым побуждая аудиторию вычислить импликацию шутки; одновременно нарушается ожидаемая релевантность темы и частично максима способа выражения, что усиливает эффект неожиданности.

В продолжение темы ведущий шутит следующим образом:

Colin Jost: Black Superman will be referred to as the man of steel, spelled steal [7].

Здесь наблюдается нарушение максимы релевантности: исходная формула прозвища – «Man of Steel» – общеизвестна и нейтральна. Перекодировка в *steal* (красть) добавляет негативную ассоциацию. Кажущаяся нерелевантность орфографии побуждает аудиторию искать подтекст: комический «твист» строится на омофонии *steel/steal*.

В следующем примере нарушается максима качества:

Colin Jost: An obese monkey in Thailand has been sent to a special facility to lose weight. Officials realized the monkey was overweight when a bunch of black guys kept hitting on it [7].

Делается заведомо неправдоподобное утверждение о методе диагностики ожирения: «Чиновники поняли, что обезьяна толстая, потому что на неё западают чернокожие мужчины». Это утверждение лишено доказательной базы и основывается на стереотипной презумпции. Нарушение максимы способа выражения в данном примере создаёт дополнительный комический эффект и вызывает смех аудитории за счет «сухой» новостной подачи и использования сленгового выражения *kept hitting on it*.

Реплика второго ведущего Майкла Че строится на повторе шаблона *Я продавал крэк у X – теперь продаю крэк у Y*, где X=Bronx Zoo, Y=American Girl:

Michael Che: *When Colin discovered me, I was selling crack outside the Bronx Zoo. And now look at me selling crack outside the American Girl doll store [7].*

Комизм состоит в том, что рост карьеры оказывается мнимым: меняется лишь фон (более уважаемое место), а порок/деяние остаётся прежним. Это ироническая *success story* с нулевым прогрессом. Нарушена максима качества (*говори правду; не шути*). Нарочитая неправдоподобность признания *продавал крэк* в эфире – является сознательным фиктивным признанием, маркированным жанром ток-шоу. Нарушение качества транслирует зрителям следующее: это гипербола, а не документальное признание.

Обратимся к примерам из другого ток-шоу «Conan O'Brien TV show». В следующем примере юмористический эффект строится на нарушении максимы количества (в сторону недостаточности информации):

Conan O'Brien: *Now, are you gonna be a charitable person now? And maybe you were before, but you think you're gonna try and help the people around you?*

Dave Chappelle: *Well, since I've joined the Republican party, no. I'm not [4].*

Основными принципами республиканской партии являются снижение государственных расходов на медицину, образование и социальные пособия. Иными словами, партия не помогает бездомным. Гость шоу не раскрывает сути курса партии, считая, что этим все сказано.

«The Last Leg» – британское ночное ток-шоу Адама Хиллса, которое выходит на Channel 4 с 2012 г. Изначально ток-шоу занималось обзором Паралимпийских игр 2012 г., но со временем оно стало еженедельной передачей, предлагающей юмористический альтернативный обзор событий недели:

Adam Hills: *You want us to talk about this week, yes, it's the Tangerine tyrant, the Mandarin musolini, the apricot autocrat, it's Donald Trump. This week saw his second inauguration and is as always the case it was bizarre. So we're going to start with Milani's hat, so I thought it was a deliberate thing that they put on her so she couldn't see, so she couldn't get startled, you know, like when you put blinkers on a horse. So I think Donald's probably so worried about her bolting [8].*

В этом фрагменте ведущий опирается на цепочку эпитетов, гипербол и зоометафору о шорах для Мелании. Гипербола *second inauguration* подаётся как факт, хотя это вымышленное утверждение, продуцирующее сатирический эффект (нарушение максимы качества). Сознательное отступление от правдивости ради комического эффекта проиллюстрировано эпитетами (*tangerine tyrant, mandarin Mussolini, apricot autocrat*). Присутствует также нарушение максимы релевантности: 1) смена фокуса, намеренный отход от центральной релевантной темы к периферийной: от крупной политической темы к описанию мелкой детали гардероба; 2) использование зоометафоры (лошадь, шоры), тематическое смещение дискурса в сферу животноводства, чтобы прокомментировать отношения пары, а не саму инаугурацию. Явные нарушения максим дают сигнал, что это шутка, и можно принимать невозможное как возможное в игровом режиме.

В следующем примере мы наблюдаем нарушение сразу нескольких максим (качества, количества, способа выражения):

Adam Hills: Elon Musk made “Roman salute”, some people claim that was a “Roman salute” or maybe that Musk was unaware of what he was doing. But when you consider that this is a guy who said the “Far right (AfD) is a Germany’s Only Hope”, who’s obsessed with genetics and whose own grandfather is said to have moved to South Africa because he agreed with the ideals of apartheid, you’ve got to say: if it honks like a goose, and steps like a goose, it’s probably goose stepping [8].

Комик выстраивает инкриминирующую цепочку из косвенных, спорных или неполных предпосылок (жест «римское приветствие» vs другое прочтение; прошлые высказывания; интерес к генетике; семейная история) и делает вывод о намерениях и идеологии. Создается саркастическая импликатура: «Это не совпадение, а закономерность». Гиперболизация и метафора *goose stepping* намекают на крайне негативную коннотацию, не предъявляя прямых доказательств. Отбор фактов селективен, подается только материал, который поддерживает нужное прочтение шутки; контекст и нюансы опущены. Используется эвфемизм *Roman salute*, затем каламбурная метафора *if it honks... it’s probably goose stepping*. Кодовая шутка подменяет прямое обвинение.

Проведенный анализ показывает, что реальная речевая практика демонстрирует систематическое нарушение принципов коммуникации Г. Грайса, особенно в контексте юмористического взаимодействия. Ведущие и гости ток-шоу системно нарушают максимы качества, количества, релевантности и способа выражения: селективно подбираются факты, вольно соединяются слабосвязанные элементы, прямые обвинения скрываются за метафорами, эпитетами и эвфемизмами и гиперболизируют причинно-следственные связи.

Список литературы

1. Власян Г.Р. Проблема соблюдения Принципа Кооперации в английском разговорном диалоге // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 5. С. 289–296.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 216–234.
3. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999.
4. Conan O’Brien [Видеозапись] / Реж. А. Каргун. NBC. США, 2020 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7CfYpZCHJQw&t=376s> (дата обращения: 12.10.2025).
5. Cutting J. Pragmatics and Discourse. London, New York: Routledge, 2002.
6. Roget’s Superthesaurus / by M. McCutcheon. 2-nd ed. Writer’s Digest Books. 8. Cincinnati, Ohio. 1998.
7. Saturday Night Live: Season 46 [Видеозапись] / Реж. Д.Р. Кинг. SNL Studios. США, 2021 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=r7drK5-sMns> (дата обращения: 12.10.2025).
8. The Last Leg [Видеозапись] / Реж. Т. Бейкер. Channel 4. Великобритания, 2025 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tY5CRniTcIc> (дата обращения: 12.10.2025).

* * *

1. Vlasyan G.R. Problema soblyudeniya Principa Kooperacii v anglijskom razgovornom dialoge // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2011. № 5. S. 289–296.
2. Grajs G.P. Logika i rechevoe obshchenie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Lingvisticheskaya pragmatika. Vyp. 16. M.: Progress, 1985. S. 216–234.
3. Kulnich M.A. Lingvokul’turologiya yumora (na materiale anglijskogo yazyka). Samara: Izd-vo SamGPU, 1999.

The peculiarities of black humour in English talk shows

The peculiarities of black humour in the videoverbal texts of English satirical talk shows are analyzed. The cooperative principle by Herbert Paul Grice is considered with the emphasis on the mechanisms of violations of quantity and quality maxims, the relevance and the way of expression and their role in the creation of the comic effect. It is stated that the conscious violation of maxims systematically marks the "game mode" of interpretation and activates implicature. The pragmatic mechanisms of humour in intercultural communication are specified.

Keywords: cooperative principle, Herbert Paul Grice, maxim, talk show, dark humour.

(Статья поступила в редакцию 12.12.2025).

ЧЖАО ШУТИН
Волгоград

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ПЕРЦЕПТИВНО-ОБРАЗНОЙ
СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «СВАХА»**

Исследованы прецедентные феномены в перцептивно-образной составляющей лингвокультурного типажа «свахы» в китайской и русской лингвокультурах. В центре внимания – анализ и сравнение ключевых прецедентных имён (Юэлао, Хуннян, Ван По / Фекла Ивановна, Бабариха) и прецедентной ситуации «сватовство» в русском и китайском языках. Установлено, что лингвокультурный типаж «свахы» в китайском и русском языках един в своей прецедентной природе, но обладает ярко выраженной этнокультурной спецификой.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, языковая личность, сваха, прецедентные феномены, прецедентное имя, прецедентная ситуация, китайский язык, русский язык.

В последние десятилетия в лингвистике активизировался интерес к изучению языковой личности. Одним из ключевых понятий в этой области выступает лингвокультурный типаж, который представляет собой типизированную личность определённой этнической и социальной группы, характеризующуюся совокупностью специфических особенностей вербального и невербального поведения [8, с. 245]. В рамках настоящего исследования рассматривается лингвокультурный типаж «свахы». Данная языковая личность играет значимую роль как в китайском, так и в российском обществах, выступая своеобразным социальным и культурным символом.

Прецедентные феномены определяются как единицы дискурса, регулярно воспроизводимые в речи, известные большинству представителей национального лингвокультурного сообщества и обладающие общим минимизированным коннотативно окрашенным инвариантом восприятия, что делает их понятными без дополнительных пояснений [7, с. 20]. К прецедентным феноменам Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко и Д.В. Багаева относят прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное высказывание и прецедентное имя [4, 6]. Эти феномены занимают важное место в структуре языковой личности, реализуются в её дискурсе и отражают особенности как индивидуальной, так и коллективной картин мира [7, с. 21].

Лингвокультурный типаж также может быть рассмотрен в качестве прецедентного феномена, поскольку он рекуррентен в социуме, широко узнаваем и содержит устойчивые социальные символы [8, с. 248]. Прецедентность является релевантным признаком лингвокультурного типажа, т.к. и сам типаж в целом, и его узнаваемые характеристики могут быть отнесены к прецедентным феноменам [8, с. 246]. Таким образом, соотношение прецедентности и лингвокультурного типажа носит двусторонний характер. С одной стороны, лингвокультурный типаж сам по себе является сложным, комплексным прецедентным феноменом, узнаваемым в рамках данной культуры. С другой стороны, его перцептивно-образная составляющая конструируется и актуализируется через более частные прецедентные феномены – имена, ситуации, высказывания и тексты. Именно через обращение к этим феноменам в коммуникации происходит мгновенное узнавание и интерпретация типажа, что подтверждает его укорененность в коллективном культурном пространстве и его статус действенного элемента языкового сознания.

О.А. Дмитриева в своих работах предлагает следующую структуру лингвокультурного типажа: 1) характеристика социально-исторических условий его формирования; 2) перцептивно-образное представление («Паспорт лингвокультурных типажей»); 3) понятийные характеристики; 4) ценностные признаки [2, с. 4]. Перцептивно-образная составляющая фиксирует языковое воплощение типажа в дискурсе, которое может отражать его ценностные свойства [3, с. 71].

Для анализа перцептивно-образной составляющей типажа «сваха» целесообразно обратиться к прецедентным именам и прецедентной ситуации.

Прецедентное имя – это наиболее часто цитируемое имя, ассоциируемое с лингвокультурным типажом в различных контекстах [3, с. 72]. Критериями отбора прецедентных имен для лингвокультурного типажа «сваха» в китайском языке послужили их частотность в классических художественных текстах, укорененность в паремиологическом фонде (поговорах) и активное использование в современных медийных контекстах. На этом основании прочную ассоциативную связь со словом *сваха* демонстрируют имя 月老 (Юэлао) – ‘подлунный старец’, 红娘 (Хуннян) и модель фамилия + 婆 (фамилия + По).

1. Имя Юэлао принадлежит герою романа Ли Фуяня эпохи династии Тан «续玄怪录·定婚店» («Продолжение истории о привидениях: Магазин помолвок»). В произведении повествуется о встрече Вэй Гу со стариком под луной (Юэлао), который, просматривая брачную книгу, открывает ему его брачный жребий. Эта легенда положила начало образу Юэлао – даосского божества брака, которое традиционно изображается в виде добродушного старца с длинной белой бородой и румяным лицом, держащего в одной руке брачную книгу, а в другой – трость. Связывая красной нитью сердца предначиненных друг другу мужчин и женщин, Юэлао стал объектом почитания для тех, кто ищет супружеского счастья.

2. Имя Хуннян появилось в рассказе Юань Чжэня «崔莺莺传» («История Цуй Инъин») эпохи Тан, а в качестве антономазии для слова «сваха» впервые использовано в драме Ван Шифу «西厢记» («Западный флигель») династии Юань. Будучи служанкой

Цуй Инъин, Хуннян способствует счастливому браку своей госпожи и Чжан Шэна. Искренняя благодарность Чжан Шэна за помощь в сватовстве отражена в тексте: 小生久后多以金帛拜酬小娘子 (*В будущем я непременно отблагодарю вас, сударыня, золотом и шелками*) [9]. Образ умной и находчивой Хуннян глубоко укоренился в сознании зрителей и читателей, что и привело к превращению её имени в нарицательное обозначение свахи. 30 октября 1982 г. тайваньская телекомпания запустила первое в истории острова телевизионное шоу знакомств – «我爱红娘» («Я люблю Хуннян»). Вступительная фраза каждой программы 我爱红娘, 红娘爱我, 为您搭起友谊的桥梁! (*Я люблю Хуннян, Хуннян любит меня, она строит для вас мост дружбы!*) построена на стилистическом приёме рифмовки, обыгрывающем схожесть звучания иероглифов 娘 (*niáng*) и 梁 (*liáng*).

3. В китайской традиции также устойчивой является модель именования *фамилия + По*, где *По* (婆) означает ‘пожилая женщина’. Наиболее репрезентативным прецедентным именем выступает 王婆 (*Ван По*) – ‘старая Ван’. В романе «水浒传» («Речные заводи») Ван По, содержательница чайной, выступает в роли свахи, способствующей связи Пань Цзиньянь и Симынь Цина. Её образ – хитрой, болтливой и нечистоплотной посредницы – стал нарицательным. В романе «金瓶梅» («Цветы сливы в золотой вазе») этот персонаж вновь появляется как профессиональная сваха, манипулирующая людьми ради корысти. Устойчивость данного культурного знака подтверждается, в частности, пословицей: 王婆卖瓜, 自卖自夸 (*Старуха Ван продаёт дыни – сама хвалит свой товар*) [10], которая иронически описывает поведение чрезмерно рекламирующих свою продукцию торговцев. Таким образом, 王婆 (*Ван По*) является классическим примером прецедентного имени.

В русском языке устойчивые ассоциации со словом *сваха* вызывают имена *Фекла Ивановна* и *Бабариха*.

1. Сваха Фекла Ивановна – персонаж комедии Н.В. Гоголя «Женитьба». Это профессиональная посредница, занимающаяся устройством брака между Иваном Подколёсиным и Агафьей Тихоновной. Её характеризуют ловкость, хитрость и житейская мудрость. Образ Феклы Ивановны является собирательным портретом свех XIX в., для которых устройство браков было источником дохода.

2. Сватья баба Бабариха – героиня «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина, получившая широкую известность и благодаря одноимённой опере Н.А. Римского-Корсакова. Она – главная интриганка, которая вместе с Поварихой и Ткачихой стремится разлучить царя Салтана с его женой и сыном Гвидоном. Бабариха воплощает тип злой и коварной старухи, разрушительницы чужого счастья.

Таким образом, общим для русских и китайских прецедентных имён лингвокультурного типажа «сваха» является их происхождение из произведений художественной литературы. Некоторые из них приобрели дополнительную популярность благодаря драматическим и оперным постановкам (например, *Хуннян* в Китае и *Бабариха* в России). Различие же заключается в том, что китайское имя *Юэлао* эволюционировало в мифологическое божество, ответственное за брак, что, возможно, указывает на более глубокую сакрализацию и символизацию брачных уз в традиционной китайской культуре.

Прецедентная ситуация – это типичная модель поведения лингвокультурного типажа, демонстрирующая свойственные ему паттерны и легко актуализируемая в сознании носителя языка [3, с. 72]. Для типажа «сваха» классической прецедентной ситуацией является сватовство. В традиционном древнем Китае сватовство представляло собой строго ритуализированную процедуру: 1) родители жениха направляли сваху в дом невесты для предварительных переговоров; 2) сваха узнавала имя и дату рождения невесты для астрологической проверки совместимости; 3) после получения положительного вердикта и согласия сторон следовала официальная помолвка, опять же при посред-

ничестве свахи. Значимость её роли отражена в пословице: 天上无云不下雨, 地上无媒不成婚 (*Без туч на небе нет дождя, без свахи на земле нет брака*) [10].

Свахи играли ключевую роль и в русской традиции. Как отмечает А.Б. Григорьева, русская свадьба всегда начиналась со сватовства. Сакральность брачного союза обусловила включение в обряд сакральных персон: сватов, крёстных отцов и матерей [1, с. 18], причём центральной фигурой среди сватов часто выступала именно сваха [1, с. 19]. Важность её выбора подчёркивается пословицей *Выбирай не невесту, а сваху* [5, с. 272].

В русской традиционной культуре каждый этап сватовства был регламентирован и сопровождался определёнными речевыми формулами: 1) в дом невесты засылали сваху и свата просить разрешения на визит жениха с родителями; 2) войдя в дом, сваты начинали разговоры на отвлечённые темы, грели руки у печи, и лишь затем переходили к цели визита, используя иносказания: *Ищем телочку (овечку), не заблудилась ли?, Хотим купить телочку, У вас товар, у нас купец*; 3) при благоприятном исходе родители невесты и сваха трижды обходили стол, крестились на иконы и договаривались о смотринах, также используя фольклорные формулы, например, *Вы видели сокола, покажите ж нам сизу голубку* (в основе сравнения жениха и невесты с птицами лежит соответствующий гештальт); 4) завершался процесс сговором, на котором обсуждались расходы, приданое и другие условия [5, с. 272–275].

Таким образом, традиционная прецедентная ситуация «сватовство» демонстрирует как сходство, так и различие русской и китайской культур. Сходство заключается в фундаментальной роли свахи как центральной фигуры строго ритуализированного процесса. Различие состоит в культурной логике ритуала: в Китае действия свахи были направлены на проверку «небесной воли» через астрологическую совместимость, тогда как в России ритуал представлял собой театрализованное действие, построенное на метафорах и символах.

С течением времени роль свах в заключении браков как в Китае, так и в России ослабла, особенно в городской среде. Одновременно формы сватовства стали более разнообразными, интегрировавшись в современные медийные форматы. В Китае имя 王婆 (*Ван По*), как укоренившийся культурный знак, обрело новую жизнь. В марте 2024 г. в г. Кайфэн появилось офлайн-шоу сватовства «王婆说媒» («Сватовство от Старухи Ван»), ставшее популярным. Шоу, проходящее в формате импровизации или живого спектакля, предусматривает зоны для женихов, невест и зрителей; участники передают свои данные Старухе Ван, которая проводит 匹配 (*подбор пары*) прямо на сцене. Параллельно с этим существуют многочисленные профессиональные онлайн-платформы знакомств, где функции свахи выполняют модераторы, организующие встречи и подбирающие пары на основе анкетных данных.

В России существуют аналогичные телевизионные шоу – «Сваха» на Пятом канале и «Давай поженимся» на Первом канале. Проекты помогают одиноким людям найти пару, а их формат имитирует работу реального брачного агентства, перенесённого на экран.

Следовательно, современная китайская и русская прецедентная ситуация «сватовство» включает в себя следующие ключевые элементы: сбор и анализ информации, её передачу участникам и коммуникативную деятельность посредника-свахи.

Подведем итоги.

Лингвокультурный типаж «сваха» представляет собой сложный комплекс прецедентных феноменов. Моделирование его перцептивно-образной составляющей через анализ прецедентных имён и прецедентных ситуаций выявляет в китайской и русской лингвокультурах как общие черты, так и существенные различия. К общим чертам относятся: 1) происхождение ключевых прецедентных имён из произведений художественной литературы; 2) центральная роль свахи в ритуализированной процедуре сватовства; 3) трансформация прецедентной ситуации «сватовство» и её адаптация к современным

медийным условиям. Основное различие заключается в фундаментальной логике традиционного ритуала: китайское сватовство было нацелено на проверку «небесной воли» через астрологическую совместимость, в то время как русское представляло собой театрализованное действо, построенное на фольклорных метафорах и символах. Способность традиционных функций свахи интегрироваться в новые медийные форматы подтверждает устойчивость данного лингвокультурного типажа и его способность к эволюции при сохранении базовых характеристик.

Список литературы

1. Григорьева А.Б. Локальные особенности драматургии свадьбы Среднего Притоболья и Приисетья // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 17–26.
2. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в.: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Волгоград, 2007.
3. Дмитриева О.А., Мурзинова И. А. Теория лингвокультурных типажей: Учеб. пособие, 4-е изд. Екатеринбург: Издательские решения, 2024.
4. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 1. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 82–103.
5. Колкова Н.А. Гештальты и фреймы сватовства в русской фразеологии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 1. С. 268–277.
6. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык сознание коммуникация / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 2. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 5–12.
7. Назарова Р.З. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 2. С. 17–23.
8. Чжан Ш. Прецедентные феномены в структуре лингвокультурного типажа «суеверный человек» // Казанская наука. 2024. № 1. С. 245–248.
9. 王实甫. 西厢记. 西安: 三秦出版社, 2020. 188页.
10. 温端政. 常用谚语辞典. 上海: 上海辞书出版社, 2014.

* * *

1. Grigor'eva A.B. Lokal'nye osobennosti dramaturgii svad'by Srednego Pritobol'ya i Priiset'ya // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2018. № 3. S. 17–26.
2. Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Francii XIX v.: avtoref. ... dis. d-ra filol. nauk. Volgograd, 2007.
3. Dmitrieva O.A., Murzinova I. A. Teoriya lingvokul'turnyh tipazhej: Ucheb. posobie, 4-e izd. Ekaterinburg: Izdatel'skie resheniya, 2024.
4. Zaharenko I.V., Krasnyh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. Precedentnoe imya i precedentnoe vyskazyvanie kak simvol'y precedentnyh fenomenov // Yazyk, soznanie, kommunikaciya / Red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. Vyp. 1. M.: Izd-vo «Dialog-MGU», 1997. S. 82–103.
5. Kolkova N.A. Geshtal'ty i frejmy svatovstva v russkoj frazeologii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. № 1. S. 268–277.
6. Krasnyh V.V. Sistema precedentnyh fenomenov v kontekste sovremennyh issledovaniy // Yazyk soznanie kommunikaciya / Otv. red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. Vyp. 2. M.: Izd-vo «Dialog-MGU», 1997. S. 5–12.
7. Nazarova R.Z. Precedentnye fenomeny: problemy definicii i klassifikacii precedentnyh fenomenov // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2015. T. 15. № 2. S. 17–23.
8. Chzhan Sh. Precedentnye fenomeny v strukture lingvokul'turnogo tipazha «suevernyj chelovek» // Kazanskaya nauka. 2024. № 1. S. 245–248.

***The precedent phenomena in the perceptual-figurative component
of the linguocultural character type “matchmaker”***

The precedent phenomena in the perceptual-figurative component of the linguocultural character type “matchmaker” in the Chinese and Russian linguistic cultures are studied. The study is focused on the analysis and comparison of the key precedent names (Yuelao, Hongniang, Wang Po/ Fekla Ivanovna and Babarikha) and the precedent situation of “match-making” in the Russian and Chinese languages. It is stated that the linguocultural character type “matchmaker” in the Chinese and Russian languages is united in its precedent nature but it has clearly expressed ethnocultural specificity.

Keywords: *linguocultural character type, matchmaker, precedent phenomena, precedent name, precedent situation, Chinese, Russian.*

(Статья поступила в редакцию 25.11.2025).

А.А. ХАНОВА

Волгоград

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ
О ШЕЛКОВОМ ПУТИ**

Рассматривается понятие precedentных феноменов и их функционирование в исторических нарративах о Великом шелковом пути. Определяется роль precedentных текстов и precedentных имен в формировании интертекстуальных связей и смысловой организации исторического повествования о Шелковом пути. Precedентность рассматривается как механизм сохранения и переосмысления исторического опыта, обеспечивающий связь между прошлым и современностью.

Ключевые слова: *precedентность, precedentные феномены, precedentные имена, исторический нарратив, Шелковый путь.*

В современной лингвистике теория precedentности важна для понимания особенностей функционирования в устной и письменной речи языковых единиц, связанных с культурным опытом носителей языка.

Предметом нашего исследования являются precedentные феномены – слова, выражения, имена и тексты, отличающиеся повышенной узнаваемостью. По мнению И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, Д.В. Багаевой [3], к числу precedentных феноменов относятся precedentные тексты, precedentные ситуации, precedentные высказывания и precedentные имена. В структуре исторических нарративов precedentность выступает как основной инструмент реализации интертекстуальных связей, позволяющий

обнаружить тексты и культурные источники, обладающие особой значимостью в общественном сознании и выполняющие функцию смысловых ориентиров при интерпретации прошлого. Она позволяет выявить те культурные первоисточники и тексты, которые глубоко укоренены в коллективном сознании и служат критериями для осмысления исторического опыта. Ее роль в организации и понимании исторических нарративов обусловлена тем, что сами исторические повествования направлены на сохранение, актуализацию и переосмысление коллективного опыта.

При таком подходе особенно важным становится понятие прецедентных текстов. В отечественной лингвистике системное изучение прецедентных феноменов связывают прежде всего с работами Ю.Н. Караулова. Понятие *прецедентный текст* ученый впервые представил в своем труде «Русский язык и языковая личность» [5]. Прецедентными он назвал тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [5, с. 216]. Ю.Е. Прохоров продолжил развитие данной мысли, подчеркивая, что употребление прецедентных текстов связано с «системой знаний о мире и образах мира, которые реализуются в данной этнокультуре» [8].

Г.Г. Слышкин уточняет понимание прецедентных текстов. Он полагает, что бывают прецедентные тексты, актуальные лишь для ограниченного круга лиц, или те, что приобретают такой статус ненадолго. Ученый расширяет понятие прецедентного текста, включая в него такие элементы, как внутритекстовые аллюзии, фразеологизмы, пословицы и поговорки [9, с. 28]. В исследованиях В.В. Красных прецедентные феномены определяются как особые когнитивные структуры, хранимые в коллективном и/или индивидуальном сознании носителей определенной лингвокультуры, которые актуализируются в процессе коммуникации и служат точками отсчета, эталонами или образцами при осмыслении и интерпретации мира [6]. Они представляют собой культурно значимые вербальные и невербальные знаки, известные большинству представителей данного социума. Эти феномены играют ключевую роль в формировании коллективной памяти, межкультурной коммуникации и обуславливают глубину понимания культурных кодов в рамках определенного языкового сообщества.

В применении к историческому нарративу о Шелковом пути это означает, что определенные образы, события или идеи, связанные с Шелковым путем, играют роль культурных якорей, которые повторяются в источниках и используются как опорные структуры для объяснения исторического процесса. В китайской традиции термин *«сичоу-лу»* (丝绸之路 – *sīchóu zhī lù* ‘шелковый путь’) закрепился как прецедентный образ взаимодействия культур и цивилизаций, глубоко укоренившийся в историографическом дискурсе XX в. В китайской историографической традиции Шелковый путь выступает как символ «культурной экспансии» и «мост между цивилизациями». Это пример прецедентного феномена, который используется не только в академических, но и в общественно-политических дискурсах.

К прецедентным феноменам мы относим имена исторических личностей и топонимы, которые были частью Шелкового пути. В исторических нарративах о Шелковом пути прецедентные имена представлены именами персоналий, чьи биографии становятся символами эпохи и культурных связей. Анализ нашего материала позволил выявить, что к таким именам относятся: Чжан Цянь, Марко Поло, Хань У-ди, Чингисхан, Тамерлан, Сюань-цзан, Конфуций.

Рассмотрим примеры прецедентных имен. На первых страницах книги М. Пиотровского «Тайны Шелкового пути. Беседы о восточной коллекции Эрмитажа» мы находим упоминание о Чжан Цяне, китайском дипломате и путешественнике:

Его звали Чжан Цянь. Он был отважным воином, ловким дипломатом, хитрым купцом, очень умным человеком. Император Хань У-ди в 138 году до нашей эры доверил Чжану секретное поручение: разузнать подробно, но осторожно о планах кочевников, об их жизни, привычках... Чжан Цянь отправился на разведку. Прошло 13 лет – он много странствовал, видел разные страны и города, долго томился в плену – наконец, добрался до Поднебесной, вернулся домой... Император встретил его ласково – они долго беседовали. Чжан Цянь предложил своему повелителю дерзкий план: зачем воевать, если можно торговать... есть дорога, которая соединит Поднебесную с Западным краем, и дорога эта принесет много богатств и, как знать, может быть, – власть над миром [7, с. 13].

Прецедентные имена в отрывке задают историческую рамку и придают авторитетность повествованию. Чжан Цянь – историческая личность, имя которой закреплено в культурной традиции как имя дипломата-разведчика и первооткрывателя западных маршрутов при династии Хань. Упоминание его имени активизирует знания о ранних контактах Китая с Центральной Азией. Его отчеты о западных странах предоставили китайскому двору ценные сведения о географии, экономике и политической ситуации в Средней Азии. Именно благодаря его миссиям были установлены регулярные дипломатические и торговые контакты, которые впоследствии стали основой сухопутного маршрута, известного как Великий Шелковый путь. Его деятельность описана в историческом труде Ши цзи («Исторические записки») историка Сыма Цяня [10].

Хань У-ди – еще один из достаточно значимых прецедентных антропонимов: он маркирует эпоху укрепления империи Хань и ее экспансии на Запад. Прецедентные феномены в отрывке выполняют одновременно несколько задач: закрепляют историческую достоверность (имена, даты), экономят объяснения за счет «узнаваемости» (Поднебесная, Западный край), усиливают оценочность и выразительность текста, обращаясь к коллективной памяти читателей.

Следующий пример отсылает нас к итальянскому путешественнику XIII в., автору знаменитой «Книги о разнообразии мира» – Марко Поло, чье имя стало символом европейского открытия Востока через Шелковый путь. Второе прецедентное имя – Кублайхан – монгольский хан, который правил в эпоху расцвета Шелкового пути. В тексте И. Кальвино читателю предлагается ситуация взаимодействия этих исторических персонажей, чьи социальные роли обозначены без дополнительных пояснений. Это проявляется, в частности, в следующем эпизоде:

Нет, Кублай-хан не верит тотчас же всему, что Марко Поло говорит о городах, где побывал он с ханской миссией, но, без сомнения, татарский император вновь и вновь склоняет слух свой к молодому этому венецианцу с большим любопытством и вниманием, нежели к иным своим посланцам и дозорным [4, с. 1].

Рассмотрим следующий отрывок, рассказывающий о Сюань-цзане (602–664 гг.), знаменитом китайском буддийском монахе, философе, который известен своим семнадцатилетним путешествием в Индию, где он учился и общался со знаменитыми буддийскими мастерами, в частности в монастыре Наланда, и путевыми заметками «Путешествие в Западный край во времена Великой Тан». Ему пришлось пересечь границу и пройти несколько городов, таких как Гаочан (Турфан), который был важным пунктом на Центральной ветви Шелкового пути и служил политическим центром восточной области Западных территорий и важным пунктом на Шелковом пути:

在唐王朝建立后不久，唐三藏便起身赴印度取经。但此时的丝路大部分控制在突厥手中，唐朝禁止出国旅行。公元627年(一说629年)唐三藏还是悄悄地从长安出发，越过边关，沿河西走廊途径伊吾(哈密)，高昌(吐鲁番)向西边进发...[12]. (После образования династии Тан, Сюань-цзан отправился в Индию. В то время Шелковым путем управляли тюрки, и династия Тан запретила заграничные поездки. В 627 году н.э. (другие говорят – в 629 году) Сюань-цзан незаметно пересек границу Чанъаня, пересек коридор Хэси и уезд Атурюк (Хами), Гаочан (Турфан) и отправился на Запад... – Перевод

наш. – А. Х.). Путевые заметки были написаны Сюань-цзаном в контексте политического и культурного пространства империи Тан (618–907), столицей которой был Чанъань – крупнейший административный и интеллектуальный центр Восточной Азии VII в. Именно из Чанъаня начинались и символически осмыслялись контакты Китая с Западным краем. Ключевую роль в этом взаимодействии играл коридор Хэси – стратегически важная территория, соединявшая внутренние районы Китая с Центральной Азией и обеспечивавшая функционирование сухопутных маршрутов Шелкового пути. Важными опорными пунктами на данном направлении были пограничные и оазисные центры – уезд Иу (Атурюк, совр. Хами) и Гаочан (совр. Турфан) [11, с. 35], которые во времена династии Тан выступали не только как административные единицы, но и как культурные посредники между китайской и центральноазиатской традициями. Понимание их статуса и функций является необходимым условием корректной интерпретации исторического нарратива Сюань-цзана, сочинение которого содержит сведения о географии, климате, политическом устройстве, экономике, религии и культуре регионов, через которые пролегал маршрут, и является одним из важнейших источников по истории Центральной Азии и Индии VII в. Значение данного текста подтверждается, в частности, исследованием Н.В. Александровой «Путь и текст: китайские паломники в Индии», где анализируются сочинения Фа-сяня и Сюань-цзана, раскрывается их текстовая структура, мифологические элементы и специфика восприятия индийской традиции китайскими авторами, а также демонстрируется потенциал китайских источников для изучения буддийской мифологии и ее архаических оснований [2].

Рассмотрим еще несколько важных топонимов из книги записок Сюань-цзана: *Перейдя через горы, Сюань-цзан вновь попадает на территории Синьцзяна и движется через районы Яркенда и Кашгара, желая на обратном пути посетить буддийский Хотан* [11, с. 13]. Данный маршрут через упомянутые места повторял путь бесчисленных торговых караванов. Эти города были не просто «местами на карте», а жизненно важными артериями и нервными узлами, без которых функционирование южной ветви трансконтинентальной торговой сети было бы невозможно. Так, Хотан был подробно описан автором из-за его святынь, монастырей и знаменитых находок буддийских реликвий. Кашгар и Яркенд также имели значительные буддийские общины, монастыри и ступы, что отмечается в записках китайских паломников. Другим примером важного исторического нарратива, содержащего прецедентные феномены, является один из четырех классических китайских романов «Путешествие на Запад» У Ченьэня, рассказывающий о приключениях монаха Сюань-цзана и его спутников, которые отправились на поиск истины. Произведение, написанное в XVI в., все еще продолжает оставаться популярным среди китайских и иностранных читателей. Несмотря на то, что само путешествие имеет мало общего с реальным паломничеством монаха Сюань-цзана в VII в., народные легенды и предания позволили создать уникальное произведение [1]. Интертекстуальные элементы делают текст более выразительным и способствуют установлению контакта автора с аудиторией, вызывая ее интерес. Роман соотносится с феноменом Великого шелкового пути как ключевого пространства межкультурного взаимодействия Евразии. Хотя художественное повествование существенно отходит от реального паломничества монаха Сюань-цзана VII в., само направление движения героев – из Китая в Индию – воспроизводит сакрально осмысленный маршрут, совпадающий с основными векторами сухопутных ответвлений Шелкового пути. В данном контексте «Запад» выступает не столько географическим, сколько культурно-цивилизационным понятием, маркирующим пространство духовного знания, иного религиозного опыта и философской традиции. Великий шелковый путь проявляется как интертекстуальный и символический фон, на котором разворачивается сюжет: путь героев становится метафорой культурного обмена, трансляции идей и религиозных концептов, прежде всего буддизма, проникшего в Китай именно по торгово-паломническим маршрутам Центральной Азии. Ин-

тертекстуальные элементы произведения – от буддийских сутр и даосских трактатов до фольклорных мотивов и исторических аллюзий – усиливают эффект культурной полифонии, характерной для пространств Шелкового пути. Таким образом, роман не только отражает коллективную память о реальных исторических контактах Китая с «Западом», но и художественно переосмысливает их, создавая универсальную модель пути как духовного испытания и формы познания мира. В этом заключается его устойчивая связь с идеей Великого шелкового пути как канала не только экономического, но прежде всего культурного и цивилизационного взаимодействия [1].

На основании проведенного нами анализа можно утверждать, что использование прецедентных текстов и имен в исторических нарративах о Великом шелковом пути помогает связывать прошлое с современностью. Они выступают хранителями общего культурного опыта, позволяя читателям глубже понимать исторический контекст. Благодаря общим знаниям автора и аудитории, такие тексты создают единое смысловое поле, где исторические события воспринимаются не просто как хроника, а как живая часть культурного наследия. Таким образом, прецедентные феномены становятся важными инструментами передачи коллективной памяти.

Список литературы

1. Аксенова Е.П., Чарчоглян А.С. Китайская классическая литература в контексте межкультурной коммуникации // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. № 86. С. 15–21.
2. Александрова Н.В. Путь и текст: китайские паломники в Индии. М.: Вост. лит., 2008.
3. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 82–103
4. Кальвино И. Невидимые города. СПб.: Симпозиум, 2001.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: URSS, 2010.
6. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. М.: Филология, 1997. С. 5–12.
7. Пиотровский М.Б., Кленская И. Тайны Шелкового пути. Беседы о восточной коллекции Эрмитажа. М.: Бомбора, 2025.
8. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
9. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: Монография. М.: Academia, 2000.
10. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит., коммент. Р.В. Вяткина. М.: Восточная литература, 1972–2010.
11. Сюань-цзан. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи) / Введ., пер. и коммент. Н.В. Александровой; Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2012.
12. 百度百科 // Baidu Baike. URL: <https://baike.baidu.com/> (дата обращения: 12.02.2025).

* * *

1. Aksenova E.P., Charchoglyan A.S. Kitajskaya klassicheskaya literatura v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2019. № 86. S. 15–21.
2. Aleksandrova N.V. Put' i tekst: kitajskie palomniki v Indii. M.: Vost. lit., 2008.
3. Zaharenko I.V., Krasnyh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. Precedentnoe vyskazyvanie i precedentnoe imya kak simvolyy precedentnyh fenomenov // Yazyk, soznanie, kommunikaciya. M.: Dialog-MGU, 1997. S. 82–103
4. Kal'vino I. Nevidimye goroda. SPb.: Simpozium, 2001.
5. Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. 7-e izd. M.: URSS, 2010.
6. Krasnyh V.V. Sistema precedentnyh fenomenov v kontekste sovremennyh issledovaniy // Yazyk, soznanie, kommunikaciya: Sb. st. M.: Filologiya, 1997. S. 5–12.

7. Piotrovskij M.B., Klenskaya I. Tajny Shelkovogo puti. Besedy o vostochnoj kollekcii Ermitazha. M.: Bombora, 2025.
8. Prohorov Yu.E. Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ih rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrancev. 5-e izd. M.: Izd-vo LKI, 2008.
9. Slyshkin G.G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse: Monografiya. M.: Academia, 2000.
10. Syma Cyan'. Istoricheskie zapiski (Shi czi) / Per. s kit., komment. R.V. Vyatkina. M.: Vostochnaya literatura, 1972–2010.
11. Syuan'-czan. Zapiski o zapadnyh stranah [epohi] Velikoj Tan (Da Tan si yuj czi) / Vved., per. i komment. N.V. Aleksandrovoj; In-t vostokovedeniya RAN. M.: Vost. lit., 2012.

The precedent phenomena of historical narratives about the Silk Road

The issue of precedent phenomena and their functioning in the historical narratives about the Great Silk Road is considered. There is identified the role of precedent texts and precedent names in the development of intertextual connections and semantic organization of historical narration about the Silk Road. Precedence is considered as the mechanism of preservation and reinterpretation of historical experience, providing the connection between the past and the present time.

Keywords: precedence, precedent phenomena, precedent names, historical narrative, the Silk Road.

(Статья поступила в редакцию 24.02.2026).

Т.Ю. ВЯТКИНА
Москва

ОСОБЕННОСТИ РЕДАКТИРОВАНИЯ И ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ОФИЦИАЛЬНЫХ ПИСЕМ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Описаны лингвопрагматические маркеры вежливости в испанской деловой переписке. На основе корпусного анализа аутентичной корреспонденции систематизированы приветствия, формы обращения и заключительные формулы, а также имплицитные стратегии вежливости в тексте письма. Описано влияние социокультурных факторов и статуса адресата на выбор языковых средств. Рассмотрены нормы перевода аббревиатур и примечаний в контексте делового этикета.

Ключевые слова: *категория вежливости, этикет, деловой этикет, культура, официальная переписка.*

Актуальность статьи обусловлена масштабной переориентацией внешнеэкономического и внешнеполитического вектора Российской Федерации в сторону Глобального Юга, в рамках которой страны Латинской Америки рассматриваются как приоритетные стратегические партнеры. В условиях формирования многополярной архитек-

туры международных отношений наблюдается интенсификация трансграничного взаимодействия, основанного на взаимном признании государственного суверенитета и поиске новых форматов экономического сотрудничества. Данный геополитический контекст требует глубокого научного анализа механизмов коммуникативного сопровождения межгосударственного и межкорпоративного диалога. Особое значение в этом процессе приобретает вербальное взаимодействие, реализуемое в рамках официальной корреспонденции, которая выступает не только инструментом обмена информацией, но и значимым инструментом трансляции институционального доверия. В условиях латиноамериканской деловой культуры, характеризующейся высокой степенью контекстуальности и специфическими этикетными ожиданиями, лингвистическая грамотность и дискурсивная компетенция составителя документа становятся определяющими факторами.

Научная значимость исследования обусловлена тем, что от степени следования лингвопрагматическим нормам и адекватного использования стратегий вежливости напрямую зависит инициация и последующая динамика конструктивных деловых отношений. Несоблюдение конвенциональных форм обращения или нарушение стилистического регистра может быть интерпретировано контрагентом как индикатор коммуникативной некомпетентности, что создает риск возникновения прагматических барьеров. Таким образом, лингвистический анализ испанского делового письма приобретает характер прикладного исследования, направленного на минимизацию коммуникативных рисков и повышение эффективности российского присутствия в латиноамериканском регионе.

Рассмотрим понятие *cortesía* (вежливость) в испанском языке, культуре и деловом этикете.

Для деловой переписки на испанском языке характерна особая манера вежливого обращения к адресату, особенно если речь идет о дипломатической сфере (см.: [1; 3; 4; 5]). Помимо официального языка изложения, письма отличаются подчеркнuto обходительным тоном, что вызывает сложности при переводе на русский язык, т.к. стиль деловой корреспонденции, присущий родной речи, гораздо более сдержанный и регламентированный. В связи с этим не всегда легко подобрать аналогичные выражения на русском языке, которому свойственна меньшая степень эмоциональности, особенно в деловой переписке. В данном случае задача переводчика заключается не только в том, чтобы передать смысл обращения, но и адаптировать его под соответствующую форму на русском языке.

Хорошо известна значимость феномена вежливости в любом обществе [2]. Вежливость как явление культуры гармонизирует общение людей. Категория вежливости в испанском языке тесным образом связана с таким понятием, как *cortesía* (королевский двор), которое своими корнями уходит в Средневековье. Этикет современного общения исторически происходит от этикета придворного. Само по себе происхождение слова *corte* указывает на его аристократическое происхождение.

Заметим, что с течением столетий традиции придворного этикета определили формы вежливости и при переписке, сохранившиеся по сей день. Историческая преемственность объясняет несколько устойчивых характеристик современного испанского делового стиля письма.

Имеется определенная иерархичность, когда получатель письма представляется не абстрактным респондентом, а как носитель определенного ранга, который необходимо указывать в письме. Общению присущ некий ритуал, который строится по определенному, предсказуемому сценарию с использованием устойчивых формул, что отсылает нас к временам придворного церемониала. Стилю письма соответствует подчеркнутая демонстрация уважения к собеседнику, что является обязательным условием к содержанию письма. Разберем далее эти языковые традиции на конкретных примерах диплома-

тической и официальной корреспонденции (деловая переписка, обращения в электронных письмах) различных испаноговорящих стран.

Начнем анализ с форм обращения.

Usted (Ud. – Вы) – универсальная форма официального обращения, которая используется независимо от пола собеседника. В последние годы наблюдается тенденция к упрощению в обращении, но в традиционных отраслях (банковское дело, юриспруденция, государственные учреждения) эта форма остается обязательной.

Estimado/Estimada (Уважаемый/Уважаемая) – наиболее распространенное обращение в электронных письмах, заменяющее более формальное *Muy Señor Mío* (Глубокоуважаемый господин).

Следующая форма обращения – указание академических и профессиональных титулов (Dr., Lic., Pmo.). Их употребление высоко ценится в социуме, особенно при первом контакте общающихся. Характерные, подчеркнута вежливые фразы и выражения используются во всех частях письма: в обращении, основной части письма, в его заключительной части.

Рассмотрим вступительную часть письма – обращение.

В обращениях перед фамилией или должностью часто употребляются такие прилагательные, как *Excelentísimo* (Превосходительнейший), *Honorable* (Достопочтенный). В дипломатической переписке, для которой характерен возвышенный дух *cortesía*, значительное внимание уделяется собеседнику, адресату, что подчеркнута в обращении. Обращения обладают вариативной системой номинаций, заметным разнообразием: *Excelentísimo Señor* (Превосходительнейший господин), *Apreciado Señor* (Уважаемый господин), *Distinguido Señor* (Уважаемый господин), *Estimada Presidenta* (Уважаемая госпожа президент/председатель), *Al Honorable Señor* (Уважаемый господин), *Estimado Camarada Ministro* (Уважаемый товарищ министр), *Muy Estimado Señor* (Глубокоуважаемый господин), *Muy Señor Mío* (Глубокоуважаемый господин).

Письменный, максимально точный перевод указанных выше обращений представляется сложной задачей. В русском языке переписка сухая, она жестко регламентирована. Приведем примеры.

Как перевести обращение *muy Señor Mío*? Дорогой мой господин? Странно и нетипично для русскоязычного официального, в частности делового, общения. Важно отправить русскому чиновнику, не знающему испанского языка, перевод в такой форме, к которой он привык. Форма обращения должна соответствовать его восприятию. Конечно же, универсальное *Muy Señor Mío* и почтительное *Usted* до сих пор являются абсолютными стандартами в переписке. Однако демократизация общества, влияние глобального бизнеса и цифровая революция значительно трансформировали эти нормы и сегодня мы наблюдаем систему, где могут сосуществовать как традиционные формы обращения, характерные для банковской сферы, юриспруденции, государственных компаний, так и современные гибридные модели, соотносящиеся с IT-сектором, проектами-стартапами, с творческой деятельностью.

В связи с последней упомянутой выше моделью представляется интересным рассмотреть возможность перехода в переписке на форму *tú* (ты). К использованию данной формы часто прибегают после 2–3 деловых контактов, в частности, в отраслях, где средний возраст персонала составляет менее 40 лет. Употребление этой формы обращения возможно и при работе с международными компаниями, где корпоративная культура носит менее формальный характер.

Сигналом перехода в зону неформального или, как минимум, полуформального общения становится ситуация, когда испаноязычный коллега первым в письме использует форму *tú*. Подобные ситуации могут возникать при ведении совместных проектов сроком более одного месяца, а также при взаимодействии коллег одного уровня в творческих областях, технологических компаниях. Однако следует учитывать, что даже при

неформальном общении в письме к руководителю или лицу значительно старше часто предпочтительнее сохранить форму *Usted*. Безусловно, переходить на неформальный стиль общения в переписке следует только после соответствующего обращения со стороны испаноязычного респондента. Аналогичное, если так можно выразиться, этикетное требование относится и к общению в деловых чатах в бизнес-мессенджерах.

Если формальные обращения и заключительные формулы – это своеобразная рамка испанского делового письма, то его основная часть – это картина, которую предстоит представить адресату. В эпоху цифровой коммуникации искусство сформулировать суть сообщения, соблюдая баланс между ясностью и вежливостью, становится критически важным навыком.

Основная часть письма обычно также начинается подчеркнуто вежливо: *Tengo el agrado de dirigirme a Usted...* (Имею честь обратиться к Вам), *Me es muy grato dirigirme a Usted...* (Имею честь обратиться к Вам), *Permítame expresarle en nombre de todo el personal de la Embajada de México y en el mío propio el sincero agradecimiento por su generosa felicitación* (Позвольте от имени сотрудников Посольства Мексики и меня лично выразить Вам признательность за трогательное поздравление...), *Ante todo reciba un fraternal saludo...* (Прежде всего позвольте обратиться к Вам с братским приветом...).

Далее следует плавный вход в тему и установление связи с общим контекстом сообщения или письма. Для этого используются следующие типовые формулы: *Con referencia a nuestra conversación telefónica del [fecha]...* (На основании нашего телефонного разговора... [дата]...), *En relación con el correo electrónico que nos envió el [fecha]...* (Что касается письма, направленного нам по электронной почте [дата]...), *Siguiendo los pasos de nuestra última reunión...* (В продолжение нашей крайней встречи...), *Le escribo en nombre de [Compañía] para...* (Обращаюсь к Вам от имени [название компании] с целью...).

Затем происходит изложение фактов, просьб, предложений или решений по затрагиваемым в письме вопросам. Характерно использование сложноподчиненных предложений для логического связывания идей. Например: *...y en este sentido, nos complace adjuntarle la cotización solicitada, la cual ha sido elaborada teniendo en cuenta sus requisitos específicos* (в этой связи направляем Вам запрошенный счет, который был сформирован с учетом Ваших персональных запросов).

Для текстов переписки характерно использование позитивных формулировок даже для передачи негативных извещений: вместо *No podemos entregar antes del 15* (Мы не можем осуществить поставку до 15-го) будет использоваться *Nos aseguraremos de que la entrega se realice el día 15 en su totalidad* (Мы гарантируем, что поставка будет осуществлена 15-го числа в полном объеме). Подобный стиль изложения мотивирует русскоязычного отправителя избегать излишне резких формулировок даже в просьбах повседневного характера. Вместо использования повелительного наклонения в просьбе, например, *Envíeme el documento* (Направьте мне документ) целесообразнее прибегнуть к условному или же сослагательному наклонению типа *¿Podría enviarme...?* (Могли бы Вы отправить...?) или *Le agradecería que me enviara...* (Мы были бы признательны, если бы Вы направили...).

Заключительная часть письма представляет собой особый материал для изучения и перевода на русский язык. Приведем несколько примеров типичных фраз для завершения официального послания на испанском языке: *El Ministerio de Relaciones Exteriores aprovecha la ocasión para reiterar a la Embajada de la Federación de Rusia el testimonio de su más alta consideración*. (Министерство иностранных дел пользуется случаем, чтобы возобновить Посольству Российской Федерации уверения в своем самом высоком уважении). *En nombre de la Embajada de la República Bolivariana de Venezuela en la Federación de Rusia le reiteramos nuestra disposición de seguir ampliando y impulsando la*

cooperación con tan importante institución de este país amigo. (От имени Посольства Боливарианской Республики Венесуэла в Российской Федерации мы подтверждаем нашу готовность продолжать расширять и продвигать сотрудничество с таким важным учреждением этой дружественной страны). *Aprovecho la ocasión para reiterarle mi más alta y distinguida consideración.* (Пользуюсь случаем, чтобы возобновить Вам уверения в своем самом высоком уважении).

В Испании и Латинской Америке концовка письма – это не формальность, а важный социальный ритуал. Это ключевой момент, определяющий то, как воспримут послание в целом. В данной форме имеют место быть два важнейших принципа: *Formalidad* (официальность), представляющий собой знания о правильном выражении уважения к респонденту, знание о его статусе и правилах делового общения, и *Confianza* (доверие), представляющий собой фундаментальное понятие испанской и латиноамериканской культуры, которое гораздо глубже русской формы «доверия». Это сердце испаноязычного стиля общения. Та самая «магия», которая превращает сухие деловые связи в прочные, многолетние отношения. Именно последние строки письма определяют то, кому адресовано послание: далекому чиновнику или потенциальному деловому партнеру.

Переводчики могут столкнуться со сложностями, касающимися различий в категории вежливости испанского языка при переводе на русский в заключительной части письма. Испаноговорящие чувствуют степень уважения даже в своих официальных обращениях. Например, *cordialmente* (с уважением) считается более сдержанным, чем *con respeto* (с уважением).

Рассмотрим данный вопрос более подробно.

В испанском языке категория вежливости в заключительной части письма служит своеобразным «барометром отношений». Для официальной концовки письма характерны *Atentamente* (С уважением) и *Muy atentamente* (С глубоким уважением). Формула *Atentamente* пришла из переписки чиновников XIX в. Она создавала дистанцию между коммуникантами, что на тот момент было важно в бюрократической среде. Сегодня подобная дистанция скорее мешает деловому общению. Поэтому чаще используют более мягкие варианты. К более «теплым» вариантам окончания относятся *Un cordial saludo* (С наилучшими пожеланиями) и *Reciba un cordial saludo* (Примите мои наилучшие пожелания) как более личное обращение. В неформальном стиле чаще встречаются *Saludos* (Приветствую) и *Un saludo* (С приветом от...).

В испанской деловой культуре концовка письма – это не прощание. Это последняя возможность повлиять на собеседника. Здесь закрепляют договоренности, предлагают дальнейший контакт, показывают готовность к сотрудничеству. Умение правильно завершить письмо – такой же профессиональный навык, как умение вести переговоры. Это язык, на котором говорят об уважении к партнеру и осведомленности о принципах *formalidad* (официальности).

Говоря о переводе деловой документации, невозможно не рассмотреть нормы переводов примечаний, знаков, аббревиатур.

Любой документ, выдаваемый от лица организации, фирмы или учреждения, составляется на их фирменных бланках. Фирменный бланк содержит логотип фирмы и ее координаты: адрес, телефон, факс и др. При переводе на русский язык документа, составленного на фирменном бланке, указывается, что документ составлен на фирменном бланке организации, приводится ее название и координаты. Например:

*Comercial Iberoamericana de Servicios,
S.A.
TransporteComibersa
33438 Prendes (Carreño)*

*Polígono Prendes, zona 25
Teléfono: 985 88 76 50 – 51
Fax: 985 88 76 96*

При переводе мы можем указать:

Фирменный бланк
АО «Комерсиаль Ибероамерикана
де Сервисиос».
Транспорт Комиберса
33438 Прендес (Карреньо)

Полигон Прендес, участок 25
Телефон: 985 88 76 50 - 51
Факс 985 88 76 96

Документы, выдаваемые официальными государственными органами, составляются на официальных бланках данных учреждений. Такие бланки содержат подробную информацию об организации: ее полное наименование, указание на структурное подразделение, выдавшее документ, наименование вышестоящего органа, правительство автономной области, которому подчинена данная организация. Например:

Gobierno de Canarias

*Consejería de Educación,
Cultura y Deportes.
Dirección Territorial de
Educación de Santa Cruz de Tenerife*

При переводе следует указать:

Официальный бланк Территориального Управления по Образованию г. Санта Крусде Тенерифе при Совете по Образованию, Культуре и Спорту Правительства Канарских Островов.

Вариативность официальных форм переписки имеет широкий спектр. Перед переводчиками стоит задача не только правильно перевести текст, но и адаптировать его под родной язык.

Следует учитывать, что стиль делового письма в русском языке тяготеет к максимальной сдержанности и лаконизму через стандартные обороты («Уважаемый...», «С уважением ...») и достаточно прямолинеен, без обилия вежливых преамбул. Это создает определенные трудности при переводе. Дословная передача испанских выражений категорий вежливости звучит в русском языке достаточно комично или архаично (Ср.: *Excelentísimo Señor* – Превосходительнейший господин). Богатство заключительных выражений на испанском языке неизбежно нивелируется до универсального русского «С уважением». Синтаксическая развернутость может восприниматься переводчиком как избыточная конструкция. Однако затраты времени на использования форм вежливости и их понимания в переписке с испаноязычным респондентом в деловой переписке являются важным шагом от разового обращения к долгосрочным и доверительным отношениям.

Таким образом, выявление и интерпретация кодифицированных норм и узуальных стандартов, принятых в испанской и русской лингвокультурах, представляют собой императив профессиональной практики переводчика, необходимый для преодоления интерференции и достижения коммуникативной точности.

Список литературы

1. Зенькович А.Л. Дипломатическая корреспонденция и официальная документация. Учебное пособие по испанскому языку. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2018.
2. Коммуникативное поведение. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж: Издательство Истоки, 2003.

3. Писанова Т.В., Альварес Солер А.А. Пространства коммуникации Испании и Латинской Америки: многоязычие, литература, традиции перевода. М.: МГЛУ. 2019.
4. Савчук Е.А. Испанский язык для делового общения. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2011.
5. Храмович Ю.Н. Деловая и дипломатическая переписка на испанском языке. Минск: БГУ, 2010.

* * *

1. Zen'kovich A.L. Diplomaticheskaya korrespondenciya i oficial'naya dokumentaciya. Uchebnoe posobie po ispanskomu yazyku. M.: Izd-vo «MGIMO-Universitet», 2018.
2. Kommunikativnoe povedenie. Vyp. 17. Vezhlivost' kak kommunikativnaya kategoriya. Voronezh: Izdatel'stvo Istoki, 2003.
3. Pisanova T.V., Al'vares Soler A.A. Prostranstva kommunikacii Ispanii i Latinskoj Ameriki: mnogoyazychie, literatura, tradicii perevoda. M.: MGLU. 2019.
4. Savchuk E.A. Ispanskij yazyk dlya delovogo obshcheniya. M.: Izd-vo «MGIMO-Universitet», 2011.
5. Hramovich Yu.N. Delovaya i diplomaticheskaya perepiska na ispanskom yazyke. Minsk: BGU, 2010.

Features of editing and translating official Spanish letters into Russian

The linguopragmatic markers of politeness in Spanish official correspondence are described. On the basis of the corpus analysis of authentic correspondence, the greetings, forms of address, concluding formulas and the implicit strategies of politeness in the letter's text are systemized. The influence of sociocultural factors and the statute of addressee on the choice of linguistic means are described. The norms of translation of abbreviations and references in the context of business etiquette are considered.

Keywords: *category of politeness, etiquette, business etiquette, culture, official correspondence.*

(Статья поступила в редакцию 10.02.2026).

Е.Е. МАТЮШЕНКО
Волгоград

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ ЭРИТАЖНЫХ
ГОВОРЯЩИХ (на материале русского и словацкого языков)**

Рассматриваются случаи нарушения морфологических норм в речи носителей эритажного русского языка. Анализируются научные тексты, написанные студентами-бакалаврами и магистрантами, для которых русский язык является эритажным. Выделяются наиболее частотные морфологические ошибки, обусловленные интерференцией доминантного (словацкого) языка и созданием не-калек.

Ключевые слова: *эритажный язык, морфологическая ошибка, интерференция, не-кальки.*

Изучение феномена эритажного (унаследованного) языка в настоящее время приобретает актуальность в связи с глобализацией и высоким уровнем миграции населения, в результате чего большое количество людей становится билингвами – искусственными или естественными. Особое место среди билингвов занимают носители эритажного языка (в трактовке А. Мустайоки – «нестандартные носители языка» [7], Е.В. Рахилиной и А.С. Марушкиной – «нестандартные говорящие» [3]) – «второе поколение эмигрантов из России, выросших и живущих за ее пределами, для которых родной русский язык перестал быть основным и имеет особый статус “унаследованного” от родителей (heritage Russian)» [1, с. 5].

Как отмечают М. Полински и О. Каган, изучение и использование эритажного языка ограничивается домашней обстановкой [8]. Причем, несмотря на то, что такие носители начинают осваивать эритажный язык первым, впоследствии он заменяется другим – доминантным – языком [Там же].

Объектом нашего исследования является письменная речь носителей эритажного русского, чей доминантный язык – словацкий. Их опыт взаимодействия с русским языком в определенной степени отличается от описанного М. Полински и О. Каган, т.к. в нашем случае анализу подвергаются научные тексты студентов, изучающих русский язык в университете. Однако стоит признать, что учебные программы не учитывают наличие эритажных говорящих в академических группах, поэтому преподавание русского языка ведется в рамках РКИ (русского как иностранного), что, на наш взгляд, не в полной мере учитывает специфику работы с данной категорией студентов.

Предмет данного исследования – морфологические ошибки в письменной речи, допущенные студентами словацких университетов в текстах выпускных квалификационных работ. Анализовались также отдельные части работ (аннотации) – в том случае, если полный текст работы написан на словацком языке, а аннотация – на русском (эритажном для данного студента).

Нами были выделены и проанализированы 103 ошибки на морфологическом уровне языка, из которых 52 нарушения можно объяснить грамматической интерференцией, которая проявляется в тех случаях, когда эритажный говорящий применяет грамматические правила, свойственные доминантному языку к аналогичным элементам русского.

Достаточно ярко в области грамматики данные девиации проявляются в употреблении предлогов. Такие ошибки мы разделили на две группы. Необходимо отметить,

что все примеры, приводимые в данной статье, не подвергались правке, т.е. авторская лексика, грамматика и орфография сохранены в полном объеме.

К первой группе отнесены ошибки в выборе правильного варианта предлога, у которого есть дублет с гласной *o*. Так, в словацком языке у предлога *o* отсутствует дублет *ob*, поэтому ошибки, связанные с неправильным выбором *o* и *ob*, в определенной степени закономерны в речи эритажных говорящих: *науки o именах, говорят o известных местах, делятся мнением o искусстве*. Данные примеры иллюстрируют случаи переноса словацкого предлога в русскую речь. Интересен следующий отрывок из предложения *Можно говорить ob полифонии исследовательской литературы*, который свидетельствует о том, что студент знаком с чередованием вариантов данного предлога, но навыки по их использованию не сформированы окончательно.

В эту же группу включены и ошибки, связанные с использованием предлогов, у которых есть дублеты, но на выбор того или иного варианта влияют разные факторы в русском и словацком языках. Например, можно предположить, что при выборе между дублетами *s* и *so*, а также *v* и *vo* эритажные говорящие руководствуются правилом словацкого языка: предлоги *so* и *vo* используются перед словом, начинающимся на одну или несколько согласных, с которыми данные предлоги трудно бы произносились (например, *so sebou, vo forme, vo vlasoch* и др.) [6, с. 171]. В русском языке тоже существует похожее правило, которое обязывает использовать предлог *so* перед словами, начинающимися с сочетаний «с, з, ш, ж + согласный» или с согласного [щ], а *vo* – перед формами слов, начинающимися сочетаниями «в, ф + согласный» [2]. Однако помимо правила, обусловленного фонетическим аспектом, в русском языке добавление гласного *o* к предлогам *s* и *v* обязательно перед формами слова *многие* – незнание или нарушение данного правила приводит к следующим ошибкам в речи носителей эритажного русского: *Нельзя не согласиться с многими лингвистами в том, что ..., Наблюдаются расхождения в многих аспектах...*

Вторую группу составляют морфологические ошибки, связанные с использованием неправильного предлога под влиянием интерференции и обусловленные наличием другого предлога в словацком языке. В примере *Сама функция предназначения использования колоколов и колокольных звонов была различной. От оповещения и информирования горожан по обереги, ритуалы, украшения одежд* подразумевается употребление предлога *om... do*, однако студент выбирает предлог *om... no*, т.к. в словацком языке существует предлог *od...po*, использующийся при перечислении (ср.: *Samotná funkcia účelu použitia zvonov a zvončekov bola iná. Od oznamovania a informovania občanov až po amulety, rituály a dekorácie odevov* – Здесь и далее перевод наш – Е.М.). В данном примере в речи эритажного говорящего фиксируем неудачу при переключении со словацкого языка на русский, при которой происходит «перенесение правил одной языковой системы на правила другой, что влечет за собой нарушение нормы в языке-рецепторе» [5].

К данной группе морфологических ошибок мы относим также следующие примеры: *...возвещали смерть царя, епископа и оповестить всех случившееся*, которые могут служить иллюстрацией пропуска предлога под влиянием интерференции, т.к. логично предположить, что студент искал в русском языке эквивалент глаголу *oznámiť*, который в словацком языке требует использование прямого дополнения (ср.: *oznámili smrt' cára, biskupa, oznámiť všetkým, čo sa stalo*). С другой стороны, в словацком языке можно обнаружить глаголы, близкие по значению к *oznámiť* – *informovať o čom, vypovedať o čom*; их основные валентности выражаются предложным падежом с предлогом *o*. Таким образом, видим, что носитель эритажного языка не провел аналогию с данными глаголами, которые являются стилистически маркированными, а использовал более нейтральный эквивалент *oznámiť*.

Помимо группы морфологических ошибок, допущенных под влиянием интерференции, можно выделить такую категорию девиаций, как «не-кальки» (48 примеров), в

основу которых положено «изобретение» конструкций [1, с. 7], отсутствующих в русском и словацком языках. «Самое название подразумевает, что в распоряжении говорящего есть две системы, одна из которых могла бы стать “донором” слова или конструкции при неуверенном выборе средства выражения того или иного значения. Однако при том, что потенциально возможность переноса языковых единиц из одного языка в другой существует, говорящим она не используется» [1, с. 7].

Не-кальки находим при использовании неправильного предлога в речи эритажных говорящих, которые игнорируют правила как русского, так и словацкого языков (23 примера): *Как уже было показано выше, оно полностью подходит для нашего цикла “Лабиринты Эхо” от Макса Фрая... и Россия славилась своими колоколами из давних лет* (ср.: *Ako už bolo uvedené vyššie, úplne sa hodí do nášho cyklu „Labyrinty Echa“ Maxa Frai..., Rusko bolo slávne svojimi zvonmi od dávnych čias*). Очевидно, что носители эритажного русского хорошо знакомы с предлогом **от**, используемым при указании на человека, учреждение, предмет и т. п., которые являются источником чего-либо (ср.: *книга от брата, письмо от бабушки* и проч.), и **из** – при указании на время, момент времени, которые рассматриваются как пункт, откуда производится действие, как пространство, где находится отправная точка чего-либо (ср.: *взгляд из прошлого, дойти до наших дней из глубокой древности* и проч.). Как мы видим, эритажный говорящий приписывает предлогу **от** значение источника цикла книг и предлогу **из** – значение отправной точки и использует управление *цикл «Лабиринты Эхо» от Макса Фрая и славилась из давних лет*, которое не совпадает со словацким. Как отмечают А.С. Выренкова, М.С. Полинская и Е.В. Рахилина, подобные девиации часто происходят по причине того, что эритажный говорящий «часто слышит однотипные конструкции и формирует собственное представление о значении их составляющих и возможных отношениях этих составляющих с другими языковыми единицами, новые конструкции он “собирает” из этих элементов, основываясь на усвоенной таким образом семантике и синтагматике» [1, с. 10].

К не-калкам можно также отнести следующие примеры, отличающиеся от тех, которые были описаны нами выше: *Сама история колоколов восходит из глубокой древности, исходя от наших мнений...* Мы определяем подобные девиации в одну группу (18 примеров), т.к. их объединяет то, что эритажные говорящие допускают ошибки в управлении глаголов. Причем, так же, как и в случае с ошибками из первой группы не-калек, в данных примерах студенты создают свой, ошибочный, вариант, а не копируют управление словацких глагола *siahať do čoho* ‘восходить к чему-то’ (ср.: *Samotná história zvonov siaha do hlbokéj staroveku*) и деепричастия *vychádzajúc z čoho* ‘исходя из’ (стоит пояснить, что в данном случае мы сравниваем словацкое деепричастие *vychádzajúc z* с русским предлогом *исходя из*, т.к. русский предлог является дериватом деепричастия *исходя* и сохраняет его управление). Примечательно, что если эритажный говорящий скопировал бы управление деепричастия *vychádzajúc z čoho*, то в речи на русском языке, скорее всего, не была бы допущена ошибка, т.к. в словацком и русском языках прослеживается аналогия по использованию предлогов *z* и *из* (безусловно, они не являются полными эквивалентами, но некоторые закономерности присутствуют).

Третью группу не-калек (16 примеров) составляют ошибки типа *при случаях возникновения пожара и в следствии данного вопроса*, для которых характерно несоответствие значения слова с контекстом, т.е. для носителей эритажного русского языка остаются неясными лексические значения определенных слов. Рассмотрим первый пример более подробно. Очевидно, что правильным вариантом для данного текстового фрагмента должно стать *в случае возникновения пожара*, однако студент выбирает вариант *при случаях*, т.к. хорошо помнит звучание существительного с предлогом *при случае* (в беглой речи, можно допустить, эритажные говорящие нечетко слышат окончания), но не учитывает его лексическое значение (‘когда/ если представится возможность’). Соответственно, студент пытается создать выражение из тех языковых средств, которыми

владеет, в результате чего получается ошибочный вариант. Причем в данном случае игнорируется словацкий вариант *v prípade vzniku požiaru*, который гораздо ближе к русскому варианту, чем «созданный» эритажным говорящим: помимо использования предлога *v*, в словацком варианте слово *prípad* употреблено в форме единственного числа.

Второй пример из этой группы «*в следствии данного вопроса*» также заслуживает нашего комментария: можно предположить, что студент не совсем хорошо знаком с предлогом *вследствие*, т.к., во-первых, допускается орфографическая ошибка, а во-вторых, данный предлог не соотносится с узким контекстом, в котором используется, что можно объяснить неясностью лексического значения слова для носителя эритажного языка («*по причине, из-за чего-либо*»).

Отдельно следует рассмотреть пример образования формы именительного падежа множественного числа существительного *персонажы* (пример с этой девиацией будет представлен ниже). Этот пример мы относим к не-калькам, поскольку эритажный говорящий игнорирует правила обоих языков: для форм множественного числа существительных на мягкий согласный (ž в словацком языке – мягкий) характерно окончание *-e*; в русском языке написание *ы* после *ж* является ошибочным, поэтому, пытаясь использовать окончание *-ы* после твердого согласного (как, например, с словах *столы, шкафы, мосты* и проч.), студент допускает ошибку.

Оставшиеся три морфологические ошибки не носят системного характера и представлены в работах эритажных говорящих однократно. Тем не менее, они заслуживают внимания: *Рассказы о мертвых, поющих кровь, можно найти практически во всех культурах по всему миру, начиная еще с древнейших времен, Вместе с тем, в практической части мы проанализируем роль колокола как символ русской культуры через музыкально-эстетические, культурно-исторические факты и народное творчество, Русский ученый, поэт и критик Г.А. Шенгели рассматривает персонажы более конкретнее*. В первом примере для образования причастия выбран ошибочный производящий глагол: вместо положенного *пить* использован глагол *петь*. Во втором и третьем примере допущены ошибки, которые свойственны речи носителей русского языка: нарушение согласования по падежу (*роль колокола как символ – норма: роль колокола как символа*) и тавтология форм сравнительной степени (*более конкретнее – норма: более конкретно или конкретнее*).

Как показывают проанализированные примеры, ошибки, допущенные на морфологическом уровне в речи эритажных говорящих, неоднородны. Почти в равной степени данные девиации обусловлены интерференцией доминантного языка и созданием не-калек.

Отметим, что данное исследование является логичным продолжением опубликованной нами ранее статьи, посвященной лексическим недочетам в речи эритажных говорящих [4]. Анализ письменных текстов (в нашем случае – принадлежащих научному стилю) дает возможность не просто выявить тенденции в появлении ошибок (лексических и морфологических) в речи носителей эритажного русского языка, а определить механизмы появления недочетов и впоследствии разработать комплекс упражнений, направленных на устранение ошибок.

Список литературы

1. Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 3–19.
2. К Дню знаний или ко Дню знаний? // URL: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/pismovnik/k-dnyu-znaniy-ili-ko-dnyu-znaniy> (дата обращения: 30.01.2026).
3. Марушкина А.С., Рахилина Е.В. Корпусные исследования особенностей речи нестандартных говорящих («херитажный» русский) // Acta Linguistica Petropolitana. 2015. № 1. С. 625–642.

4. Матюшенко Е.Е. Лексические нарушения языковой правильности в письменном научном дискурсе носителей эритажного русского языка // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2025. № 3 (11). С. 103–108.

5. Ребко А.В. Лингвистическая интерференция и ее виды на примере русского и французского языков // Мир языков: ракурс и перспективы: сб. мат-лов IX Международной науч.-практ. конференции, Минск, 26 апреля 2018 г.: В 6 ч. Ч. 1. Минск: БГУ, 2018. С. 227–232.

6. Gramatika súčasnej slovenčiny. Bratislava: Lingea s.r.o., 2014.

7. Mustajoki A., Protassova E., Vakhtin N. Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approach to non-standard Russian / A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki, 2010 URL: <https://blogs.helsinki.fi/slavica-helsingiensia/files/2019/11/22-sh40.pdf> (accessed 30.01.2026).

8. Polinsky M. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom // Language and Linguistic Compass. 2007. P. 368–395. URL: https://www.researchgate.net/profile/MariaPolinsky/publication/38414426_Heritage_Languages_In_the_'Wild'_and_in_the_Classroom/links/5ab53d1ea6fdcc46d3b38430/HeritageLanguages_In_the_Wild_and_in_the_Classroom.pdf?_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19 (accessed 30.01.2026).

* * *

1. Vyrenkova A.S., Polinskaya M.S., Rahilina E.V. Grammatika oshibok i grammatika konstrukcij: «eritazhnyj» («unasledovannyj») russkij yazyk // Voprosy yazykoznavaniya. 2014. № 3. S. 3–19.

2. K Dnyu znaniy ili ko Dnyu znaniy? // URL: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/pismovnik/k-dnyu-znaniy-ili-ko-dnyu-znaniy> (data obrashcheniya: 30.01.2026).

3. Marushkina A.S., Rahilina E.V. Korpusnye issledovaniya osobennostej rechi nestandardnyh govoryashchih («eritazhnyj») russkij // Acta Linguistica Petropolitana. 2015. № 1. S. 625–642.

4. Matyushenko E.E. Leksicheskie narusheniya yazykovej pravil'nosti v pis'mennom nauchnom diskurse nositelej eritazhnogo russkogo yazyka // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2025. № 3 (11). S. 103–108.

5. Rebko A.V. Lingvisticheskaya interferenciya i ee vidy na primere russkogo i francuzskogo yazykov // Mir yazykov: rakurs i perspektivy: sb. mat-lov IX Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii, Minsk, 26 aprelya 2018 g.: V 6 ch. Ch. 1. Minsk: BGU, 2018. S. 227–232.

Morphological mistakes in the scientific texts of heritage speakers (based on the Russian and Slovak languages)

The violations of morphological norms in the speech of the speakers of the heritage Russian language are considered. The scientific texts, written by the students of Bachelor's and Master's degrees, for whom Russian is a heritage language, are analyzed. The most frequent morphological mistakes, conditioned by the interference of the dominant (Slovak) language and the creation of non-calques, are identified.

Keywords: *heritage language, morphological mistake, interference, non-calque.*

(Статья поступила в редакцию 09.02.2026).

Л.М. ШАКИРЬЯНОВ

Уфа

КОНЦЕПЦИЯ УРОВНЕВОГО УСТРОЙСТВА ЯЗЫКА
(на материале антонимов)

Рассматриваются уровни иерархического устройства английского языка. Установлено, что при разработке концепции антонимии за основу берется целый ряд фундаментальных положений теории языка, а именно деление элементов языка на словообразовательные и словоизменительные (формообразующие), их функционирование с точки зрения целостности (неделимость элементов, их функционирование как составных частей высших единиц и как совокупностей низших единиц).

Ключевые слова: антонимия, уровни языка, иерархическое устройство языка, словообразование, словоизменение, целостность.

Синонимия и антонимия рассматриваются как случаи взаимозаменяемости и противопоставленности слов по их семантике. В общем смысле взаимозаменяемость – это возможность или способность чего-либо равноценно заменять друг друга; противоположность относится к базовым категориям, которые постоянно используются человеком в широких когнитивных процессах при физическом и ментальном восприятии окружающего его мира.

Явление антонимии связано с одной из фундаментальных сторон бытия – с диалектическим единством противоположных начал в самой сущности предметов, явлений, признаков духовного и материального мира [11, с. 18–21]; из наиболее значимых определений антонимов можно привести следующие: антонимы – это «слова противоположного значения» [9]; антонимы – это «слова разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» [23]; антонимы – это «слова, противоположные по сигнификативному значению» [19]; антонимы – это «слова разного звучания, выражающие противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» [12]; антонимы – это «слова, противопоставленные по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причём эти слова должны находиться на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы» [24]; антонимы – это «лингвистически сопряжённые пары слов» [17].

Антонимы функционируют как средство обозначения семантически противоположных или противопоставленных слов (феномен контраста). Кроме того, существует концепция, согласно которой данное явление охватывает самые различные уровни языка [22, с. 553–560].

Исследование уровней антонимии опирается на целый ряд концепций:

– при формировании уровней анализа особую роль играет деление элементов языка на словообразовательные и словоизменительные (формообразующие) (**уровень морфем** и **уровень частей речи**) (концепция Ф.Ф. Фортунатова) [8, с. 23–24; 21, с. 155]; за основу берется тезис, согласно которому приставка, в отличие от суффикса, присоединяется ко всему слову целиком; что позволяет ей выполнять словообразовательную функцию;

– иерархически упорядоченные единицы функционируют в языке не только как неделимые элементы в отношении к себе подобным, но и как составные части высших

единиц и как совокупности низших единиц (**уровень слов**) (концепция И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, Л.Г. Зубковой) [3, с. 268; 7, с. 73–74];

– дифференциация трактовки понятия уровень – уровень как «ярус» и уровень как «аспект изучения некоторого предмета» позволяет выделить стилистику как уровень анализа (концепция И.Р. Гальперина) [15] (**уровень метафор**);

– гармоническая целостность системы языка – при всей ее сложности и противоречивости – отражается и в целостности языковых знаков [7]; особое значение имеют более сложные уровни, чья функция заключается в том, чтобы способствовать целостности системы (**уровень синтаксиса**);

– понятие номинации является более сложным понятием, чем слово; в самом общем виде слово – это единица языка, а номинация – более широкое понятие, которое включает в себя различные языковые единицы, служащие для разных целей (**уровень номинаций**);

– одним из главных показателей самостоятельности слова как единицы языка является вопрос соотношения слова и его части. В связи с этим необходимо, чтобы слово отличалось как некоторое целое от той или иной осмысленной части слова (согласно А.И. Смирницкому) [16, с. 27] (**более частные уровни**).

В рамках нашего исследования выделены следующие уровни:

1. Антонимия на уровне морфем

Как уже было сказано, в результате деления элементов языка на словообразовательные и словоизменяющие (формообразующие) можно разграничить приставки и суффиксы. В основу исследования легла концепция о том, что приставка присоединяется ко всему слову целиком (См. **Таблицы 1, 2**; деление условное, для большей компактности представления материала), а по его другим частям (слова) (например, суффиксам) можно выделить морфологические характеристики того или иного элемента.

Таблица 1

Антонимия морфем (морфемы английского и греческого происхождения)

Приставка (присоединяется ко всему слову целиком)	Значение приставки	Исходный термин	Термин-антоним
half	неполнота	<i>finished goods</i>	<i>half-finished goods</i>
un	отрицание	<i>conditional</i>	<i>unconditional</i>
mid	средняя величина	<i>range</i>	<i>Midrange</i>
anti	противопоставление	<i>Malthusianism</i>	<i>anti-Malthusianism</i>
cross	пересечение	<i>haul</i>	<i>Crosshaul</i>
hyper	преувеличение	<i>inflation</i>	<i>hyperinflation</i>
iso	сочетание	<i>cost curve</i>	<i>isocost curve</i>
neo	новая информация	<i>natal</i>	<i>Neonatal</i>
pseudo	мнимость	<i>shadow price</i>	<i>pseudoshadow price</i>

Антонимия морфем (морфемы латинского происхождения)

Приставка (присоединяется ко все- му слову целиком)	Значение приставки	Исходный термин	Термин-антоним
ante, pre	предшествование	<i>to date condition</i>	<i>to antedate precondition</i>
il, in, dis	отрицание	<i>literate active economy</i>	<i>Illiterate inactive diseconomy</i>
co, counter	совместное действие	<i>habitation plan</i>	<i>cohabitation counterplan</i>
de	обратный процесс	<i>to concentrate</i>	<i>to deconcentrate</i>
extra	избыточность	<i>budgetary funds</i>	<i>extra-budgetary funds</i>
multi	множественность	<i>plant development</i>	<i>multiplant development</i>
mini	снижение размера	<i>recession</i>	<i>minirecession</i>
non	контрадикторность	<i>priority mail</i>	<i>nonpriority mail</i>
quasi	видимости	<i>unemployment</i>	<i>quasi-unemployment</i>
re	повтор	<i>survey</i>	<i>Resurvey</i>
semi	частичность	<i>self-service</i>	<i>semiself-service</i>
sub	подчинение	<i>office</i>	<i>Suboffice</i>
super	превосходство	<i>normal</i>	<i>supernormal</i>

2. Антонимия на уровне частей речи

Если разграничить приставки и суффиксы, отнеся первые к словообразовательным морфемам, а вторые – к словоизменительным, то вполне очевидно морфология должна рассматриваться за рамками словообразования. Таким образом, термин *морфема* позволяет идентифицировать два уровня одновременно. Тем самым, можно разграничить морфемы, которые позволяют сопоставить слова на уровне аффиксов, а также те, по которым можно выделить различные части речи (см. **Таблицу 3**). Как следует из общей теории семантики, слова должны обозначать явления окружающей действительности; соответственно разряды (категории) этих слов прежде всего должны отражать категории объектов действительности. Как отмечают авторы Грамматики Пор-Рояля А. Арно и К. Лансло, люди, нуждаясь в знаках для обозначения того, что происходит в их сознании, неизбежно приходят к наиболее общему разделению слов, из которых одни обозначают объекты мыслей, а другие – форму и образ мыслей [1, с. 93]. На этом основано выделение частей речи; вместе с тем, как показывает материал исследования, наиболее целесообразно их отразить согласно двум классификациям. Все же в таблице при поиске того или иного термина, не зафиксировано исчерпывающей классификации, а некоторые варианты по-прежнему остаются под вопросом.

Таким образом, части речи представляют собой большие лексико-грамматические классы слов, т.к. слова, входящие в одну часть речи, объединяются на том основании, что они имеют один и тот же набор грамматических значений; их можно зафиксировать не только в рамках двух, но и в рамках одной номинации. Это как раз и связано с тем, что в частях речи заложено свойство обозначения (действительности), о котором упомянуто выше.

Таблица 3

Антонимия частей речи

Часть речи	Исходный термин и термин-антоним (две номинации)	Словосочетание (одна номинация)
Субстантивы	<i>allocation of charges/ allocation of profits</i>	<i>adjustment between demand and supply</i>
Вербы	<i>right to work/ right to rest</i>	<i>lend-lease agreement</i>
Адвербы	<i>entry inwards/ entry outwards</i>	<i>to jockey back and forth</i>
Адъективы	<i>absolute impoverishment/ relative impoverishment</i>	<i>odd and even</i>
Местоимения	<i>everybody/ nobody</i>	<i>to make a bargain all-or-nothing</i>
Предлоги	<i>flow-in/ flow-out</i>	<i>first-in-first-out</i>

3. Антонимия на уровне слов

В рамках общего анализа можно сделать вывод о том, что иерархически упорядоченные единицы функционируют в языке не только как неделимые элементы в отношении к себе подобным, но и как составные части высших единиц и как совокупности низших единиц. В связи с этим слово – это и неделимое целое, и целое, состоящее из морфем, т.е. комплекс морфем [3, с. 268; 7, с. 73–74]. Данный постулат позволяет выделить уровень слов, основу которых составляют концепты. Отметим, что на сегодняшний день в лингвистике существует множество определений концепта. По мнению А. Соломоника, концепт – «это абстрактное научное понятие, созданное на базе конкретного житейского понятия» [18]. С.Х. Ляпин определяет концепт как многомерное идеализированное формообразование, опирающееся на понятийный базис, закрепленный в значении какого-либо знака: научного термина, слова или словосочетания обычного языка, более сложной лексико-грамматическо-семантической структуры, невербального предметного или квазипредметного образа, предметного или квазипредметного действия и т.д. [10]. По Т.А. Фесенко, концепт в ментальной реальности человека существует «как совокупность знаний и информации об актуальном или вероятном положении дел в реальном мире в контексте эмоций, переживаний, ассоциаций и так далее» [20, с. 5]. О.Г. Савельева приходит к заключению, что «в лингвистике культурный концепт (от латинского *conceptus* – ‘понятие’) является основной единицей, интегрирующей в себе язык и культуру в их взаимопроникновении» [14, с. 16].

Необходимость обращения к концептам, как уже было сказано, заключается в том, что с их помощью можно представить слова не только как составные части высших единиц и совокупность низших единиц, но и как неделимое целое.

Так, на основании проведенного исследования можно выделить целый ряд концептов:

- иерархия фиксируются при помощи атрибутов *assistant, chief, deputy, vice (chief engineer / deputy chief engineer)*;
- изменение количества оформляется благодаря атрибутам *single, double, first, second, multiple, high, low, upper, above, below (above the line/ below the line)*, вербам *to increase, to decrease, to skyrocket, to plunge, to move up, to move down*;
- время задается посредством предлогов *of/ under (to be of age/ to be under age)*, атрибутов *young, new, old (construction activity/ new construction activity)*, *ex ante/ ex post (ex ante analysis/ ex post analysis)*, *prior/ posterior (prior distribution/ posterior distribution)*, *a priori/ a posteriori (a priori method/ a posteriori method)*;
- наличие актуализируется предлогами *cum/ ex (cum interest/ ex interest)*;
- истина устанавливается атрибутами *de facto/ de jure (de facto address/ de jure address)*.

4. Антонимия на уровне метафор

Дифференциация трактовки понятия *уровень* – уровень как «ярус» и уровень как «аспект изучения некоторого предмета» позволяют выделить стилистику как уровень анализа (если рассматривать стилистику не только как элемент в последовательности уровней, что подчеркивает иерархичность структуры языка, но также как уровень наблюдения, то рассмотрение стилистики как уровня может быть оправдано).

В лингвистической науке существует множество определений метафоры. Традиционно большинство определений раскрывают ее как стилистическую фигуру, или троп, основанный на переносе. Так, А.А. Реформатский рассматривает метафору в качестве переноса наименования, основанного на сходстве вещей по цвету, форме, характеру движений [13, с. 77].

Принцип создания метафоры на основе сходства, аналогии признает и О.С. Ахманова. Однако она трактует метафору как перенос значения (а не именованного), состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле [2, с. 231]. И.Р. Гальперин подчеркивает одновременное существование в метафоре двух значений, определяя ее как «отношение предметно-логического значения и значения контекстуального, основанное на сходстве признаков двух понятий» [5, с. 125].

Так, в рамках рассматриваемой тематики можно выделить слова-метафоры *bulls/ bears* «быки»/ «медведи», *hawks/ doves* «ястребы»/ «голуби», *wolves/ sheep* «волки»/ «овцы», *blue chips/ red chips* «голубые фишки»/ «красные фишки», *pigs/ chicken* «свиньи, или кабаны»/ «цыплята», *sharks/ lemmings* «акулы»/ «лемминги». Метафора проясняет образование характерных для американского общества явлений, которые не только передают отношение к называемому объекту или явлению, но и затрагивают сложный процесс комплексного изучения сознания, культуры и языка.

5. Антонимия на уровне синтаксиса

Как уже отмечалось, гармоническая целостность системы языка – при всей ее сложности и противоречивости – отражается и в целостности языковых знаков; особое значение имеют более сложные уровни, чья функция заключается в том, чтобы способствовать целостности системы. Отсюда и выделение синтаксического уровня. Как отмечается в других исследованиях, синтаксический потенциал антонимии способствует её реализации в рамках одного словосочетания (*asked and bid*), в словах с дефисным написанием (*birth-and-death data*) и в одном слове словосочетания (*breakeven order*).

6. Антонимия номинаций

Номинация в широком смысле слова изучает взаимодействие мышления, языка и действительности в этих процессах, роль человеческого (прагматического) фактора в выборе признаков, лежащих в основе номинации [6, с. 8–9]. Номинация – это «обозначение

ние всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий» [4, с. 315].

Как отмечают ученые, чтобы постичь закономерности употребления слов, нужно рассматривать их на фоне взаимодействия трех уровней: действительности, мышления (план содержания) и языковых форм (план выражения). Таким образом, соотношение слова, понятия, обозначаемого словом, и предмета, на который указывает слово, часто изображают в виде треугольника: 1) предмет – ситуация; 2) слово (высказывание) – план выражения; 3) понятие (план содержания). Особо отметим, что номинация включает в себя различные единицы, служащие для разных целей. Здесь можно выделить три способа номинации: противопоставление в рамках одной номинации (*demand outdistances supply* «спрос опережает предложение»); противопоставление в рамках двух номинаций, здесь происходит их дифференциация (*to save* «сберегать; экономить»/ *to dissave* «расходовать, тратить сбережения»); противопоставление в рамках трех номинаций (*senior* «старший бухгалтер-ревизор»/ *semi-senior* «бухгалтер-ревизор»; помощник старшего бухгалтера-ревизора)/ *junior* «младший бухгалтер-ревизор; счётный работник ревизорской службы»).

7. Антонимия частных уровней (различных частей слов)

Постулирование более частных уровней основано на том, что одним из главных показателей самостоятельности слова как единицы языка является вопрос соотношения слова и его части.

Таблица 4

Антонимия частных уровней (частей слов)

Значение	Исходный термин	Термин-антоним
Нахождение	<i>external audit</i>	<i>internal audit</i>
Перемещение	<i>inborn</i>	<i>outborn</i>
Положение	<i>downswing</i>	<i>upswing</i>
Разнообразие	<i>monogamy</i>	<i>polygamy</i>
Актуализация	<i>on-peak service</i>	<i>off-peak service</i>
Пространство	<i>overloading</i>	<i>underloading</i>
распространение	<i>intergenerational</i>	<i>intragenerational</i>
Наружность	<i>endogenous</i>	<i>exogenous</i>
Идентичность	<i>homogeneity</i>	<i>heterogeneity</i>
Величина	<i>macrodemography</i>	<i>microdemography</i>

Исследование уровней антонимии опирается на целый ряд концепций, а именно: 1) при формировании уровней анализа особую роль играет деление элементов языка на словообразовательные и словоизменительные (формообразующие); 2) функционирование элементов языка с точки зрения целостности (неделимость элементов, их

функционирование как составных частей высших единиц и как совокупностей низших единиц); 3) дифференциация трактовок понятия *уровень* – уровень как «ярус» и уровень как «аспект изучения некоторого предмета» позволяют выделить стилистику как уровень анализа; 4) гармоническая целостность системы языка – при всей ее сложности и противоречивости – отражается и в целостности языковых знаков; особое значение имеют более сложные уровни, чья функция заключается в том, чтобы способствовать целостности системы; 5) понятие номинации является более сложным понятием, чем слово; в самом общем виде слово – это единица языка, а номинация – более широкое понятие, которое включает в себя различные языковые единицы, служащие для разных целей; 6) одним из главных показателей самостоятельности слова как единицы языка является вопрос соотношения слова и его части. В связи с этим необходимо, чтобы слово отличалось как некоторое целое от той или иной осмысленной части слова.

Список литературы

1. Арно А., Лансло Кл. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / Пер. с фр., коммент. и послесл. Н.Ю. Бокадоровой; общ. ред. и вступ. сл. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1990.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998.
5. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз. 1958.
6. Доржиева Г.С., Щербакова А.А. Ономазиология vs ономастика: проблемы номинации. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2019.
7. Зубкова Л.Г. Целостность языка и его детерминанта в трактовке И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Кн. 3. Т. 148. С. 73–82.
8. Зубова Л.В., Меньшикова Ю.В. Морфемика и словообразование современного русского языка: учебник. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2014.
9. Комиссаров В.Н. Словарь антонимов современного английского языка. М.: Междунар. отношения, 1964.
10. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. 1997. № 1. С. 11–35.
11. Пестова М.С. Антонимия как объект теоретического исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11. № 1. С. 18–21.
12. Прохорова В.Н. О словах с противоположными значениями в русских говорах // Филологические науки. 1961. № 1. С. 122–127.
13. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 5-е уточн. изд. М.: Аспект-пресс, 1996.
14. Савельева О.Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и этнокультурный аспекты (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006.
15. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: учеб. пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей. Горький: Горьковский гос. пед. ин-т иностранных яз. им. Н.А. Добролюбова, 1975.
16. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998.
17. Соколова Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования // Филологические науки. 1977. № 6. С. 60–69.

18. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М.: Молодая гвардия, 1995.
19. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1975.
20. Фесенко Т.А. Концептуальное моделирование как метод изучения ментальной реальности человека // Язык. Сознание. Коммуникация. № 12. М.: Диалог-МГУ, 2000. С. 5–8.
21. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. I. М.: Учпедгиз, 1956.
22. Шакирьянов Л.М. Логико-семантический анализ контраста (на материале англоязычных экономических терминов) // Неофилология. 2023. Т. 9. № 3. С. 553–560.
23. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1964.
24. Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964.

* * *

1. Arno A., Lanslo K. Grammatika obshchaya i racional'naya Por-Royalaya / Per. s fr., komment. i poslesl. N.Yu. Bokadorovoj; obshch. red. i vstup. sl. Yu.S. Stepanova. M.: Progress, 1990.
2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1966.
3. Boduen de Kurtene I.A. Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu: V 2 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963.
4. Gak V.G. Yazykovye preobrazovaniya. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1998.
5. Gal'perin I.R. Ocherki po stilistike anglijskogo yazyka. M.: Izd-vo lit-ry na inostr. yaz. 1958.
6. Dorzhieva G.S., Shcherbakova A.A. Onomasiologiya vs onomastika: problemy nominacii. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gos. un-ta, 2019.
7. Zubkova L.G. Celostnost' yazyka i ego determinanta v traktovke I.A. Boduena de Kurtene i N.V. Krushevskogo // Uch. zap. Kazan. gos. un-ta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2006. Kn. 3. T. 148. С. 73–82.
8. Zubova L.V., Men'shikova Yu.V. Morfemika i slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka: uchebnik. SPb.: Filologicheskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014.
9. Komissarov V.N. Slovar' antonimov sovremennogo anglijskogo yazyka. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1964.
10. Lyapin S.H. Konzeptologiya: k stanovleniyu podhoda // Koncepty. Nauchnye trudy Centrokoncepta. 1997. № 1. S. 11–35.
11. Pestova M.S. Antonimiya kak ob'ekt teoreticheskogo issledovaniya // Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika. 2014. T. 11. № 1. S. 18–21.
12. Prohorova V.N. O slovah s protivopolozhnymi znacheniyami v russkikh govorah // Filologicheskie nauki. 1961. № 1. S. 122–127.
13. Reformatskij A.A. Vvedenie v yazykovedenie. 5-e utochn. izd. M.: Aspekt-press, 1996.
14. Savel'eva O.G. Koncept «eda» kak fragment yazykovoj kartiny mira: leksiko-semanticheskij i etnokul'turnyj aspekty (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2006.
15. Skrebnev Yu.M. Ocherk teorii stilistiki: ucheb. posobie dlya studentov i aspirantov filologicheskikh special'nostej. Gor'kij: Gor'kovskij gos. ped. in-t inostrannyh yaz. im. N.A. Dobrolyubova, 1975.
16. Smirnickij A.I. Leksikologiya anglijskogo yazyka. M.: Izd-vo MGU, 1998.
17. Sokolova N.L. K probleme opredeleniya i klassifikacii antonimov i ih stilisticheskogo ispol'zovaniya // Filologicheskie nauki. 1977. № 6. S. 60–69.
18. Solomonik A. Semiotika i lingvistika. M.: Molodaya gvardiya, 1995.
19. Stepanov Yu.S. Osnovy obshchego yazykoznaniya. 2-e izd., pererab. M.: Prosveshchenie, 1975.
20. Fesenko T.A. Konceptual'noe modelirovanie kak metod izucheniya mental'noj real'nosti cheloveka // Yazyk. Soznanie. Kommunikaciya. № 12. M.: Dialog-MGU, 2000. S. 5–8.
21. Fortunatov F.F. Izbrannye trudy. T. I. M.: Uchpedgiz, 1956.
22. Shakir'yanov L.M. Logiko-semanticheskij analiz kontrasta (na materiale angloyazychnyh ekonomicheskikh terminov) // Neofilologiya. 2023. Т. 9. № 3. S. 553–560.
23. Shanski N.M. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka. M.: Prosveshchenie, 1964.
24. Shmelyov D.N. Ocherki po semasiologii russkogo yazyka. M.: Prosveshchenie, 1964.

The concept of level organization of language (at the material of antonyms)

The levels of hierarchic organization of the English language are considered. It is stated that the development of the antonym's concept is based on the whole range of the fundamental positions of the theory of language, in particular the division of language's elements into the word-formation and word-changing (form-building) and their functioning from the perspective of their wholeness (the indivisibility of elements and their functioning as the integral parts of the highest units and the set of the lowest units).

Keywords: *antonyms, language levels, hierarchic organization of language, word-formation, word-changing, wholeness.*

(Статья поступила в редакцию 23.11.2025).

В.П. МОСКВИН

Волгоград

МЕЖДОМЕТИЕ КАК ПРЕДМЕТ ГРАММАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рассмотрены объем и содержание понятия междометия, характеристики междометия как части речи, а также механизмы и результаты его грамматического переосмысления; на этой основе уточнено его место в системе частей речи русского языка.

Ключевые слова: *междометие; грамматика; часть речи; транспозиция; морфонология.*

В современной филологии междометие (далее – М.) рассматривается прежде всего с семантической, прагматической, этимологической точек зрения, реже – с грамматической. Термин *М.*, обозначающий часть речи (ЧР), или, в старинной русской терминологии, часть слова (ср.: греч. *μέρος λόγου*), «между прочими частями слова вметаемую» [29, с. 370], был скалькирован М. Смотрицким с латинского термина *interiectio* (букв. ‘вметывание, вбрасывание’ < *jacere* ‘метать, бросать’; по разъяснению А.И. Германовича – нечто, «вметаемое в речь» [11, с. 4]). В римской филологии данный термин применялся в двух значениях: 1) в риторическом – как ‘вставка, парентеза’ [калька греч. *παρεμβολή*], «qua et oratores et historici frequentes utuntur, ut medio sermone aliquem inserant», которая вставляется в середину речи [45, с. 50 / VIII, 2: 15]; 2) в грамматическом – как ‘М’. Термин *interiectio* в значении (2), т.е. как ЧР («pars orationis»), фиксируют Квинт Ремий Палемон (1-я половина I в. н.э.), затем, со ссылкой на его грамматику («Ars grammatica»), впоследствии утраченную, – Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35–96) [46, с. 21 / I, 4: 20], далее Гай Марий Викторин (ок. 281–363), Присциан (конец V – нач. VI в.) и др. В научной литературе М. нередко возводится к трактату М.Т. Варрона «De lingua latina» (ок. 43 до н. э.), однако: 1) до Палемона М. не выделялось как ЧР (в противном случае Квинтилиан упомянул бы этот факт); 2) Варрон по принципу «отсутствия форм падежа и времени» выделяет «genus sterile», неизменяемую ЧР: «*et* ‘и’, *iam* ‘сейчас’ *vix* ‘едва’, *cras* ‘завтра’, *magis* ‘более’, *cur* ‘отчего’» [48, с. 378 / VIII: 9], но без дальнейшей детализации, что, как известно, отвечает и греческой традиции [44, с. 90 / XV: 40].

1. Вопрос об отношении междометия к разряду знаменательных частей речи

М.В. Ломоносов полагал, что М. («междуметие») как ЧР служит краткому изображению понятия («идеи») и потому знаменательно [19, с. 406–408]. Данной трактовки придерживаются В.М. Алпатов, Ю.С. Маслов, Н.С. Поспелов [2, с. 39; 20, с. 27; 28, с. 89–90] и др., ее обоснованием мог бы послужить тот известный факт, что М. может выступать в роли члена предложения, но этот ход мысли грозит потерей тезиса, поскольку:

1. В прямом значении (как «эмоционально-волевая реакция субъекта на действительность», «эмоциональный сигнал» [8, с. 611]) М.: а) «стоят обособленно», «отдель-

ным предложением» или как вводный элемент* [21, с. 351–352]; б) принадлежат прямой речи: *Богатырь* <...> *охнул от боли. Ой-ой-ой!* – *закричал он* (М. Успенский. Там, где нас нет, 1995 / НК)**; *Как летописцу дней текущих // Тебе мы скажем: «Исполать!»* (С.Н. Есин. Дневник, 2008 / НК). В этом значении М. выражает эмоции и волеизъявления, но не обозначает их, т.е. лишено номинативной функции, поэтому не может выступать в роли члена предложения, а следовательно, не является знаменательной ЧР.

2. Стать членом предложения и, соответственно, приобрести свойства знаменательной ЧР, тем самым утрачивая свойства фразоида (см. раздел 2.1), М. может только в результате транспозиции (конверсии), т.е. грамматического переосмысления, которое, как показал трансформационный анализ, происходит вследствие следующих переносов:

2.1. Метонимического: а) *Далече грянуло ура* (А.С. Пушкин. Полтава, 1828), ср.: *крик «ура»*; б) *Только детишек жалко, а о себе я и «ох» не скажу* (М. Шолохов. Тихий Дон, 1940), ср.: *и слова «ох»*; в) *И, неловко поклонившись, Миша вышел... Гонорар – увы и ах!* (А.П. Чехов. Персона, 1886) → *Гонорар накрылся, так что остается лишь вздохнуть: «Увы!» и воскликнуть: «Ах!»*, в этом же смысле: *Женитьба моя, вероятно, – увы и ах!* (Л.А. Левицкий. Дневник, 1997 / НК), т.е. *не состоится*; г) *Экзамен Закона Божьего кончился, архиерея, присутствовавшего на нем – высокого монаха в белом клобуке, – проводили с особенно отчетливым и звонким «Исполать, деспота», и институтки ревностно принялись за злополучную математику* (Л.А. Чарская. Записки институтки, 1901 / НК), ср.: *восклицием «Исполать»*.

В следующих фразеосхемах М. метонимически применяются как адвербиальные усилители (т.е. в функции Magn): а) *ах / ух какой N₁!* ‘очень’; б) *ах / ух как Adv!* ‘очень’, ср.: *такой (так), что только «Ах!» воскликнешь*.

2.2. Метафорического: – *Гм... стало быть, наш департамент – ау? – машинально произнес он упавшим голосом* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонские рассказы, 1884), ср.: *упразднен и пропал* (департамент уподоблен человеку, который пропал в лесу и которому кричат ау!).

И.И. Мещанинов отмечает, что «выделение членов предложения повело к образованию частей речи», а «те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся <...> грамматическими понятиями» [21, с. 8, с. 238]. Например: а) М. *ура* в случае (2.1а) принимает функцию подлежащего, М. *ох* в (2.1б) – функцию дополнения; в обоих случаях М. подвергаются субстантивации; б) в (2.1в) междометный фразеологизм *увы и ах* принимает функцию сказуемого и глагольный смысл ‘накрылся’; М. *ау* в (2.2) также применено как сказуемое – в глагольном смысле ‘пропал’. Еще Присциан указал на то, что М. «глагол подразумевают (subaudiuntur)» [44, с. 90 / XV: 40] или, добавим, отглагольное имя (*крик ура*).

Указанные нами факты (1) и (2) в научной литературе не учитываются: так, А.И. Германович видит в примере (2.1а) подлежащее, в (2.1б) – дополнение, в (2.1в) и (2.2) – «междометие-сказуемое» и т.д. [11, с. 89–95, ср.: 31, с. 81–89], при этом переносы не фиксирует. Но именно в результате таких переносов происходит грамматическое переосмысление М.

Словоизменение М., например, претерпевших субстантивацию, затруднено их морфонологическими свойствами, в частности: 1) консонантным характером (*зм, тиши, бррр*); 2) моновокальностью (*о, а*); 3) концовкой, не соответствующей существующим грамматическим образцам (ср.: *ату, ау, угу* и несклон. *рагу*); 4) при наличии подходя-

* На правах вводных слов могут применяться некоторые М., выражающие субъективную оценку, т.е. эмоциональные М. (*увы, слава богу*), но едва ли императивные (*кис-кис, вон, кыш*). – В.М.

** Здесь и далее НК = Национальный корпус русского языка – ruscorp.ru.

щей концовки – краткостью, в результате чего слово при склонении (например, М. *ура* или *ба* по образцу имен сущ. *мишура* или *изба*) будет искажено до неузнаваемости либо омонимически совпадет с другим* и т.д. В связи с этим такие транспозитивы обычно ведут себя в речи как несклоняемые имена существительные – неодоушевленные, а значит, среднего рода, ср.: а) *грянуло ура*; б) *Потому я и орала свое «ау» – так, скорей, для проформы* (М. Палей. Дань саламандре, 2008), ср.: *вкусное рагу*.

Лишь в отдельных случаях при наличии грамматически релевантной концовки происходит частеречное освоение междометных транспозитивов, например:

1. М. *ох* и *ах* благодаря твердой консонантной концовке склоняются по образцу имен сущ. 1-го субстантивного склонения: *вздых – вздохи → ох – охи*.

2. М. *исполать* [греч. *εἰς πολλὰ ἔτη* ‘многая лета’**]:

2.1. В формуле приветствия православному священнику *исполаете, деспота* (А.З. Неселовский. Чины хиротесий и хиротоний, 1906) звательный падеж (ср.: греч. *δέσποτης* ‘владыка’, зват. *δέσποτα*) ложноэтимологически трактуется как винительный, а М. – как переходный глагол: *При звуках «исполаети деспота!» разоблаченный архиерей взошел на амвон* (В. Крестовский. Панургово стадо, 1869), ср.: *Спасибо, исполать, исполать вас!* (Н.А. Полевой. Клятва при гробе Господнем, 1832). Пример императивной трактовки этого М.: *Не деспота не исполай!* (И. Бурихин. Соседку в шубу заправлять..., 1994)***.

2.2. При субстантивной транспозиции это М. приобретает значение ‘благопожелание, хвала’: а) *Нива та достойна исполати // От земли и до высот небесных* (Г.А. Головков. На 25-летие Харьковской 3-й гимназии, 1889), здесь субморф *-и* осмыслен как флексия род. ед. (ср.: *благодати*); б) *Началось пение многолетия государю, а потом патриарху Иеремии с исполатью – исполати деспота* (И.Е. Забелин. История города Москвы, 1902), ср.: *благодатью*; в) *Он наговорил мне исполатей* (О.М. Борисова. Угрюм-река, 2025). Во всех трех случаях М. *исполать* переосмыслено как имя сущ. 3-го склонения.

Транспозиция придает М. категориальное значение знаменательной ЧР (значение предметности, действия, признака), в отдельных случаях – морфологические характеристики данной ЧР, но в целом морфонологический барьер между М. и классами всех иных ЧР оказывается практически непреодолимым.

Еще О. Есперсен привязал М. к прямой речи [42, с. 292], ср.: «В прямой речи, в отличие от косвенной, могут быть представлены приемы выразительности и эмоциональности (междометия, обращения, восклицательные и вопросительные предложения, модальные слова и т.д.)» [10, с. 276]. Это решение, в целом справедливое, нуждается, с учетом сказанного нами выше, в некотором уточнении относительно распределения М. и их транспозитивов по видам чужой речи: 1) в косвенной речи М. применяется только как член предложения, приближаясь в результате грамматического переосмысления к знаменательной ЧР и тем самым утрачивая свойства фразоида; 2) в прямой речи М. применяются и как фразоиды, и как члены предложения: *Ах, если бы вы только... если бы... Ужасно ненавижу эти «ахи»* (В.Я. Шишков. Угрюм-река, 1933). В транспозитивном употреблении экспрессивность М. нивелируется, ср.: а) М.: *Тут же из-за двери показывается охрана с тремя догами на коротком поводке – те рычат и капают слюной. Фас! Фас! – кричит босс* (В. Шевцов. Господа герильерос,

* По этой же причине не принимают форму 1 л. ед.ч. некоторые недостаточные глаголы, ср.: а) *сидеть – сижу*, но: *дудеть – *дужу* (форма не опознается как принадлежащая парадигме глагола *дудеть*); б) *будить – бужу*, но: *бузить – *бужу* (форма двусмысленна).

** На русском языке, иногда с интервокальной эпентезой *-j-*, произносится в пяти вариантах: а) в рейхлиновом чтении: *исполати / исполаети*; б) в эразмовом: *исполате / исполаете*; в) с апокопой: *исполать*.

*** Образец аналогичного переосмысления, но на примере имени сущ.: *Такси меня куда-нибудь, //туда, где весело и жуть* (А. Левин. Когда душа стрела и пела..., 1995). Субморф (морфонологически значимая концовка) *-и* в слове *такси* интерпретируется как суффикс императива (ср.: *вези*).

2013 / НК); б) субстантивный транспозит данного М.: *А если что не так, они собаке или змее говорят «фас» и – умирай* (Н. Коляда. «Мы едем, едем, едем в далекие края...», 1995 / НК), ср.: слово «фас».

2. Вопрос о частеречной специфике междометия

По мнению Н.И. Греча, М. «по справедливости может быть исключено из из числа частей рѣчи» [12, с. 12], ср.: а) «Вне системы частей речи находятся междометия» [26, с. 164]; б) «Прежде всего надо исключить из частей речи междометие. Как бы ни было велико значение междометия в речи, в нем есть что-то, что его обособляет от других частей речи, оно – явление другого порядка» [5, с. 114]. Л.В. Щерба в статье «О частях речи в русском языке» (1927) отграничил М. от всех иных ЧР на основании «полной синтаксической обособленности, отсутствия каких бы то ни было связей с предшествующими и последующими элементами в потоке речи», но при этом отметил: «Так как довольно многие слова употребляются или могут употребляться синтаксически обособленно, то категория междометий, будучи вполне отчетливой в ярких случаях, является в общем довольно расплывчатой. Например, будут ли междометиями *спасибо*, *наплевать* и т.д.?» [41, с. 67]. С этой точки зрения критерий синтаксической изолированности оказывается ненадежным. Как показано ниже, мысль Л.В. Щербы, равно как и замечание Ж. Вандриеса, верна, но требует иного обоснования. Критериями, определяющими своеобразие М. как ЧР, представляются: а) межуровневый характер (см. раздел 2.1); б) экспрессивность (раздел 2.2).

2.1. Междометие как тип высказывания

М. (в частности, междометные фразеологизмы типа *Слава богу! Вот тебе раз! Ух ты! Черт возьми!*) совмещает свойства, с одной стороны, слова или фразеологизма (т.е. единиц лексико-фразеологического уровня), с другой стороны, высказывания. В этом плане М. представляют собой разряд слов-предложений, или, в терминологии Л. Теньера, фразоидов [21, с. 351, ср.: 11, с. 85; 42, с. 307; 32, с. 113–114; 16, с. 733–734 / § 1704–1705]. В соответствии с трактовкой Н.Ю. Шведовой, М. обладает статусом высказывания (в его противопоставлении предложению как носителю определенной структурной схемы) или, говоря иначе, нечлененого предложения, ср.: «Простое предложение <...> имеет свои <...> грамматические характеристики. Оно образовано по <...> абстрактному грамматическому образцу (структурной схеме <...>), обладает своими языковыми значениями, формальными характеристиками, интонационной оформленностью <...>. В речи <...> простое предложение функционирует наряду с такими сообщающими единицами, которые не являются грамматическими предложениями <...>. В определенных условиях контекста или ситуации ту или иную информацию может передавать <...> интонационно оформленная отдельная словоформа или сочетание словоформ, частица, **междометие**, даже союз или предлог (в разг. речи: *Наконец-то!*; *Эге!*; *Откуда?*). Такую интонационно оформленную сообщающую единицу можно называть высказыванием» [38, с. 7 / § 1709]. Этой же парадигме принадлежит и мысль М.В. Панова: «Междометия <...> – эквиваленты предложений; они включают в себя предикативность» [26, с. 164]. Данный факт является, однако, основанием не для исключения М. из системы ЧР (например, вслед за Н.И. Гречем, Ж. Вандриесом и М.В. Пановым), а для выделения ему в этой системе особой позиции.

М., ввиду его равенства высказыванию, поддается рассмотрению с точки зрения теории речевых актов (РА), например: *Цыц! Фас! Гули-гули!* (директивы), *Так-так! / Ну-ну!* или *Так-так / Ну-ну* (РА осуждения, угрозы), ср.: *Ну-ну, – упрекнул его старшина и спрятал сухарь в карман* (В. Быков. Болото, 2001 / НК); *Бррр!* (эмотив), *Господи!* (вокатив), *Ей-богу* (перформатив), например: *Да ладно, мам, – миролюбиво сказала Людка. Разберемся, ей-богу* (В.Токарева. Своя правда, 2002 / НК), ср.: *Разберемся, обещаю*.

С обозначенной точки зрения сомнителен междометный статус выражений типа *толк*, *скок*, *хватъ* (так наз. глагольных междометий), поскольку они: а) не образуют фразоиды; б) выступают в роли сказуемого, т.е. члена предложения, что несовместимо с определением М.; в) взаимозаменяемы с формой СВ прошедшего времени глаголов: *толк* ↔ *толкнул*; г) представляют собой «глаголы с суффиксом *-ну-*, который не сохраняется* в прошедшем времени» [23, с. 127]. Уточним: формы типа *толк* – апокопированные варианты, образуемые только от глаголов 3-го словоизменительного класса, т.е. от «глаголов одноактного способа действия типа *прыгнуть*, *хлопнуть*, *трахнуть*, *цапнуть*» [16, с. 734 / § 1705], а значит, такие варианты целесообразно рассматривать как «глагольные формы» [23, с. 126] и отнести к сфере формообразования.

2.2. Экспрессивность междометия

Принято полагать, что М. как ЧР предназначено для выражения эмоций: «*Interiectio est pars orationis animi affectum significans*» [43, с. 75], ср.: М. есть ЧР, «страсть изображающая» (удивление, жалость, сетование, презрение, радость, страх и др.), а также волеизъявление (например, повеление молчать: *Цыц!*) [29, с. 370–372]. В соответствие экспрессивной функции М. поставлены и в схеме К. Бюлера [4, с. 34].

Критерий экспрессивности не является жестким, поскольку М. могут быть произнесены без эмоций, ср.: а) *Брысь!!* – *вдруг рывкнул кот, вздыбив шерсть* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1940); б) *Брысь*, – *сказал я, выгоняя ее с кресла* (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона, 1997 / НК); в) *Я потерялся еще более, с излишней горячностью и изысканностью воскликнул: «Ах, простите, ради бога!»* (И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева, 1933); г) – *Ах*, – *так же ласково шепнула Марина* (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве, 1994 / НК). А.М. Пешковский полагает, что М. образуют восклицательные предложения [27, с. 394]; по данному критерию не являются М., например, интеррогативы *А?* и *Ась?*, трактуемые то как М. (например: [8, с. 621; 10, с. 426]), то как частицы (например: [13, с. 170]). С этой точки зрения все М. пришлось бы считать эсclamативами, однако есть М., которые экспрессивны, но при этом могут использоваться без восклицания, например: а) РА, выражающие угрозу (менасивы *Так-так*, *Ну-ну*); б) М. *Ага*, выражающее, согласно трактовке И.А. Шаронова, эмоцию неожиданного осознания, озарения: *Ага, понял* [36, с. 76–77] и др.

В целом же М. подчинены экспрессивной функции и тяготеют к восклицательности. С этой точки зрения сомнение в принадлежности к М. вызывают:

1. Этикетные междометия [8, с. 621; 16, с. 733 / § 1704]: *мерси*, *спасибо*, *извините*, *здравствуйте*, *до свидания*, *пожалуйста*, *пока* и др. Думается, что этикет подчинен скорее фатической функции, чем экспрессивной. Здесь, видимо, следует принять во внимание позицию Е.В. Клобукова, полагающего, что такие выражения, будучи «речевыми действиями» (т.е. фразоидами), тем не менее «ничуть не экспрессивны и потому <...> не имеют ничего общего с собственно междометиями» [15, с. 85].

2. Звукоподражание, которое может быть включено в разряд М.: а) как гибриды слова и РА; б) как неизменяемое слово [16, с. 734 / § 1705]. Иного мнения придерживался Л.В. Щерба: «Само собой разумеется, что так называемые звукоподражательные *мяу-мяу*, *вау-вау* и т.п. нет никаких оснований относить к междометиям» [41, с. 67; ср.: 17, с. 257]. В поддержку этой позиции приведем тот факт, что звукоподражание, в отличие от М.: а) имитирует неязыковые звуки посредством фонематических средств языка; б) тем самым, как известно, подчинено изобразительной функции; в) не всегда экспрессивно, т.е. у звукоподражаний иное назначение в языке.

Итак, в своем прямом значении М. представляет собой гибриды слова и эмоционально-волевого речевого акта, принадлежащего прямой речи. По этим признакам М. проти-

* Точнее, апокопируется: *толк* < *толкнул* (3-й словоизменительный класс). Не сохраняется суффикс *-ну-* в форме прош. времени у глаголов 4-го словоизменительного класса, ср.: *иссяк* < устар. *иссякнул*, например: *Ужель иссякнули всех радостей струи?* (В.А. Жуковский. Вечер, 1806). – В.М.

востоит частицам, например: а) утвердительной *да* и отрицательной *нет*, которые выступают как фразоиды, но не предназначены для выражения экспрессии; б) указательной *вон*, которая не является фразоидом и не обязательно экспрессивна (ср.: *Вон туда идите* и *Вон отсюда!*) и т.д.

2.2.1. Фоника междометия как экспрессивной единицы

Экспрессивностью М. обусловлены не только наклонность его к повторам (*Ну и ну!*), в частности редупликации, полной (*Так-так...*) или частичной (*Ого-го! Улюлю!*), но и особое невербальное сопровождение, *inter alia* фоника:

1. Эмфатическое удлинение: *Ау!* [ау:], *О-о-о!* [о:]. В.В. Вейдле пишет о М. у: «Так и хочется “выразительно” удвоить это “у” на манер обычного в разговоре: “у-у, какой мороз!”» [7, с. 145], ср.: *У-у-у!* – *протянул Ионис. Куда ты загнул!* (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь, 2004 / НК). И с удлинением [ʔау:], и без [ʔо] возможен твердый приступ (гортанная смычка, Knacklaut).

1.1. Эмфаза удлиняет не только гласные, но и согласные: *Бо[ж:]е мой!* У[р:]а! Удлиненный согласный может принять на себя функцию слогаобразующего звука. Так, в М. *кс-кс-кс* «три слога, хотя все звуки глухие; слоговым здесь является звук [с]» [18, с. 98]. Г.О. Винокур отмечает: «В “Борисе Годунове” Пушкина [1825] есть стих, в котором, как показывает мера стиха (т.е. пятистопный ямб. – *В.М.*), целый слог образуется протянутым фрикативным согласным *ш*:» [9, с. 41]: *Молчать! молчать! Дьяк думный говорит; // Ш-ш – слушайте! Собором положили // В последний раз отведашь силу просьбы.* Ср.: *Гм! гм! Читатель благородный, // Здорова ль ваша вся родня?* (А.С. Пушкин Евгений Онегин, 1831). Взрывные согласные при эмфазе произносятся импловивно, с внутрисловной паузой, создающей эффект удлинения: *Ба[ʔ|т]юшки!*

1.2. М. – единственный класс слов, где возможен литературный [γ] не церковнославянского происхождения (назовем его эмфатическим γ), ср.: фрикативный [γ] допускается «в некоторых междометиях», например, «эге, ага, ого, ей богу, господи и пр.» [24, с. 117]. Дело, видимо, в том, что фрикативные звуки, в отличие от взрывных, тянутся, ср.: фрикативный [γ] «качеством похож на г, но только его можно протянуть» [33, с. 39; 1, с. 80]; именно поэтому он может выступать основой для эмфатического ударения: *γ:]осподи! о[γ:]о! ей бо[γ:]у!*

2. Инспирация: так, например, произносится М. *aaa*, выражающее крайнюю степень удивления или испуга, одиночный инспираторный [ц] выражает неудовольствие. Л.Р. Зиндер отмечает, что инспираторное произношение «свойственно взволнованной речи», что «в русском языке “ой, ой!” или “да!”, выражающие удивление или сожаление, нередко произносятся на вдохе» [14, с. 113, с. 118]; по наблюдению М.В. Панова, «при всасывании воздуха» произносится М. *ц-ц-ц...*, выражающее сожаление [25, с. 39] (шелкающий инспират); И.А. Шаронов указывает на «вдыхательный» звук *Фф* [34, с. 7] (который также может выражать неудовольствие).

3. Громкость (*Алло! Ау! Эй! Ура! Вон отсюда!*), зачастую риторически усиленная* (при декламации, а также в публичной и ораторской речи): *А Разин громко говорит, махая рукою: – Гой ты, Волга-матушка, река великая!* (А.Е. Зарин. Кровавый пир, 1901 / НК); *Он чокнулся с малярами, воскликнув: Ах ты, гой еси... Или что-то в этом роде* (С. Довлатов. Иная жизнь 1984 / НК).

4. М. представляют собой, как правило, силлабически краткие единицы (на что указал еще Квинтилиан), поскольку длина слова и его экспрессивность обратно пропорциональны [11, с. 5]. Давно замечено, что в стихотворной форме речи активизированы короткие слова [47, с. 73–76], в частности М., здесь они традиционно применяют-

* А. Вежицкая отмечает, что по сравнению с английскими «все польские междометия <...> воспринимаются как “громкие” и риторические» [6, с. 642].

ся в роли втычек*, – на правах ритмической [45, с. 50 / VIII, 2: 15] и, добавим, рифменной вольности, что irrelevantно для античной поэтики, не знавшей рифмы, но значимо для русской, ср.:

*Емче органа и звонче бубна
Молвь – и одна для всех:
Ох, когда трудно, и ах, когда чудно,
А не дается – эх!
Ах с Эмпиреев и ох вдоль пахот,
И повинись, поэт,
Что ничего кроме этих ахов,
Охов у Музы нет.*

М.И. Цветаева. Емче органа и звонче бубна... (1924)

Как видим, экспрессивно (а значит, и стилистически) значимы оказываются не только суперсегментные (см. пункты 1–3), связанные с риторическим каноном *astio*, но и сегментные (см. пункт 4) характеристики М.

3. Свойства междометия, обусловленные его гибридным характером

Как гибрид слова и речевого акта М. имеет свойства двух типов:

1. С одной стороны, как единицы лексического уровня:

1.1. М. могут играть роль производящих единиц, что значимо, в частности, для процедуры (2.2), например: М. *ах* → имя сущ. *ах* (субстантивный транспозит, ср.: *ахи* и *охи*); *ах* → *аховый*, *ах* → *ахнуть*, *ау* → *аукать*, *ату* → *атукать*.

1.2. М. могут быть производны, таковы вторичные М., например: а) *дудки!* ← имя сущ. *дудка* (через лексикализацию формы мн. ч.); б) *уть-уть* или *ути-ути* ← разг. имя сущ. *утя*, ср.: *Ути, ути, ути! Цып, цып, цып! Мои вы птички дорогие! А ути и цыпы просто в крик от радости* (Д. Матиаш. Родная сторона, 2019) – через лексикализацию формы вокатива (*уть* ← *утя*, ср.: *Тань* ← *Таня*); в) *тиши!* ← компаратив *тише* (через синкопу и апокопу); г) воен. *товьсь!* ← императив *готовься!* (через аферезис и апокопу); д) *Вот ведь как!* ← фразеосхема *Вот ведь как бывает / получается* (через эллипсис) [35, с. 328], *Бригада – ух!* ← фразеосхема *Бригада – ух* *какая сильная / замечательная* [34, с. 12]. М. может иметь интертекстуальную основу: так, междометный фразеологизм *Але, гараж!* восходит, по наблюдению В.И. Супруна, к кинофильму «Волга-Волга» (1938), «в котором начальник управления мелкой кустарной промышленности г. Мелководска Иван Иванович Бывалов командным голосом произносит по телефону фразу: “Але, гараж? Заложите кобылу!”» [30, с. 17].

1.3. Директивные М., сближаясь с императивом, заимствуют его морфологическое оформление: а) аффикс *-те*: *Брысьте!* *Цыците!* *Полноте!* *Нате!* *Нуте!*, ср.: *Кышите, девки, тресни, лед! // Рать могучая идет!..* (М. Семенова. Братья, 2015); *Долойте парки! Неба плуги // По ровени травы проежьте* (Л. Данильцев. Неведомый дом, 1990); б) формообразующую частицу *-ка*: *на-ка*, устар. *тпру-ка*, *чу-ка*; и то и другое: *нате-ка*. Такая адаптация «роднит их с глаголами» [37, с. 507], т.е. связывает с категорией наклонения.

2. С другой стороны, как речевой акт М. способно приобретать некоторые синтагматические характеристики. Рассмотрим их источники.

2.1. М. нередко принимают синтагматику синонимичного ему предиката: *Брысь (вон, кыш) отсюда!* ← *Иди отсюда!* *Марш домой!* ← *Иди домой!* *Айда гулять!* ← *Пойдем гулять!* *Тьфу на тебя!* ← *Плевать я хотел на тебя!* *Чур меня!* ← *Не трожь меня!* *На ручку!* ← *Возьми ручку!* *Ату его!* ← *Бей его!* *Дудки тебе!* ← *Ничего не дам тебе!* *Ис-*

* Втычка, или параплерома [греч. *παράπληρομα* ‘заполнитель пустот’] – вставка краткого, как правило, односложного неполнозначного слова, используемая на правах метрической вольности, т.е. «красоты и ритма ради» [49, с. 721 / X: 5–6], например: *Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники // С милого севера в сторону южную* (М.Ю. Лермонтов. Тучки небесные, вечные странники..., 1840).

полать тебе! ← Многих лет <желаю> тебе! Увы / Ахти мне! ← Горе мне! Ср.: *Ахти мне, дуре старой, повела заморыша в лес, дышал он там, в своей больнице, всякой пакостью, а тут – дух чистый, лесной, непривычный* (В. Кунгурцева. Похождения Вани Житного, или Волшебный мел, 2007 / НК). М. способно присоединять не только «именные, а еще чаще местоименные объекты» (*ну тебя! ату его!*) [8, с. 620], но и придаточное предложение: а) *Ну, исполать вам, что заботитесь о нашем Сергее Павловиче, он друг моего сына, друг нашего дома, а мое желание, чтобы он стал еще ближе* (Н. Гейнце. Самозванец, 1898); б) *Увы, если выскажусь, и увы, если замолчу!* (Н. Переферкович*. Талмуд: его история и содержание, 1897). Эту особенность М. заметил Присциан: «Слово *pro* используется и как предлог, и как междометие». Как предлог: *pro maiestate tuorum* ‘ради твоего величия’, как М.: *Pro, si remeasset in urbem!* ‘Увы, если вернется он в город!’ [Марк Анней Лукан. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне, III: 653; ок. 65 г. н.э.] [44, с. 91 / XV: 42]. М. *pro* (= *горе* <нам>) присоединяет придаточное условное, само же функционирует как главное предложение.

2.2. М. ассоциируется не только с «именным и местоименным объектом», но и с субъектом (ср.: *Наш департамент – ау*), что наглядно проявляется при переводе прямой речи в косвенную, предполагающем замену М. отмеждометным производным: Катерина (вскрикивает). *Ах!* (А.Н. Островский. Гроза, 1859) → *Катерина ахнула*. С этой точки зрения дискуссионный стих *Татьяна ах! а он реветь* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин, 1831): а) представляет собой эллиптированную конструкцию с прямой речью: *Татьяна вскрикивает: «Ах!»*; б) при переводе в косвенную речь предполагает замену М. отмеждометным глаголом без восклицания: *Татьяна ахнула*. Возможна трактовка слова *ах* и как «глагольного междометия» (в записи Н.Ю. Шведовой: *Татьяна ах!, а он реветь*) [40, с. 565; ср.: 34, с. 12], но в этом случае стих должен принять форму без восклицания (т.е. косвенной, а не прямой речи): *Татьяна ах, а он реветь*.

2.3. М. участвует в образовании фразеосхем, тем самым обретая грамматическую значимость [39, с. 313–324], например: *Ах ты / он мошенник (мерзавец / негодяй)!* По мысли Ф.И. Буслаева, М. «*о, эй, усиливающая восклицание, отъ звательнаго падежа не отдѣляются; например, „о ты!“, „эй пріятель!“*» [3, с. 105], т.е. образуют с ним единый комплекс, своего рода фразеосхему.

С учетом фактов (2.1–2.3) трудно без оговорок и уточнений принять в целом справедливое мнение, согласно которому М. «не обладают <...> синтаксическими свойствами» [22, с. 402, ср.: 27, с. 411], что означает его «полную синтаксическую обособленность, отсутствие каких бы то ни было связей с предшествующими и последующими элементами в потоке речи» [41, с. 67].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В прямом значении (как эмоционально-волевая реакция адресанта на действительность) М. выступает как слово-предложение (фразоид) и принадлежит прямой речи. В этом значении М. выражает эмоции и волеизъявления, но не обозначает их, т.е. лишено номинативной функции, поэтому: а) не может выступать в роли члена предложения; б) не является знаменательной ЧР.

1.2. Стать членом предложения и приобрести свойства знаменательной ЧР М. может только в результате грамматического переосмысления, происходящего при переносах: а) метонимическом: *грянуло ура* ‘крик ура’ (имя сущ.); б) метафорическом: *наш департамент – ау* ‘пропал <как человек в лесу>’ (глагольный смысл). В транспозитивном употреблении М. экспрессивность М. нивелируется, свойства фразоида утрачиваются. Словоизменение междометных транспозитов затруднено их морфонологическими свойствами.

* В русской филологической традиции известен под псевдонимом Н. Абрамов.

1.3. По видам чужой речи М. и их транспозиты распределяются следующим образом: а) в косвенной речи М. применяются только как члены предложения; б) в прямой речи М. – и как фразоиды, и как члены предложения.

2. Критериями, определяющими своеобразие М. как ЧР, являются: а) межуровневый характер как слова-предложения; б) экспрессивность. С этой точки зрения целесообразно вывести из состава М.: а) глагольные М., поскольку они не образуют фразоиды и выступают в роли сказуемого, т.е. члена предложения, что несовместимо с определением М.; б) этикетные М., поскольку этикет подчинен фатической, но не экспрессивной функции; в) звукоподражания, которые подчинены изобразительной, но не экспрессивной функции.

3. Экспрессивностью М. обусловлены не только склонность его к повторам, в частности полной или частичной редупликации, но и особая фоника: а) эмфатическое удлинение; б) инспирация; в) громкость, зачастую риторизированная; в) краткость, отсюда активное применение М. в стихотворной форме речи в роли втычек, т.е. на правах ритмической вольности.

4. Как гибрид слова и речевого акта М. имеет свойства двух типов:

1. Как единицы лексического уровня: а) М. могут играть роль производящих единиц: *ax* → *ax* (субстантивная транспозиция, отсюда возможность склонения: *axи* и *oxи*); *ax* → *axнуть*; б) могут быть производными единицами: *дудки!* ← имя сущ. *дудка* (через лексикализацию формы мн. ч.); в) директивные М., сближаясь с императивом, заимствуют его морфологическое оформление: аффикс *-те* (*Брысьте!*) и формообразующую частицу *-ка*: *на-ка*.

2. Как речевой акт М. способно приобретать некоторые синтагматические характеристики. Так, при переводе прямой речи в косвенную М. регулярно заменяется синонимичным предложением с глаголом или предикативом в роли сказуемого, в результате чего принимает синтагматику синонимичного предиката: *Брысь отсюда!* ← *Иди отсюда!* *Увы мне!* ← *Горе мне!* и др.

3. В своем прямом значении М. должно: а) принадлежать системе ЧР – как слово; б) стоять в системе ЧР отдельно – как гибрид слова и эмоционально-волевого речевого акта, принадлежащего прямой речи.

Список литературы

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 5-е изд. М.: Просвещение, 1972.
2. Алпатов В.М. О разных подходах к выделению частей речи // Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 37–46.
3. Буслев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. 5-е изд. [1881]. М.: Учпедгиз, 1959.
4. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993.
5. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. 2-е изд., стер. М.: УРСС, Эдиториал УРСС, 2001.
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999.
7. Вейдле В.В. Эмбриология поэзии. Статьи по поэтике и теории искусства. М.: Языки славянской культуры, 2002.
8. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001.
9. Винокур Г.О. Русское сценическое произношение. М.: Всерос. театр. об-во, 1948.

10. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Синтаксис. М.: Учпедгиз, 1958.
11. Германович А.И. Междометия русского языка. Пособие для учителя. Киев: Рад. школа, 1966.
12. Греч Н.И. Пространная русская грамматика. 2-е изд., испр. Т. 1. СПб.: Тип. издателя, 1830.
13. Диброва Е.И. Словарь языка Михаила Шолохова. М.: Азбуковник, 2005.
14. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1979.
15. Клобуков Е.В. Аналитические глаголы в русском языке // Жизнь языка. Сб. ст. к 80-летию М.В. Панова / Отв. ред. С.М. Кузьмина. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 77–87.
16. Кручинина И.Н. Междометие // Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1980. С. 731–735.
17. Кунгуров Р.К., Тихонов А.Н. Изобразительные слова как самостоятельная часть речи // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов / Под ред. В.М. Жирмунского и О.П. Суника. Л.: Наука, 1968. С. 254–258.
18. Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В. Современный русский язык / Под ред. П.А. Леканта. 5-е изд. М.: Юрайт, 2015.
19. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389–578.
20. Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981.
21. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978.
22. Милославский И.Г. Учение о частях речи // В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. С. 393–403.
23. Панов М.В. Лингвистика и преподавание русского языка в школе. М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014.
24. Панов М.В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 103–136.
25. Панов М.В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967.
26. Панов М.В. Русский язык // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 151–164.
27. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2001.
28. Поспелов Н.С. Соотношение между грамматическими категориями и частями речи (на материале современного русского языка) // Вопросы грамматического строя / Ред. кол.: В.В. Виноградов и др. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 74–91.
29. Смотрицкий М. Граццатикѣ Славѣнска прѣвилное сѣнтагма. Евьє: Тип. Братская, 1619.
30. Супрун В.И. Заимствованные междометия в русском языке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46. № 1. С. 13–19.
31. Тарелкина Т.И. Интегративный подход к изучению междометий // Интерактивные и интегративные методы современной филологии: материалы Международной научной конференции, г. Москва, 18 – 19 сентября 2017 г. М.: МПГУ, 2017. С. 81–89.
32. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
33. Ушаков Д.Н. Краткое введение в науку о языке. М.: Юрайт, 2021.
34. Шаронов И.А. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
35. Шаронов И.А. Вот ведь и надо же! Путь от конструкции к вторичному междометию // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 4 (22). С. 325–334.
36. Шаронов И.А. Когнитивные междометия: проблемы выявления и описания // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 71–88.
37. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: УРСС, 2001.
38. Шведова Н.Ю. Введение // Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1980. С. 5–12.
39. Шведова Н.Ю. Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи // Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы. М.: Языки слав. культуры, 2005. С. 313–324.

40. Шведова Н.Ю. Опыт описания типов сообщения в опоре на дейктические единицы языка // Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы. М.: Языки слав. культуры, 2005. С. 562–586.
41. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Ред. М.И. Матусевич. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63–84.
42. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. London & New York, 1968.
43. Marii Victorini. Ars grammatica // Rei grammaticae. Basileae, 1527. P. 63–76.
44. Prisciani Institutionum grammaticarum / Ex rec. M. Hertzii. Vol. 3. Lipsiae, 1859.
45. Quintiliani M.F. Institutionis oratoriae libri duodecim / Rec. E. Bonnel. Vol. 1. Lipsiae, 1884.
46. Quintiliani M.F. Institutionis oratoriae libri duodecim / Rec. E. Bonnel. Vol. 2. Lipsiae, 1884.
47. Sturtevant E.H. On the frequency of short words in verse // Classical weekly. 1921. Vol. 15. P. 73–76.
48. Varro. On the Latin language. Vol. 2. Books VIII–X. London & Cambridge, 1938.
49. Ἀνωνύμου Περί ποιητικῶν τρόπων // Rhetores graeci / Emend. Ch. Walz. Vol. VIII. Stuttgartiae et al., 1835. P. 714–725.

* * *

1. Avanesov R.I. Russkoe literaturnoe proiznoshenie. 5-e izd. M.: Prosveshchenie, 1972.
2. Alpatov V.M. O raznyh podhodah k vydeleniyu chastej rechi // Voprosy yazykoznanija. 1986. № 4. S. 37–46.
3. Buslaev“ F.I. Istoricheskaya grammatika russkago yazyka. Sintaksis“. 5-e izd. [1881]. M.: Uchpedgiz, 1959.
4. Byuler K. Teoriya yazyka. Reprezentativnaya funkciya yazyka. M.: Progress, 1993.
5. Vandries Zh. Yazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriyu. 2-e izd., ster. M.: URSS, Editorial URSS, 2001.
6. Vezhbickaya A. Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999.
7. Vejdle V.V. Embriologiya poezii. Stat'i po poetike i teorii iskusstva. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002.
8. Vinogradov V.V. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove / Pod. red. G.A. Zolotovoj. 4-e izd. M.: Russkij yazyk, 2001.
9. Vinokur G.O. Russkoe scenicheskoe proiznoshenie. M.: Vseros. teatr. ob-vo, 1948.
10. Gvozdev A.N. Sovremennij russkij literaturnyj yazyk. Sintaksis. M.: Uchpedgiz, 1958.
11. Germanovich A.I. Mezhdometiya russkogo yazyka. Posobie dlya uchitelya. Kiev: Rad. shkola, 1966.
12. Grech N.I. Prostrannaya russkaya grammatika. 2-e izd., ispr. T. 1. SPb.: Tip. izdatelya, 1830.
13. Dibrova E.I. Slovar' yazyka Mihaila Sholohova. M.: Azbukovnik, 2005.
14. Zinder L.R. Obshchaya fonetika. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Vysshaya shkola, 1979.
15. Klobukov E.V. Analiticheskie glagoly v russkom yazyke // Zhizn' yazyka. Sb. st. k 80-letiyu M.V. Panova / Otv. red. S.M. Kuz'mina. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. S. 77–87.
16. Kruchinina I.N. Mezhdometie // Russkaya grammatika. T. 2. M.: Nauka, 1980. S. 731–735.
17. Kungurov R.K., Tihonov A.N. Izobrazitel'nye slova kak samostoyatel'naya chast' rechi // Voprosy teorii chastej rechi. Na materiale yazykov razlichnyh tipov / Pod red. V.M. Zhirmunskogo i O.P. Sunika. L.: Nauka, 1968. S. 254–258.
18. Lekant P.A., Dibrova E.I., Kasatkin L.L., Klobukov E.V. Sovremennij russkij yazyk / Pod red. P.A. Lekanta. 5-e izd. M.: Yurajt, 2015.
19. Lomonosov M.V. Rossijskaya grammatika // Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij. T. 7: Trudy po filologii. 1739–1758. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 389–578.
20. Maslov Yu.S. Grammatika bolgarskogo yazyka. M.: Vysshaya shkola, 1981.
21. Meshchaninov I. I. Chleny predlozheniya i chasti rechi. L.: Nauka, 1978.
22. Miloslavskij I.G. Uchenie o chastyah rechi // V.A. Beloshapkova, E.A. Bryzgunova, E.A. Zemskaya i dr. Sovremennij russkij yazyk / Pod red. V.A. Beloshapkovoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Vysshaya shkola, 1989. S. 393–403.
23. Panov M.V. Lingvistika i prepodavanie russkogo yazyka v shkole. M.: Fond razvitiya fundamental'nyh lingvisticheskikh issledovanij, 2014.

24. Panov M.V. O stilyah proiznosheniya (v svyazi s obshchimi problemami stilistiki) // Panov M.V. Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku. T. 1. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. S. 103–136.
25. Panov M.V. Russkaya fonetika. M.: Prosveshchenie, 1967.
26. Panov M.V. Russkij yazyk // Panov M.V. Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku. T. 1. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. S. 151–164.
27. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii. 8-e izd. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001.
28. Pospelov N.S. Sootnoshenie mezhdru grammaticheskimi kategoriyami i chastyami rechi (na materiale sovremennogo russkogo yazyka) // Voprosy grammaticheskogo stroya / Red. kol.: V.V. Vinogradov i dr. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. S. 74–91.
29. Smotrickij M. Γραμματικῆ Slavénskija právilnoe svntarma. Ev'e: Tip. Bratskaya, 1619.
30. Suprun V.I. Zaimstvovannye mezhdometiya v russkom yazyke // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. T. 46. № 1. S. 13–19.
31. Tarelkina T.I. Integrativnyj podhod k izucheniyu mezhdometij // Interaktivnye i integrativnye metody sovremennoj filologii: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 18 – 19 sentyabrya 2017 g. M.: MPGU, 2017. S. 81–89.
32. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. M.: Progress, 1988.
33. Ushakov D.N. Kratkoe vvvedenie v nauku o yazyke. M.: Yurajt, 2021.
34. Sharonov I.A. Mezhdometiya v yazyke, v tekste i v kommunikacii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2009.
35. Sharonov I.A. Vot ved' i nado zhe! Put' ot konstrukcii ko vtorichnomu mezhdometiyu // Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 2019. № 4 (22). S. 325–334.
36. Sharonov I.A. Kognitivnye mezhdometiya: problemy vyyavleniya i opisaniya // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. 2008. № 2 (16). S. 71–88.
37. Shahmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka. 3-e izd. M.: URSS, 2001.
38. Shvedova N.Yu. Vvedenie // Russkaya grammatika. T. 2. M.: Nauka, 1980. S. 5–12.
39. Shvedova N.Yu. Mezhdometiya kak grammaticheski znachimyj element predlozheniya v russkoj razgovornoj rechi // Shvedova N.Yu. Russkij yazyk. Izbrannye raboty. M.: Yazyki slav. kul'tury, 2005. S. 313–324.
40. Shvedova N.Yu. Opyt opisaniya tipov soobshcheniya v opore na dejkticheskie edinicy yazyka // Shvedova N.Yu. Russkij yazyk. Izbrannye raboty. M.: Yazyki slav. kul'tury, 2005. S. 562–586.
41. Shcherba L.V. O chastyah rechi v russkom yazyke // Shcherba L.V. Izbrannye raboty po russkomu yazyku / Red. M.I. Matusевич. M.: Uchpedgiz, 1957. S. 63–84.

Interjection as the subject of grammatical analysis

The volume and content of the concept of interjection, the systemically important characteristics of interjection as a part of speech and the mechanisms and results of its grammatical reinterpretation are considered. On this basis its role in the system of parts of speech of the Russian language is specified.

Keywords: *interjection, grammar, part of speech, transposition, morphophonology.*

(Статья поступила в редакцию 27.12.2025).

О.С. ХЛЫНОВА

Волгоград

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ ЭРГОНИМОВ С ИНОЯЗЫЧНЫМИ
ЭЛЕМЕНТАМИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ
НОМИНАЦИИ**

Обсуждается проблема целесообразности использования иноязычных вкраплений при создании названий коммерческих предприятий. Иноязычные вкрапления приводят к нарушению основных функций эргонимов в современном русском языке.

Ключевые слова: *оним, английские заимствования, эргоним, аттрактивная функция, языковая игра, номинатор, коммерческая номинация.*

В первой половине XX в. ономастику стали рассматривать как самостоятельную научную дисциплину. При этом ученые включили в изучаемый предмет помимо лингвистического компонента исторический, социологический и этнографический аспекты, что позволило подчеркнуть специфику и традиции наименования тех или иных объектов [7].

Называя как реальные, так и вымышленные объекты, имена собственные составляют ономастическое пространство любого языка. По мнению В.И. Супруна, ономастическое пространство – это именной континуум, существующий в представлении людей разных культур и в разные эпохи заполненный по-разному. В сознании отдельного человека ономастическое пространство присутствует фрагментарно, выявляясь достаточно полно лишь при специальном исследовании [8].

В современном русском языке выделяют группы имен собственных в зависимости от называемых объектов. Наиболее частотны такие группы онимов, как *гемеронимы* (названия СМИ), *прагматонимы* (наименования ряда бытовых товаров), *порейонимы* (названия транспортных средств), *эргонимы* (наименования коммерческих объединений).

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской термин *эргоним* трактуется как имя собственное для номинации делового объединения людей (от греч. *εργον* ‘дело, труд; деятельность’). С точки зрения Н.В. Подольской, эргонимы занимают промежуточное положение между коммерческими и некоммерческими номинациями [5].

В нашей статье под эргонимами понимаются наименования учреждений, которые преследуют коммерческие цели и получение материальной прибыли. В зависимости от именуемого объекта эргонимы могут представлять собой названия торговых учреждений и предприятий сфер обслуживания.

Изучение имен собственных с иноязычными элементами (наиболее частотными являются англицизмы) в современном русском языке становится особенно значимым, т.к. на данном этапе языкового развития иноязычные заимствованные лексемы составляют значительный сегмент русского ономастического пространства. Помимо перехода заимствованных апеллятивов в имена собственные, наблюдается создание искусственных окказиональных имен на почве языка-реципиента.

Среди ученых-лингвистов установилась точка зрения, что в конце XX–начале XXI вв. сложился ряд доминирующих экономических, социальных, политических и культурных факторов, которые способствовали интенсификации процесса заимствования и лексико-грамматической адаптации иноязычных лексем в принимающем языке. Смена языкового влияния, при которой английский язык приобретает статус международного общения (или *Lingua franca*), появление глобальной сети Интернет, а также разработка компьютерных технологий послужили определенным спусковым крючком интенсивного использования англицизмов в различных сферах деятельности современного человека.

К доминирующим тенденциям, свойственным языковой ситуации в области коммерческой номинации, относится появление имен собственных с иноязычными (английскими) элементами. По мнению А.И. Дьякова, англицизмы в составе онимов имеют ряд преимуществ по сравнению с исконными синонимами русского языка, одним из которых является так называемый «маркер престижности» в определенных социальных сферах [2].

Нередко в своем стремлении к более эффективному воздействию на целевую аудиторию номинаторы современных коммерческих объектов следуют правилу так называемой «языковой игры». Этот термин использовался Людвигом Витгенштейном и предполагает эффект яркости и необычности того или иного онима [1].

Анализ различных эргонимов крупных городов России показывает, что в качестве названий английские лексеммы предпочитают около 60% номинаторов, а в рамках языковой игры оказывается большое число графических, фонетических и лексико-семантических приемов.

Рассмотрим три основных вида коммерческих наименований Волгограда, в составе которых встречаются английские вкрапления:

– транслитерированные эргонимы (Смайл – кафе; Хелп – магазин для малоимущих граждан; ПАРКХАУС – торгово-развлекательный центр; Форвард – магазин товаров для салонов красоты; Стримлайн – инвестиционная компания; Драйв – автошкола; Стади – учебный центр; Санлайт – магазин бижутерии и т.п.);

– нетранслитерированные эргонимы (Dress Code – магазин женской одежды; NewsPub – ресторан-клуб; COZY – сеть магазинов товаров для дома; Customcoffee – кофейня; TravelHouse – хостел; SunFashion – салон оптики; Step – магазин детской обуви; DogStyle – салон-магазин для животных; Trade-in – пункт продажи подержанных автомобилей; Splash – автомойка; PickPoint – сеть автоматизированных пунктов выдачи товаров);

– эргонимы со смешанным графическим оформлением (Friend-кафе; Sweet Мама – магазин для беременных; АссольProfessional – центр пластической хирургии; BabyТОП – магазин детской обуви; Печать Press – типография; Fishхаус – рыбный магазин; Кофе In – сеть кофеен; Вееллога – пивной бар; Блинberry – блинная; Забава-New – агентство по проведению развлекательных мероприятий).

В рамках языковой игры и моды на иноязычную орфографию номинаторы используют различные приемы, среди которых наиболее частотными являются

– графические выделения части эргонима, например: КамСНАТка – название компьютерного клуба (от англ. *chat* ‘чат, беседа, разговор’), Золотая FISHка – название пивбара (от англ. *fish* ‘рыба’);

– окказиональные номинации, например: Пирогоffка – кондитерская, DasКолбас – кафе быстрого питания, банк Тиньkoff;

– обыгрывание на фонологическом уровне звукового сходства лексем разных языков, например: ЧисТЕАМ – название клиринговой компании (от англ. *team* ‘команда’), Вееллога – название пивбара (от англ. *beer* ‘пиво’ и англ. *bear* ‘медведь’).

Вероятно, использование ряда подобных приемов продиктовано желанием номинаторов коммерческих объектов привлечь внимание потенциального потребителя за счет изменения фонетического и графического статуса знакомых слов родного языка. Подобные эргонимы представляют несомненный интерес с лингвистической точки зрения, позволяя проследить изменения способов номинации коммерческих объектов. Однако, с точки зрения функциональной направленности, при создании подобных названий с непрозрачной этимологией нарушается принцип эффективной коммуникации между номинатором объекта и потенциальным реципиентом.

Будучи именами собственными, эргонимы выполняют ряд функций, свойственных данному классу онимов.

Выделяя определенные функции коммерческих наименований, а именно, номинативно-выделительную (назывную), информативную, рекламную, мемориальную, эстетическую и функцию охраны собственности, А.М. Емельянова полагает, что информативная функция является приоритетной, т.к. именно информация играет главную роль при реализации товаров или услуг [3]. Так, информативная функция доминировала при создании эргонимов конца XIX в. (ср.: Магазин шелковых, шерстяных товаров).

В советское время, когда названия коммерческих объектов были однотипными, адресат понимал, за каким товаром или услугой он направляется в магазины «Дары моря», «Молоко», «Мебель», «Автомобильный» или в кафе «Сладкоежка». Значительная часть онимов оказывалась вовлеченной в процесс идеологизации, результатом чего явились ономастические штампы. Подобные коммерческие предприятия были государственными и не являлись между собой конкурентами [4].

По мнению М.Г. Курбановой, количество функций эргонимов постоянно меняется, и ряд современных ученых к уже имеющимся, относят психологическую и аттрактивную, которые тесно связаны между собой и восходят к рекламной функции коммерческой номинации [4]. Специалисты полагают, что «с психологической функцией можно сопоставить и основную функцию эргонимов – аттрактивную, которая заключается в том, чтобы позволить отличить конкурентную компанию, услугу или изделие от конкурирующих, т.е. сделать их легко распознаваемыми» [6]. С аттрактивной функцией эргонима, по мнению современных номинаторов, связана перспективная деятельность коммерческого предприятия, а именно, его успех среди ему подобных организаций не только внутри страны, но и на международном уровне.

Глобализация в сфере экономики, позиционирование товара того или иного коммерческого предприятия как востребованного на мировом рынке, а также стремление российских производителей увеличить узнаваемость иностранными потребителями, являются причинами использования иноязычных лексем в эргонимах. Одним из ярких примеров подобного наименования является название Волжского шинного завода – Волтайр-Пром. В данном примере специалисты в сфере нейминга учли функцию языковой экономии, а также включили в состав эргонима транслитерированную английскую лексему, подчеркивающую специфику деятельности предприятия (англ. *tire* ‘шина’). Однако подобный пример является скорее исключением из правил удачной номинации коммерческих объектов. В противном случае мы бы не видели на улицах городов рекламное агентство «Раутина», столовую «BAZАрчик» или салон красоты «МОЛОКО». Владельцы подобных коммерческих предприятий, отдавая предпочтение английским вкраплениям – которые, по их мнению, являются более престижными и привлекательными для целевой аудитории, – создают немотивированные эргонимы, редко соотносящиеся с профессиональной деятельностью объектов номинации.

В настоящее время становится популярным рекламное направление, которое получило название *нейминг* (от англ. *naming* ‘именование’). Им занимаются не только лингвисты, филологи, но и IT-специалисты, маркетологи и специалисты по связям с общественностью. Используя различные методики (социологические опросы, разработка

компьютерных программ, позволяющие проводить фоносемантический анализ потенциального эргонима и т.д.), они помогают создавать удачные названия, которые становятся визитной карточкой различных коммерческих предприятий. Более того, благодаря данным специалистам определяется ряд условий создания успешного эргонима, а именно, анализ наименований аналогичных коммерческих объектов; подбор привлекательного, но не шокирующего названия; благозвучность и запоминаемость эргонима, и, как следствие, минимальное использование иноязычных элементов; опора на фоновые знания и языковую компетентность адресата, и, наконец, графическое оформление наименования коммерческого объекта.

Учитывая представленные условия, можно с уверенностью утверждать, что большинство эргонимов нашего города, в которых присутствуют английские вкрапления, не соответствует данным требованиям коммерческой номинации. Так, реализуя аттрактивную функцию эргонимов, номинаторы коммерческих предприятий часто используют такие иноязычные лексемы, как *бест*, *люкс*, *vip*, *эконом*, или *фаст*, пытаясь сформировать положительный имидж предприятия, забывая о том, что не все потенциальные потребители предлагаемых услуг обладают высокой англоязычной языковой компетенцией.

Можно предположить, что именно предпочтет носитель русского языка, не владеющий английским языком, выбирая между двумя коммерческими предприятиями (с одинаковым спектром услуг) с названиями «Быстроденьги» или «Фастфинанс».

Таким образом, современный эргоним можно считать эффективным, если он выполняет (помимо идентификационно-номинативной) несколько обязательных функций, а именно, аттрактивную (привлечение внимания потребителя), информативную (доступная информация о предоставляемых товарах и услугах) и функцию побуждения.

«Оригинальность названия может удачно сочетаться с информативностью. Образы могут быть разными, но они, во-первых, не должны нарушать информативную функцию и устойчиво связываться в сознании потребителя со сферой деятельности компании, во-вторых, производить на адресата благоприятное впечатление, в-третьих, быть эффективными и привлекательными», – отмечает И.А. Гортунова [9].

Наличие англицизмов в составе названий городских коммерческих объектов затрудняет реализацию основных функций эргонимов и сводит коммуникацию между номинатором и потенциальным адресатом к «нулю».

Наблюдения за современными тенденциями коммерческой номинации позволяют сделать выводы о том, что использование англицизмов в названиях различных бизнес-предприятий обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Среди лингвистических причин, основной является языковая компрессия или экономия языковых средств, при которой эргоним заменяет несколько лексем языка-реципиента. К экстралингвистическим предпосылкам можно отнести языковую моду, доминирование англицизмов среди иноязычных заимствований современного русского языка, а также желание сделать услугу или товар более привлекательным и узнаваемым для зарубежного потребителя.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 79–128.
2. Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. Новосибирск, 2003. С. 35–43.
3. Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007.
4. Курбанова М.Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2014.

5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М.: Наука, 1988.
6. Практическая психология / Под ред. М.К. Тутушкиной. 2-е изд. СПб.: Дидактика Плюс, 1998.
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
8. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000.
9. Тортуннова И.А. Эргоним как результат речетворчества // Научный диалог. 2012. № 3. С. 124–137.

* * *

1. Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovaniya // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 16. М.: Progress, 1985. S. 79–128.
2. D'yakov A.I. Prichiny intensivnogo zaimstvovaniya anglicizmov v sovremennom russkom yazyke // Yazyk i kul'tura. Novosibirsk, 2003. С. 35–43.
3. Emel'yanova A.M. Ergonimy v lingvisticheskom landshafte polietnicheskogo goroda (na primere nazvanij delovyh, kommercheskih, kul'turnyh, sportivnyh ob»ektov g. Ufy): dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2007.
4. Kurbanova M.G. Ergonimy sovremennogo russkogo yazyka: semantika i pragmatika: dis. ... kand. filol. nauk. Astrahan', 2014.
5. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii. 2-e izd. М.: Nauka, 1988.
6. Prakticheskaya psihologiya / Pod red. M.K. Tutushkinoy. 2-e izd. SPb.: Didaktika Plyus, 1998.
7. Superanskaya A.V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. М.: Nauka, 1973.
8. Suprun V.I. Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego hudozhestvenno-esteticheskij potencial. Volgograd: Peremena, 2000.
9. Tortunova I.A. Ergonim kak rezul'tat rechetvorchestva // Nauchnyj dialog. 2012. № 3. S. 124–137.

***Functional violations of ergonyms with foreign language elements
in the modern Russian commercial nomination***

The issue of relevance of use of foreign language inclusions, while creating the names of commercial enterprises, is discussed. The foreign language inclusions come to the violation of the basic functions of ergonyms in the modern Russian language.

Keywords: onym, English borrowings, ergonym, attractive function, language game, nominator, commercial nomination.

(Статья поступила в редакцию 08.03.2026).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.В. СОРОКИНА
Волгоград

ТОПОС ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ-ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ

Рассматривается художественная семантика топоса детства в творчестве русских поэтов второй половины XX в. На материале поэзии Б. Ахмадулиной, Р. Казаковой, Е. Евтушенко выявляются значимые грани образов пространства в поэзии исследуемого периода.

Ключевые слова: *топос, образ, лирика, поэзия, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Римма Казакова.*

В советской литературе второй половины XX в. «концепт детства является культурным феноменом, отражающим специфику картины мира в научной и художественной традициях» [8, с. 9]. Ребенок, личность которого формируется под влиянием социокультурных процессов, оказывается носителем духовной картины времени, а то, как общество воспринимает и воспитывает своих детей, является одной из важнейших характеристик культуры в целом.

Как утверждает Н.А. Дворяшина, «пристальное внимание к „детству“ как важнейшей нравственно-философской теме <...> приобретает всеобщий характер, становится одной из доминант всей русской литературы на протяжении XX века» [3, с. 5]. В рассматриваемой теме очень важным оказывается биографический аспект: анализируемые стихотворения Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, Р. Казаковой часто соотносятся либо с личными детскими переживаниями авторов, либо адресованы собственным детям. Время, обозначенное, с одной стороны, трудовым воспитанием и коллективным сознанием, а с другой – «оттепелью», научно-техническим прогрессом и различными нововведениями, повлекшими за собой раскол в сознании поколений, всё больше заставляет человека сконцентрироваться на личном, восстановить утраченную гармонию.

Рассматривая проблему создания образа детства в советской поэзии второй половины XX в., важно разграничить поэзию «деревенскую» и «городскую» ввиду различного в зависимости от локуса подхода к воспитанию и оценке детей. В городских стихотворениях Б. Ахмадулиной ребенок помещен в урбанистическое пространство, лишённое, однако, традиционных для этого локуса примет. Лирический герой – взрослый, с интересом и даже завистью наблюдающий за маленьким баловнем судьбы. Ребенок, которого обошли война и тяготы голода, «вкушает» дары прогресса в эпоху «оттепели». Он – и испытатель автомата с газированной водой – «всех автоматов баловень надменный», и «самонадеянный фантаст», и «мальчуган, причастный к чудесам» [1, с. 42].

Именно «чудесами» называет Б. Ахмадулина все социальные и технические новшества, возникающие в жизни. Автор невольно противопоставляет себя поколению, соприкоснувшемуся с магией нового времени: «О, мне б его уверенность на миг и фамильярность с тайною простою!», «Но нет, я этой милости не стою, пускай прольется мимо рук моих» [Там же].

Б. Ахмадулина переводит бытовой сюжет в метафизический план, а пространство, согласно утверждению, высказанному в статье Н.Е. Рябцевой и Н.Е. Тропкиной «Пространство детства в ранней поэзии Беллы Ахмадулиной», «моделируется через мотивы игры, в которой автомат с газированной водой уподоблен игрушке, – традиционный в мировой литературе образ игрушки-автомата, имеющий романтический ореол» [9, с. 217]. Сравнение «автомата» с «крестьянкой, что рукой холодной даст путнику напиться из ковша», возникающее в конце стихотворения, по мнению исследователей, приводит «к определенному смысловому равновесию антитезу временного и вечного, технократического и природного» [Там же].

Сравнение с детьми – ласковыми птенцами и летящими на свет мотыльками – возникает в поэзии Б. Ахмадулиной при описании другого чуда эпохи – самолетов: «Ещё придумали: детьми ко мне пришли, и со слезами, едва с моих колен слезали...». Топос детства в стихотворении «Маленькие самолеты» (1956) наделен традиционными признаками: уютом («в доме живут, словно сверчки в стене»), невесомостью («ты крошка, ты дитя, ты еле заметен там, на голубом») и незащищенностью («ты всё проверил, мой маленький? Не вырос ты») [1, с. 95]. В стихотворении также нестандартно затрагивается тема материнства: забота и тревога героини за «крошку» и «дитя» нового столетия («сон жалостный, сон современный») – чудо, восторгающее и пугающее одновременно. Как человек и самолет находятся «на разных полюсах пространства», так дети и взрослые – на диаметрально противоположных гранях не только времени, но и мировосприятия.

В лирике Е. Евтушенко 50–60-х гг. образ ребенка раскрывается совсем иначе. Тема детства формируется через рефлексию собственных ранних лет, через формирование советского человека, поэтому и топос детства этому соответствует. Для этого периода истории характерно почти религиозное отношение к труду, состоявшее в априорной вере в его непреходящую значимость для человеческой жизни (см.: [7, с. 323–332]). Детство героя – это военное детство с его трудом не по годам. Вот и герой Е. Евтушенко, будучи ребенком, «паромы тянул, как большой», имел «руки в огне», «до десятого пота гнулся <...> под кулем» [4, с. 74]. Как мы видим, здесь нет места чуду, ни бытовому, ни, тем более, сказочному. Само же детское пространство лишено традиционных признаков «детскости»: над всей системой ценностей превозносятся лишь героический подвиг и его трудовой эквивалент. Однако все эти трудности, по убеждению автора, были оправданы. И даже «если и били за плохие дрова – потому что любили и желали добра», так что это только закалило его: «мускулистый, лобастый», «мои руки обиты и сильны, как тиски», «все на свете я смею», «потому что умею, потому что могу» [Там же].

Советская культура являлась базовым компонентом политики формирования мировоззрения нескольких поколений людей. Как уже было сказано, ребенок XX в. как бы заранее запрограммирован: он сильный, трудолюбивый, обязательно справедливый, не лишенный сострадания. В стихотворении Е. Евтушенко «Картинка детства» (1963), которое также является автобиографическим, описывается типичное бытовое происшествие: массовое наказание человека «за дело» на базаре. Увидеть событие и даже стать его соучастником сбегается толпа. И только в детских «сердчишках что-то жалось» – «я, мальчишка, плакал от стыда» [Там же, с. 228].

Изображение детского взгляда на окружающее пространство – важнейшая тема искусства XX в. Ребенок наделяется функциями непосредственного наблюдения и правом не только видеть окружающий мир, но и говорить о нём со своей позиции. «И если сотня, вторя оголтело, / Кого-то бьет, – пусть даже и за дело! – / Сто первым я не буду никогда!» [Там же] – провозглашает повзрослевший ребенок Е. Евтушенко.

Интересно проследить, как тема детства сопрягается с личной жизнью поэта. Если ранняя лирика имеет рефлексивный характер, то стихотворения 70-х гг. – это рецепция чужого детства. В 1974 г. в творчестве Е. Евтушенко появляется тема детской грешно-

сти, что противоречит классической традиции изображения ребенка. «И в детях правды нет», – боясь собственных слов, заявляет поэт, – «в них тоже есть притворство», «крошечный вождизм», «чёрное проворство» [4, с. 117]. В русской классической традиции ребенок – это человек до грехопадения, невинный и близкий к Богу. Е. Евтушенко же делает страшное открытие: «Война, как эскимо, для них в кино сладка» [Там же]. Через сопоставление совершенно недетского занятия – войны – с атрибутом типично детского – мороженым – формируется размытие границ между мирами детей и взрослых. Такое смешение происходит на фоне исторических событий: война, разруха и голод стали потаенными «воспитателями» детей. У Е. Евтушенко ребенок «вкушает» все взрослые грехи, но поэт уверен: в этом не его вина. Вопросам преждевременного взросления на фоне исторического времени посвятил свой труд «Проблема возраста» психолог Л.С. Выготский. Ученый разбирает проблему возрастных кризисов и делает вывод, что «социальная среда является источником возникновения всех специфических человеческих свойств личности, постепенно приобретаемых ребенком, или источником социального развития ребенка, которое совершается в процессе реального взаимодействия “идеальных” и наличных форм» [2, с. 265].

Для Е. Евтушенко образ «старого подхалима» – нечто привычное, он не представляет собой ничего удивительного, в то время как пяти-семилетний ребенок, корыстно угождающий или предающий другого человека, – действительно ужасающее явление. Эта тема присутствует и в стихотворении «Померкло блюдечко во мгле...» (1974): «Детей бесстыдство может съесть – не остановится» [4, с. 311]. В финале произведения «И в детях правды нет...» поэт оставляет сыну иронично-серьезное отцовское завещание, сопоставимое с наказом пушкинского Андрея Петровича Гринёва:

*Мой сын, кем хочешь стань, –
хотя бы футболистом,
но человеком будь!*

[Там же, с. 117].

В этих поэтических строках Е. Евтушенко, избегая излишней пафосности и дидактичности, прибегает к иронии.

В лирике второй половины XX в. также следует выделить группу стихотворений, которые поэты посвящают собственным детям.

В 1965 г. Римма Казакова пишет стихотворение «Мой рыжий, красивый сын...», посвященное недавно появившемуся на свет сыну Егору. В произведении на первый план выходит тема материнства: среди нежных описаний младенца проскальзывают упоминания о большой цене, которую приходится заплатить за появление ребенка на свет: «а любить – ещё нету сил», «...какой ценой, все муки снося покорно, рожаем вам пацанов...» [6, с. 177]. Детское пространство в стихотворении Р. Казаковой концентрируется в стенах родильного дома («в холодной палате простынувшей»). Несмотря на внешний холод палаты, этот локус характеризуется как жаркий, жгучий, таким образом, выстраивается пространственная антитеза. Р. Казакова насыщает пространство детства цветосветовыми характеристиками: «красненький, словно солнышко», «то медью, а то латунью полыхает из-под простыночки», «головкой своею красною», «прозрачные, <...> лунные наши пальцы», а также обращается к цветовому параллелизму: рыжий ребенок соотносится с огнем – «тебя я, как уголёк, с руки на руку перебрасываю» [Там же]. Таким образом, феномен детства осмыслен поэтом в концептуме истинной красоты и святости («мне кажется, что лучи летят от твоей постельки»).

О материнстве рассуждает и Евгений Евтушенко в стихотворении «Мать» (1969): родительство – «самое святое», что даровано человеку. «Прекрасна мать с ребенком на руках...» [4, с. 480] – начинается свой текст Е. Евтушенко. Традиционно образ женщины с ребенком воспринимается как вечный символ непоколебимости мира. Однако уже с

первых строк младенец пытается вырваться из держащих его рук – таким образом, едва достигший гармонии мир начинает рушиться. Причина этому – столкновение нежных чувств самоотверженной матери и неукротимой воли ребенка. Лукавство и притворство во имя достижения собственной цели – главные качества, которые выделяет поэт в маленьком герое. Е. Евтушенко страшится собственного открытия, но сердце матери слепо к вранью ребенка: «Чужие сыновья на всё способны, / Но не способен собственный ко лжи» [Там же]. Поэт сравнивает дитя с атаманом («такой неукротимый атаманчик»): власть казачьего предводителя распространялась на ограниченный контингент, так и ребенок имеет власть лишь над матерью. Мать же видит своего сына всевластным императором Петром Великим «на троне, притворившемся горшком».

Традиционный для детской темы мотив игры приобретает у Е. Евтушенко новое значение: стимулом к ней становится не развлечение, а особый умысел ребенка. Мать же становится игрушкой-марионеткой («уже он знает <...>, что всё получит, если мать помучит»). Таким образом, Е. Евтушенко снова размывает границы между «детским» и «взрослым». Ребенок в стихотворении – повелитель, в то время как мать наивна и податлива на ласки. Важно, что с развитием детской темы в творчестве Е. Евтушенко ребенок приобретает больше отрицательных характеристик, чем положительных. Если раньше героем его лирики был ребенок трудолюбивый и стойкий – надежда на человека будущего, то теперь это дитя избалованное и плутоватое.

Таким образом, система мотивов детства и обусловленный принадлежностью к ней топос формируются на пересечении индивидуально-авторских интенций, в т.ч. связанных с биографией поэта и общих тенденций исторического времени.

Список литературы

1. Ахмадулина Б.А. Сочинения: В 3 т. Т. 1. Стихотворения 1980–1996. Переводы. Воспоминания. М.: Изд-во «ПАН • КОРОНА-ПРИНТ», 1997.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эль-конина. М.: Педагогика, 1984.
3. Дворяшина Н.А. Детство как духовно-нравственная ценность в русской литературе XX века. Сургут: RIO BU «Сургутский государственный педагогический университет», 2018.
4. Евтушенко Е.А. Собрание сочинений. Т. 5. М.: Изд-во «Э», 2016.
5. Жуховицкий Л. Каждый день хоть кто-нибудь произносит его имя // Роберт Рождественский: удостоверение личности. М.: ООО «Эстепона», 2002. С. 549–551.
6. Казакова Р.Ф. Страна Любовь. Стихотворения. М.: Мол. гвардия, 1980.
7. Леонтьева С. Г. Трудовое детство // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 323–332.
8. Маслова О.О. Концепт детства в научной и художественной традициях XX века: автореф. дис. ... канд. культурологии. Ярославль, 2005.
9. Рябцева Н.Е., Тропкина Н.Е. Пространство детства в ранней поэзии Беллы Ахмадулиной // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (147). С. 215–219.

* * *

1. Ahmadulina B.A. Sochineniya: V 3 t. T. 1. Stihotvoreniya 1980–1996. Perevody. Vospominaniya. M.: Izd-vo «PAN • KORONA-PRINT», 1997.
2. Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 4. Detskaya psihologiya / Pod red. D.B. El'konina. M.: Pedagogika, 1984.
3. Dvoryashina N.A. Detstvo kak duhovno-nravstvennaya cennost' v russkoj literature XX veka. Surgut: RIO BU «Surgutskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet», 2018.
4. Evtushenko E.A. Sobranie sochinenij. T. 5. M.: Izd-vo «E», 2016.

5. Zhuhovickij L. Kazhdyj den' hot' kto-nibud' proiznosit ego imya // Robert Rozhdstvenskij: udostoverenie lichnosti. M.: ООО «Estepona», 2002. S. 549–551.
6. Kazakova R.F. Strana Lyubov'. Stihotvoreniya. M.: Mol. gvardiya, 1980.
7. Leont'eva S. G. Trudovoe detstvo // Otechestvennye zapiski. 2003. № 3. S. 323–332.
8. Maslova O.O. Koncept detstva v nauchnoj i hudozhestvennoj tradiciyah XX veka: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. Yaroslavl', 2005.
9. Ryabceva N.E., Tropkina N.E. Prostranstvo detstva v rannej poezii Belly Ahmadulinoj // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 4 (147). S. 215–219.

The topos of childhood in the creative work of the poets of the sixties

The artistic semantics of childhood topos in the creative work of the Russian poets of the second half of the XXth century is considered. Based on the poetry of B. Akhmadulina, R. Kazakova and E. Evtushenko, the significant limits of the spatial images in the poetry of the studied period are revealed.

Keywords: *topos, image, lyrics, poetry, Bella Akhmadulina, Evgeniy Evtushenko, Rimma Kazakova.*

(Статья поступила в редакцию 12.12.2025).

Е.Б. НИКИФОРОВА

Волгоград

**СЛОВО МОЛОДЫХ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛИНГВИСТИКИ**

20 ноября 2025 г. в рамках VI Международного форума «Золотая Звезда», приуроченного к празднованию 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете прошла IX Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Сталинградская гвоздика».

На пленарных и секционных заседаниях были представлены 88 докладов студентов и аспирантов из России (Бийска, Благовещенска, Волгограда, Воронежа, Горловки, Грозного, Махачкалы, Москвы, Нижнего Новгорода, Омска, Оренбурга, Самары, Санкт-Петербурга, Томска, Тулы, Ярославля), а также ряда зарубежных стран (Армении, Беларуси, Вьетнама, Молдовы, Казахстана, КНР, Кыргызстана, ПМР, Турции).

Работу конференции открыла доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания К.И. Декатова. С приветственным словом выступили проректор по учебной работе Волгоградского государственного социально-педагогического университета, кандидат педагогических наук Ю.А. Жадаев, директор Института русского языка и словесности Волгоградского государственного социально-педагогического университета, доктор филологических наук Е.И. Алещенко, а также приглашенные эксперты: доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор С.А. Мызников, доктор филологических наук, профессор О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор Е.Н. Бекасова. Прозвучали и онлайн-приветствия зарубежных учёных: участников конференции поздравили профессор Лили Банерджи (Индия, Калькуттский университет), доцент Е.В. Сирота (Молдова, Бельцкий университет), профессор Шейла Вейра ди Камарго Грилло (Бразилия, университет Сан-Паулу), кандидат филологический наук Э.С. Аршакян (Армения, Ереванский государственный университет). Завершили торжественную часть участники вокального ансамбля «Слово славное» Института русского языка и словесности ВГСПУ (руководитель – доктор филологических наук, профессор Л.А. Шестак), представив военно-патриотические песни на русском, чешском и болгарском языках.

Пленарные заседания возглавили член-корреспондент РАН, профессор С.А. Мызников, профессор Е.Н. Бекасова и профессор О.В. Никитин. Первый доклад представила И.А. Пыхтунова (ВГСПУ), рассмотрев оксюморон как средство выражения противоречивости художественного образа. А.Б. Алавердян (Воронежский государственный педагогический университет) проанализировала репрезентацию образа ВГПУ в медиадискурсе и данных больших языковых моделей. И.В. Терехов (Государственный университет просвещения, Москва) выступил онлайн с докладом, в котором прокомментировал связи: этимология, компаративистика, семасиология, сравнительно-историческое языкознание. Е.С. Туманова (ВГСПУ) исследовала соотношение разных видов фигур прибавления в поэзии Р.И. Рождественского. И.И. Коновалова (Благо-

вещенский государственный педагогический университет) рассмотрела сборник стихотворений В. Черкесова «Живые обелиски» как художественную аккумуляцию памяти о Великой Отечественной войне. А.Д. Девяткина (ВГСПУ) выступила с анализом фитонимов в русских фразеологизмах. Я.Н. Тетелюк (Бельцкий государственный университет им. Алеку Руссо, Молдова) представила средства вербализации концепта «душа» в языковой картине русского этноса. Чэнь Бохань (Чанчуньский университет, КНР) рассмотрел проблемы перевода с китайского языка на русский и с русского языка на китайский в условиях цифровизации. А.Д. Сокольская (Бийский филиал им. В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета) проанализировала формы и методы обучения русскому языку. А.Р. Бисенбаева (ВГСПУ) рассказала об особенностях обрядовой лексики села Верхнепогромное Волгоградской области. И.В. Степанова (Воронежский государственный педагогический университет) определила основные функции разговорной лексики в романе М.А. Шолохова «Они сражались за Родину». О.А. Богатырёва (Бийский филиал им. В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета) рассмотрела использование ИКТ-технологии при изучении глагольных форм в школьном курсе русского языка. Л.А. Кольцова и Л.С. Лучкин (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург) представили учебный проект словаря, проанализировав военную лексику в романе Толстого «Война и мир». С.И. Мишкина (Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого) выявила образовательный потенциал интернет-мемов в обучении русскому языку в условиях современной цифровой культуры. А.В. Баронина и О.Д. Визиренко (Оренбургский государственный педагогический университет) прокомментировали оренбургские номинации животных в зеркале диалектных словарей. Д.Б. Веремеенко (ВГСПУ) рассмотрела парные мужские и женские имена и стремление их различать формами гипокористики. А.А. Добролинская (Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, Беларусь) осветила особенности современных рассказов в периодической печати Беларуси на примере журнала «Вясёлка». Н.Г. Есаян (Ереванский государственный университет, Армения) говорила о педагогической этике в сфере виртуального пространства. Е.А. Адамович и В.В. Баранова (Оренбургский государственный педагогический университет) рассмотрели наименование детей в словарях оренбургских говоров. Челик Сюмейе (Кавказский университет, Карс, Турция) прокомментировал трудности при постановке ударения в процессе обучения русскому языку турецкими учащимися. Е.С. Калмыкова (ВГСПУ) рассмотрела фразеостилистическую конвергенцию как элемент идиостиля Иосифа Бродского. М.М. Степнов (Государственный университет просвещения, Москва) проанализировал особенности коннотации слов в контексте истории национальной культуры. Е.Д. Барышева (ВГСПУ) сопоставила концепты «обида» и «оскорбление» в русском языке. А.В. Брославская (Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, ПМР) исследовала антропонимию в романе И.А. Гончарова «Обломов». А.А. Ротова (ВГСПУ) прокомментировала ономастику Грина. Ле Тхи Фьонг Линь, Хуинь Тхи Зиём Нгок, Нгуен Занг Нгок Ньунг, Ли Тхань Ньы (Хошиминский педагогический университет, Вьетнам) провели сравнение структуры банковских терминов в русском, английском и вьетнамском языках. А.В. Комиссарова (ВГСПУ) исследовала динамику реализации языковых норм в СМИ в рамках языковой игры. В.О. Шабанова и П.А. Лецык (Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова, Горловка) определили лексико-стилистические особенности современных лирических произведений о Донбассе. А.А. Волосатова (Бийский филиал им. В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета) проанализировала возможности медиа-технологий при изучении раздела «Морфология» в школьном курсе русского языка.

Девять научных докладов были представлены онлайн. Активными участниками пленарных заседаний были не только преподаватели, аспиранты и студенты Волгоградского государственного социально-педагогического университета, но и гости, прибывшие из вузов других городов: Д.В. Лукьянов (Омский государственный педагогический университет), М.Р. Мальсагов (Чеченский государственный педагогический университет), Д.А. Прямкова (Томский государственный педагогический университет), Т.С. Юрина (Херсонский государственный педагогический университет).

Во второй половине дня прошли заседания трех секций: «Русский язык в современном научном и образовательном пространстве», «Проблемы современной русистики» и «Актуальные вопросы лингвистики», работой которых руководили доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и методики его преподавания Е.И. Алещенко, В.П. Москвин, Е.Б. Никифорова, М.Ф. Шацкая. В докладе А.В. Сергейчевой (Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск, Казахстан) были проанализированы возможности использования нейросетевых технологий в оптимизации работы учителя русского языка. А.А. Алимпиева (Самарский государственный социально-педагогический университет) рассказала о воспитании патриотизма младших школьников при изучении русского языка. Я.О. Милосердова (Государственный университет просвещения, Москва) выявила средства выразительности, реализующие идею братской дружбы русского и болгарского народов, в болгарской литературе и их рецепция в русском переводе. У.А. Сыренкова (Бийский филиал им. В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета) прокомментировала особенности лексики интернет-мемов в пабликах и группах фанатов видеоигр. К.Р. Омарова (Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала) рассуждала о русском языке в эпоху глобализации, прокомментировав вызовы и возможности для будущего филолога. К.А. Мартиросян (Ереванский государственный университет, Армения) рассмотрела мотивы превращения в поэзии О. Мандельштама и К. Некрасовой. А.А. Тенигина (Самарский государственный социально-педагогический университет) представила метод проектов при изучении РКИ. К.Е. Редькина (Омский государственный педагогический университет) рассмотрела региональное словесное наследие Великой Отечественной войны как источник формирования лингвокультурологического ландшафта Омской области. К.А. Макарычева (Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского) сообщила о некоторых особенностях образования форм единственного числа от конкретных и вещественных существительных *pluralia tantum*. А.В. Курганова (Самарский государственный социально-педагогический университет) доложила о структуре и вербальной репрезентации концепта «Общество потребления» в русском языке начала XXI в. А.Е. Римова (Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского) раскрыла скрытые смыслы в русском речевом этикете (благодарность, извинение и просьба). Р.А. Костандян (Ереванский государственный университет, Армения) исследовала концепт «Свобода» в русской и армянской лингвокультурах. В.З. Пашоян (Самарский государственный социально-педагогический университет) осветила вопросы изучения односоставных предложений в рассказах А.П. Чехова в среднем общем образовании. Д.П. Слободянюк (Бельцкий государственный университет им. Алеку Руссо, Молдова) доложила о вербализация концепта «одиночество» в художественном дискурсе на материале рассказов А.П. Чехова. К.А. Мискарян (Ереванский государственный университет, Армения) проанализировала сложносочиненные предложения с союзом «И». А.Е. Колтакова (Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского) рассказала о глаголах-зооморфизмах в современной газетной публицистике. К.Д. Тимкова (Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского) доложила о некоторых особенностях функционирования иноязычных вкраплений в современной речи. Д.В. Катайкина (ВГСПУ)

рассмотрела функциональные особенности фигур неправдоподобия в поэтическом тексте. А.В. Мязина (ВГСПУ) проанализировала функциональные особенности фигур алогизма в художественных текстах русских поэтов. Е.А. Тихонова (ВГСПУ) раскрыла приёмы персонификации в поэзии И.А. Бунина. П.Д. Лютова (ВГСПУ) рассмотрела роль сравнительных конструкций в современной газетной публицистике. А.С. Якушина (ВГСПУ) исследовала китайскую заимствованную лексику в русском языке. В.В. Поливода (ВГСПУ) представила особенности индивидуально-авторского использования метафоры в рассказах М.А. Булгакова. В.А. Яковлева (ВГСПУ) проанализировала примеры актуализации диалектной лексики в современном русском языке. Н.А. Асатрян (ВГСПУ) исследовала заимствования в русском языке на материале молодёжного сленга. И.Ю. Царенкова (ВГСПУ) раскрыла художественные особенности прозы В.М. Шукшина. Д.К. Хлебцова (ВГСПУ) изучила номинацию парков и цветов в современном русском языке. А.А. Бударина (ВГСПУ) проанализировала лексику активного и пассивного запаса языка на материале лексико-семантической группы «Посуда». В.А. Кузнецов (ВГСПУ) рассмотрел энтонимы в Словаре Академии Российской и их дальнейшее употребление в русском языке. А.С. Соколова (ВГСПУ) исследовала социальную рекламу как отражение проблем и динамики развития общества. А.Е. Стальмакова (ВГСПУ) рассмотрела методику изучения фразеологизмов на уроках русского языка на материале рекламных текстов. Т.А. Баскакова (ВГСПУ) предложила классификацию наименований тканей в истории русского языка.

На заключительном заседании, которое провел доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания В.И. Супрун, были подведены итоги конференции. Руководители пленарных и секционных заседаний, приглашенные эксперты отметили, что IX Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Сталинградская гвоздика» прошла на высоком научном уровне. Выступившие указали на достойный уровень докладов, особенно выделив работы А.Р. Бисенбаевой (ВГСПУ), К.Р. Омаровой (Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала), Е.С. Тумановой (ВГСПУ), И.В. Степановой (Воронежский государственный педагогический университет), С.И. Мишкиной (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого), Д.Б. Веремеенко, А.В. Комиссаровой, Е.С. Калмыковой, И.А. Пыхтуновой (ВГСПУ). Участники подчеркнули необходимость проведения международных научных конференций, поскольку подобные мероприятия способствуют развитию и укреплению сотрудничества ученых разных городов и стран, формированию и становлению лингвистов нового поколения, что в итоге и определяет перспективы развития филологической науки в целом.

The word of the young: a new vision for the actual issues of Linguistics

(Статья поступила в редакцию 30.01.2026).

ДИАЛЕКТОЛОГИ ВСЕЙ РОССИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ОТДЕЛЕНИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

26–27 января 2026 г. в Санкт-Петербурге состоялось ежегодное XLII Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров–2026», организованное Институтом лингвистических исследований Российской академии наук совместно с Институтом славяноведения Российской академии наук и Санкт-Петербургским отделением Российской академии наук. В 2026 г. совещание было посвящено торжественной дате – 100-летию со дня рождения выдающегося учёного-диалектолога, основателя проекта «Лексический атлас русских народных говоров», Игоря Александровича Попова (1926–2000).

В работе совещания приняли участие более пятидесяти исследователей (в т.ч. молодых ученых) в области диалектологии и лингвистической географии, представителей более тридцати вузов России, работающих над общероссийским проектом «Лексический атлас русских народных говоров» из Санкт-Петербурга, Москвы, Арзамаса, Астрахани, Борисоглебска, Великого Новгорода, Волгограда, Вологды, Воронежа, Екатеринбургa, Иваново, Ижевска, Костромы, Орла, Петрозаводска, Пскова, Ростова-на-Дону, Самары, Саратова, Смоленска, Твери, Тулы, Тюмени, Уфы.

Работа совещания началась с приветственного слова научного руководителя Института лингвистических исследований, академика РАН Н.Н. Казанского. Он рассказал о богатой истории диалектологических исследований, возглавляемых АН СССР и АН России, о вкладе И.А. Попова в развитие русской диалектологии, лингвистической географии и этнолингвистики.

Игорю Александровичу Попову как личности и выдающемуся ученому были также посвящены выступления С.А. Мызникова (Санкт-Петербург), О.И. Жмурко (Иваново), Л.А. Климовой (Арзамас), Н.И. Ганцовой и Г.Д. Негановой (Кострома), Г.М. Курбангалеевой (Уфа), Л.Я. Костючук (Псков). Эти ученые в разное время были учениками и коллегами И.А. Попова, работали над проектом ЛАРНГ.

В продолжение совещания руководитель группы «Лексический атлас русских народных говоров» М.Д. Королькова рассказала о ходе работы над проектом, проблемах и перспективах исследования.

М.Д. Королькова представила присутствующим очередной выпуск ежегодного сборника, включающего материалы докладов совещания 2025 г. «Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2025». В разделе сборника «IN MEMORIAM» размещена статья, посвященная памяти профессора кафедры русского языка и методики его преподавания ВГСПУ, выдающегося ученого Евгении Валентиновны Брысиной (1960 – 2025). Коллега и соратник Е.В. Брысиной, профессор В.И. Супрун в рамках своего выступления представил научному сообществу недавно вышедшую монографию «Лингвокультура донского казачества в прошлом и настоящем», написанную в соавторстве с Е.В. Брысиной.

Тематика докладов, прозвучавших на совещании, охватывала как теоретические проблемы диалектологии и лингвистической географии, так и прикладные аспекты исследования говоров русского языка и создания лингвогеографических карт. Так, выступления некоторых диалектологов были посвящены работе над региональными слова-

рями, атласами, базами данных, например: «Этнолингвистический словарь Кенозерья: пробные словарные статьи. Болото» (И.Б. Качинская, Москва), «Проект электронного фитонимического словаря тамбовских говоров» (В.Б. Колосова, Санкт-Петербург), «Материалы к словарю говора Воронежского Прихопёрья» (В.Ф. Филатова, Борисоглебск).

Подавляющее большинство докладов касались актуальных аспектов исследования отдельных тематических групп лексики говоров русского языка, например: «Наименования метели, позёмки, бурана в говорах Среднего Поволжья и Приуралья» (Т.Е. Баженова, Самара), «Диалектная лексика лунного цикла в лингвомифологическом контексте» (Е.В. Тишина, Москва), «Соматическая лексика говоров Волгоградской области» (Е.В. Кузнецова, Волгоград), «Собираательные имена существительные в воронежских говорах в структурном, семантическом и функциональном аспектах» (С.С. Токарева, Воронеж), «Географические термины в костромской микропонимии (*грива, гривка*)» (Е.В. Цветкова, Кострома), «Лексико-тематическая макрогруппа «Традиционная культура» в чирской группе донских говоров (социоллингвистический аспект)» (И.М. Филатова, Волгоград) и др.

XLII Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2026» прошло на высоком научном уровне. Организаторы выразили благодарность участникам проекта ЛАРНГ за активную деятельность по обработке материалов и созданию карт для атласа, а также наметили перспективы работы над составлением четвёртого тома ЛАРНГ «Метеорология».

*The dialectologists of all Russia in the Saint-Petersburg Branch
of the Russian Academy of Sciences*

(Статья поступила в редакцию 29.01.2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авилова
Анна Александровна* – аспирант кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: avilova97@mail.ru
- Бикус
Дарья Сергеевна* – старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», Волгоградский государственный технический университет. E-mail: nick32485@yandex.ru
- Вяткина
Татьяна Юрьевна* – преподаватель, Московский государственный лингвистический университет. E-mail: tatianavyatkina@mail.ru
- Грасс
Елена Павловна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: grasslena@gmail.com
- Гребенюк
Елена Федоровна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: elena_boldareva@mail.ru
- Кузнецова
Елена Валентиновна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: Kev7-78@mail.ru
- Леонтович
Ольга Аркадьевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: olgaleo@list.ru
- Матюшенко
Екатерина Евгеньевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: kate16051987@ya.ru
- Москвин
Василий Павлович* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: vasmoskvin@yandex.ru
- Никифорова
Елена Борисовна* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: nikiforovaelena@mail.ru
- Перминов
Евгений Владимирович* – Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: ev.perminov2016@eandex.ru
- Сорокина
Марина Владимировна* – преподаватель, Волгоградский государственный технический университет. E-mail: topchieva_nn@mail.ru
- Тисленкова
Ирина Александровна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», Волгоградский государственный технический университет. E-mail: tislenskova@bk.ru

- Тютюнова
Олеся Николаевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: t-ollessja@bk.ru
- Ханова
Анна Андреевна* – старший преподаватель кафедры китайского языка, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: hanova94@mail.ru
- Хлынова
Ольга Сергеевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: hola17@mail.ru
- Чжао Шутин* – аспирант кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: zhaoshuting2020@163.com
- Шакирьянов
Лев Морисович* – кандидат филологических наук, ассистент кафедры английского языка, Уфимский университет науки и технологий. E-mail: levshakiryarov@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Anna Avilova* – Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: avilova97@mail.ru
- Anna Khanova* – Senior Lecturer, Department of Chinese Language, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: hanova94@mail.ru
- Darya Bikus* – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Volgograd State Technical University, E-mail: nick32485@yandex.ru
- Ekaterina Matyushenko* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: kate16051987@ya.ru
- Elena Grass* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: grasslena@gmail.com
- Elena Grebenyuk* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: elena_boldareva@mail.ru
- Elena Kuznetsova* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: Kev7-78@mail.ru
- Elena Nikiforova* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: nikiforovaelena@mail.ru
- Evgeny Perminov* – Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: ev.perminov2016@yandex.ru
- Irina Tislenkova* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Volgograd State Technical University, E-mail: tislenkova@bk.ru
- Lev Shakiryarov* – PhD (Philology), Assistant, Department of English Language, Ufa University of Science and Technology, E-mail: levshakiryarov@gmail.com
- Marina Sorokina* – Lecturer, Volgograd State Technical University, E-mail: topchieva_nn@mail.ru
- Olga Khlynova* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: hola17@mail.ru
- Olga Leontovich* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: olgaleo@list.ru
- Olesya Tyutyunova* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: t-olesja@bk.ru

Tatyana Vyatkina

– Lecturer, Moscow State Linguistic University, E-mail: tatianavyatkina@mail.ru

Vasily Moskvina

– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: vasmoskvina@yandex.ru

Zhao Shuting

– Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: zhaoshuting2020@163.com

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Я.А. Волкова, д-р филол. наук, проф. (Москва)

С.Г. Воркачѳв, д-р филол. наук, проф. (Краснодар)

А.Х. Гольденберг, д-р филол. наук, проф.

Д.Ю. Гулинов, д-р филол. наук, проф.

В.В. Дементьев, д-р филол. наук, проф. (Саратов)

Л.В. Жаравина, д-р филол. наук, проф.

В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. (Москва)

А.А. Кораблев, д-р филол. наук, проф. (Донецк)

М.Ч. Ларионова, д-р филол. наук, доц. (Ростов-на-Дону)

О.А. Леонтович, д-р филол. наук, проф.

Г.Б. Мадиева, д-р филол. наук, проф. (Алматы, Казахстан)

В.М. Мокиенко, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

С.А. Мызников, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

Н.Н. Панченко, д-р филол. наук, проф.

С.В. Первалова, д-р филол. наук, доц.

Л.Н. Савина, д-р филол. наук, доц.

В.И. Супрун, д-р филол. наук, проф.

Н.Е. Тропкина, д-р филол. наук, проф.

А.А. Фокин, д-р филол. наук, доц. (Ставрополь)

Цзиньлин Ван, д-р филол. наук, проф. (Чанчунь, КНР)

Э.Ф. Шафранская, д-р филол. наук, доц. (Москва)

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А.М. Коротков, председатель совета, член-корр. РАО, ректор ВГСПУ, д-р пед. наук, проф.

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

М.В. Великанов, отв. секретарь редколлегии